

801-12 M 54
1319 24

ПУТЕШЕСТВІЕ

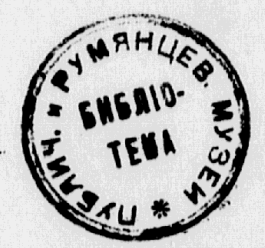
ПО

ИТАЛИИ

въ 1875 и 1880 гг.

И. Цвѣтаева

ПРОФЕССОРА ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

МОСКВА.

ИЗДАНИЕ КНИГОПРОДАВЦА А. Л. ВАСИЛЬЕВА.

1883.

Типографія А. Иванова (б. Миллера), Покровка, Машковъ ш., д. № 12.

19093-0

2011136658

Рядъ писемъ о двухъ путешествіяхъ по Италиі, предлагаемый здѣсь на благосклонный судъ читателей, былъ печатанъ отдѣльными статьями въ Вѣстникъ Европы за 1881 и 1882 гг. Собрать эти разрозненные очерки вмѣстѣ и издать ихъ особой книгой побудили насъ, съ одной стороны, совѣты друзей и знакомыхъ и, съ другой, желаніе еще разъ перебрать въ своей памяти пройденныя мѣста той чудной страны, воспоминанія о которой остаются на всегда дорогими для всякаго, кого счастливая судьба водила подъ то далекое отъ насъ небо, и еще разъ помянуть благодарнымъ словомъ тѣхъ представителей итальянской науки, съ которыми ставили насъ въ соприкосновеніе спеціальныя цѣли нашего путешествія.

Не имѣя никакого притязанія на художественность разсказа о прелестяхъ того удивительнаго края, на который природа истоцила едва-ли не всѣ свои дары, мы намѣренно избѣгали описанія красотъ видѣнныхъ нами мѣстностей, почти исключительно ограничившись характеристикой лицъ и учреждений,

имѣвшихъ отношеніе къ археологіи и исторіи. И если эти рассказы объ Италіи и ея ученыхъ въ состояніи будутъ внушить читателю хотя небольшую симпатію къ тѣмъ типамъ, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, то цѣль нашей книги будетъ вполне достигнута.

У.

Директоръ неаполитанскаго національнаго музея, г. Джулио де-Петра.

Десять лѣтъ тому назадъ, занятія латинской филологіей привели меня къ сознанию необходимости включить въ кругъ своего изученія и языки народовъ, издревле населявшихъ Италію, каковы Сабиняне, Самниты, Умбры, Вольски, Фалиски и др. Народы эти—родные братья Латиновъ, и потому, чтобы яснѣе понять природу языка послѣднихъ, необходимо брать въ расчетъ и лингвистическія особенности первыхъ.

Языки этихъ народовъ дошли до насъ въ надписяхъ на камнѣ, металлѣ, терракоттѣ, стукѣ, кости или на какомъ-либо другомъ твердомъ матеріалѣ. Европейская наука уже издавна трудится надъ разъясненіемъ этихъ надписей, надъ раскрытіемъ ихъ содержанія и формы. Достаточно здѣсь указать на болѣе видныя имена Ланци, Ремондини, Гротефенда, Лепсіуса, Ауфрехта, Кирхгофа, Моммсена, Фабретти, Корссена, Бюхелера, Бугге и Бреалья. Ихъ усиліями уже многое сдѣлано на этомъ нелегкомъ пути, но многое остается и для грядущихъ поколѣній ученыхъ, средства которыхъ будутъ несомнѣнно богаче, чѣмъ у ихъ предшественниковъ.

Сначала я считалъ возможнымъ удовлетворить этой потребности изученія древне-италійской діалектологіи лишь усвоеніемъ тѣхъ данныхъ, которыя прочно выработаны въ нѣмецкой и итальянской литературахъ. На первыхъ порахъ

этотъ приемъ дѣйствительно соотвѣтствовалъ цѣли; но потомъ, по мѣрѣ болѣе близкаго знакомства съ предметомъ, стали возникать сомнѣнія и вопросы, рѣшенія которыхъ напрасно было бы искать въ ученой литературѣ и которые могли быть выяснены только личнымъ знакомствомъ съ памятниками, только непосредственнымъ изученіемъ самихъ надписей. Такихъ вопросовъ и колебаній становилось все болѣе и болѣе, по мѣрѣ приближенія моего путешествія въ Италію. Въ октябрѣ 1874 г. мнѣ выпало на долю счастье переѣхать Альпы и вступить въ ту благословенную страну, видѣть которую для человѣка, занимающагося изученіемъ античнаго міра, всегда составляетъ вѣнецъ желаній.

Здѣсь встрѣча съ памятниками древности лицомъ къ лицу лишь подтвердила наши прежнія сомнѣнія, лишь узаконила прежде робкіе вопросы. Слѣдствіемъ всего этого было рѣшеніе посвятить себя на послѣднее изученіе предмета въ его основаніяхъ, въ его источникѣ. Я задался цѣлю собрать всѣ надписи древнихъ Италийцевъ (за исключеніемъ доселѣ темныхъ для науки Этрусковъ), представить наиболѣе вѣрные тексты ихъ и, съ помощью соотвѣтственной литературы, составить опытъ объясненія ихъ со стороны содержанія и формы.

Работа началась съ надписей Самнитовъ, съ такъ-называемыхъ Осскихъ надписей. Отправляться отсюда въ этихъ эпиграфическихъ студіяхъ нужно было столько же по важности языка этого племени для уясненія формъ латинской рѣчи, столько же по многочисленности матеріала сравнительно съ надписями всѣхъ другихъ народовъ (исключая Умбровъ), сколько и въ силу того обстоятельства, что редакція этихъ надписей, существовавшая въ итальянской и нѣмецкой литературахъ, наиболѣе бросалась въ глаза разнаго рода неточностями и противорѣчіями.

Изученіе древне-италійской письменности пришлось начать

съ Неаполя, такъ-какъ въ нынѣшнемъ Museo Nazionale (что прежде былъ Museo Borbonico) собрано наибольшее число надписей. Во главѣ этого учрежденія, незадолго передъ моимъ приѣздомъ, сталъ профессоръ археологіи неаполитанскаго университета и руководитель помпейскихъ раскопокъ Джуліо де-Петра. Имя этого ученаго въ археологической литературѣ въ первый разъ встрѣчается, если не ошибаемся, въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ *) какъ автора монографіи „О состояніи италійскихъ городовъ послѣ Союзнической войны въ примѣненіи къ колоніямъ Помпей и Пуццоли“ **). Этотъ трудъ, увѣнчанный преміей неаполитанской академіей наукъ, сразу поставилъ автора на видное мѣсто между итальянскими учеными: начитанность въ древнихъ текстахъ, распоряженіе въ широкихъ размѣрахъ латинскими надписями, зрѣлость сужденія вмѣстѣ съ замѣчательной простотою и ясностью изложенія—вотъ достоинства изслѣдованія г. де-Петры, тогда начинавшаго свою ученую карьеру. Вскорѣ послѣ появленія этой монографіи, г. де-Петра получилъ мѣсто при неаполитанскомъ музеѣ и помпейскихъ раскопкахъ. Съ 1868 г. онъ вмѣстѣ съ Эдуардомъ Бриціо, нынѣшнимъ профессоромъ археологіи въ болонскомъ университетѣ, полагаютъ основаніе Scuola Archeologica di Pompei, назначеніемъ которой было разработывать собственно помпейскую археологію и готовить будущихъ преподавателей археологіи въ итальянскихъ университетахъ, и берутъ въ свое завѣдываніе редакцію „Журнала Помпейскихъ Раскопокъ“ (Giornale degli Scavi di Pompei), смѣнивъ въ этомъ случаѣ своего учителя и руководителя Фиорелли. Это ежемѣсячное изданіе суще-

*) Atti dell'Accademia di Archeologia, Letteratura e Belle Arti (Napoli 1865).

**) Sulle condizioni delle città italiche dopo la guerra Sociale con applicazioni alle colonie di Pompei e Pozzuoli per Giulio de Petra.

ствовало двѣнадцать лѣтъ,—и можно сказать безъ преувеличенія, что наибольшая доля статей, помѣщавшихся здѣсь по части помпейской эпиграфики и живописи, принадлежитъ эту ученому, да и многія другія статьи писаны подѣ его ближайшимъ руководствомъ. Впрочемъ, плодовитость—общая черта итальянскихъ археологовъ; тамошніе изслѣдователи старины пишутъ много и любятъ печататься. Но что составляетъ особенную заслугу г. де-Петры, такъ это строгая критика въ его научныхъ работахъ, осторожность сужденій и отсутствіе той поспѣшности, съ которой въ Италіи публиковались археологическія находки прежде. Знакомство съ нѣмецкой методикой и постоянныя сношенія съ главными представителями европейской археологической науки, которые въ вопросахъ относительно Помпей, Геркулана и разнородныхъ сокровищъ неаполитанскаго музея не рѣдко принуждены бываютъ полагаться на сообщенія г. де-Петры какъ на голосъ очевидца, приучили его къ такой строгости къ самому себѣ, которой весьма часто недоставало итальянскимъ археологамъ старой школы. Стоитъ присмотрѣться хотя бы къ его публикаціямъ латинскихъ надписей въ вышеназванномъ журналѣ, чтобы убѣдиться въ томъ, что итальянское правительство, ставя сравнительно молодого профессора во главѣ такого учрежденія, какъ неаполитанскій музей, ввѣряло дѣло въ руки добросовѣстнаго и дѣятельнаго ученаго. Оттого-то и въ Италіи, и за границей, именно въ соотвѣтственныхъ сферахъ Франціи и Германіи, съ теплымъ чувствомъ было привѣтствовано назначеніе такого преемника знаменитому Фиорелли, который до самой старости работалъ въ Помпеяхъ и Неаполѣ, какъ частный ученый, какъ директоръ музея и организаторъ раскопокъ, и который весной 1875 г. получилъ высшій постъ въ Римѣ *).

*) О дѣятельности этого ученаго будетъ сказано ниже.

Впрочемъ, все вышесказанное относительно г. де-Петры я узналъ уже позднѣе. Но въ апрѣлѣ 1875 г. я отправился къ нему просто какъ къ директору нужнаго мнѣ правительственнаго учрежденія, имѣя въ виду лишь получить позволеніе для занятій въ музеѣ—его галлерейхъ и библиотекѣ.

Мы, русскіе, при словѣ „директоръ“ того или другого учрежденія, будь то департаментъ, академія, эрмитажъ, театръ, банкъ и т. п., приучены къ представленію о чловѣкѣ важномъ, малодоступномъ, поздно являющемся на службу, мало на ней остающемся, сидящемъ въ одной изъ дальнихъ залъ своей канцеляріи и обыкновенно скупомъ на слова и личныя объясненія. Такимъ я представлялъ себѣ и директора неаполитанскаго Museo Nazionale. Но удивительной показалась мнѣ уже крайне скромная обстановка приемной комнаты представителя такого учрежденія, на которое обращены взоры всего цивилизованнаго міра, куда стекаются въ силу ученой пытливости, или по простой любознательности, со всѣхъ концовъ свѣта у кого есть досугъ и средства, наконецъ учрежденія, посѣтить которое считают своимъ долгомъ государи и всѣ сильныя міра, разъ попавши на берегъ Неаполитанскаго залива. Между тѣмъ, это—небольшая зала, помѣщающаяся въ верхнемъ этажѣ зданія, въ два окна, съ продолговатыми овальной формы столомъ, который, какъ я узналъ впоследствии, служитъ для засѣданій дирекціи музея и для студентовъ мѣстнаго университета, слушающихъ здѣсь курсъ археологій у г. де-Петры. По стѣнамъ ея, вмѣсто всякихъ украшеній, стоятъ шкафы съ дѣлами канцеляріи музея; что же касается до мебели, то, выражаясь деликатнѣе, прибрѣтавшіе ее несомнѣнно имѣли въ виду больше ея прочность, чѣмъ изящество.

Изъ сосѣдней маленькой комнаты вышелъ къ мнѣ чловѣкъ лѣтъ тридцати пяти. По его простенькому сюртуку и форменной фуражкѣ, каковую носятъ всѣ служащіе въ музеѣ,

можно было принять его за одного изъ второстепенныхъ чиновниковъ, за одного изъ хранителей музея. На дѣлѣ это былъ самъ директоръ.

Мы разговорились о цѣли моего путешествія по Италіи и о ближайшемъ предметѣ моихъ занятій въ музеѣ. Директоръ отнесся къ моему дѣлу съ такимъ радушіемъ, на какое я и не смѣлъ рассчитывать. Онъ не скрылъ трудности предприняемой задачи, такъ-какъ для меня требовалось не только прочесть и разобрать памятники письменности Самнитовъ, не только занести ихъ тексты въ мое собраніе путемъ простой транскрипціи, но и снять съ нихъ точныя копіи, такъ-называемыя копіи fac-similes, что, по крайней мѣрѣ, во сто разъ усложняло работу. Надписи оказались самаго разнообразнаго свойства—и рѣзанныя на камнѣ, и гравированныя на мѣди и дѣланныя остреемъ на свинцѣ и стукѣ, выведенныя стилемъ на мягкой глинѣ и писанныя кистью и красной краской.

Каждый изъ этихъ отдѣловъ требовалъ особыхъ приспособленій, своихъ специальныхъ техническихъ приемовъ. Съ надписей, высѣченныхъ на камнѣ дѣлаются обыкновенно бумажныя слѣпки (calco, Abklatsch, estampe). Этотъ процессъ заключается въ слѣдующемъ: камень вымывается водой, очищается щеткой отъ пыли, грязи и вообще отъ всякой посторонней примѣси въ углубленіяхъ или на рельефахъ буквъ. Когда эта предварительная работа кончена, накладываютъ на камень листъ неклееной, мягкой бумаги и потомъ осторожно вбиваютъ его мокрой губкой или щеткой въ углубленія буквъ. При осторожности этого процесса, бумага плотно прилегаетъ къ камню и входитъ во всю глубину начертаній, при чемъ главная забота снимающаго должна быть направлена на то, чтобы до возможной степени рѣзче обрамлялись контуры каждой буквы. Съ этой цѣлью принято послѣ губки и щетки, передъ просушаніемъ бумаги, прохо-

дить каждую букву еще разъ большимъ пальцемъ. Бумага просыхаетъ,—и такимъ образомъ получается возможно точный снимокъ, точная копія надписи. Этотъ приемъ употреблялся въ Италіи уже въ XVI ст. знаменитымъ эпиграфистомъ своего времени, Рафаиломъ Фабретти, и повсемѣстно практикуется въ западной Европѣ въ настоящее время.

Способъ этотъ, до извѣстной степени, прилагается и къ надписямъ, вырѣзаннымъ на металлѣ, особенно если буквы средней величины, если не глубоко врѣзаны и письмо не слишкомъ шероховато. Въ этомъ случаѣ берутъ тонкую, въ родѣ папирсной, бумагу, накладываютъ ее на смоченную водою металлическую поверхность и, осторожно расправивъ всѣ ненужныя складки листа, начинаютъ рукой проходить букву за буквой, строку за строкою. Но такъ какъ тонкая бумага не можетъ долго сохранять отпечатка во всей цѣлости, то въ виду самаго памятника или даже на немъ самомъ обводятся контуры каждой буквы карандашомъ, обводятся тихо и медленно и притомъ искусной рукою. Кромѣ этого съ надписей, вырѣзанныхъ на металлѣ, снимается или гипсовый слѣпокъ, или слѣпокъ изъ желатина, или дѣлается снимокъ на листъ тонкаго олова. Эти приемы требуютъ уже участія гипсовщика и специального умѣнья обходиться съ матеріаломъ.

Когда надпись не рѣзана, а нацарапана остреемъ или гвоздемъ, то дѣлаютъ такъ-называемое lucido, т.-е. прописъ на восковую, прозрачную бумагу. Здѣсь весь секретъ въ вѣрности глаза, въ осторожности и опытности снимающей руки.

Надписи на металлѣ, или слишкомъ мелко вырѣзанныя или стершіяся отъ времени и потому не поддающіяся ни одному изъ вышеизложенныхъ приемовъ, снимаются отъ руки. Последнее требуетъ такого искусства, какимъ не владѣетъ обыкновенный рисовальщикъ и которое бываетъ удѣломъ

специалистовъ особаго рода. Но и у нихъ эта работа движется крайне медленно и беретъ много времени и усилийъ глаза и рукъ.

Приступая къ собиранію Самнитскихъ надписей, я принесъ съ собою лишь одно желаніе овладѣть матеріаломъ, но не былъ знакомъ ни съ однимъ изъ вышеизложенныхъ техническихъ приѣмовъ. И всему этому научилъ меня г. де-Петра. Директоръ неаполитанскаго музея, спустя недѣлю послѣ нашего перваго знакомства, не потяготился пойти со мною въ галерею надписей (Galleria Lapidaria) и, потребовавъ ведро съ водой, губку, щетку, онъ собственноручно, въ виду публики, находившейся въ музей и собравшейся во кругъ насъ, продѣлалъ на одномъ изъ памятниковъ весь процессъ сниманія бумажнаго слѣпка, сопровождая работу соответственными указаніями. Не довольствуясь этимъ, онъ предложилъ мнѣ сейчасъ же сдѣлать опытъ надъ другимъ камнемъ. Ему же послѣ пришлось учить меня и другимъ приѣмамъ копированія надписей.

Это было только началомъ услугъ мнѣ со стороны г. де-Петры, и этимъ услугамъ въ теченіе моего семимѣсячнаго пребыванія въ Неаполѣ, при почти ежедневныхъ свиданіяхъ съ нимъ въ музей, не было конца. Задача моя оказалась на дѣлѣ въ послѣдствіи гораздо труднѣе, чѣмъ можно было предполагать сначала. Нѣкоторыя изъ мелкихъ надписей, когда-то существовавшія въ музей, затерялись въ массѣ другихъ предметовъ, наполняющихъ это колоссальное хранилище, и найти ихъ стоило большаго усилія новому директору. Для этого ему не разъ нужно было ходить и въ темноватый магазинъ, гдѣ хранятся предметы, ожидающіе мѣста и регистровки; приходилось подолгу рыться и въ залахъ музея. Такъ, никогда не забыть мнѣ того труда, который положенъ былъ разъ г. де-Петрой на отысканіе одного мелкаго осколка бронзы и небольшого круглаго камня-

амулета, которые были для меня необходимы своими надписями. Случайно ихъ не оказалось на своихъ мѣстахъ, не нашлось и по сосѣдству. Потративъ не мало времени на поиски, г. де-Петра въ смущеніи сказалъ мнѣ, что въ этотъ день не можетъ найти пропавшихъ вещей, но что онъ постарается въ первый же свободный часъ употребить всѣ усилія на то, чтобы доставить мнѣ „эти сокровища древности“. На слѣдующее же утро я убѣдился, что это обѣщаніе директора неаполитанскаго музея не было только фразою: въ девять часовъ онъ остановилъ меня на дорогѣ въ галерею надписей и, подавая двѣ мелкія вещицы, сказалъ мнѣ, что очень радъ приведенію ихъ въ извѣстность, хотя это и стоило ему двухчасовой работы. Чтобы не быть развлекаемымъ никѣмъ въ своихъ поискахъ, онъ явился въ музей въ семь часовъ утра и перебралъ нѣсколько полокъ съ мелкими бронзовыми вещами, отыскивая здѣсь осколокъ одной самнитской пластинки. Оказалось, что этотъ осколокъ упалъ съ своего мѣста и, по оплошности консерватора, положенъ на одну изъ нижнихъ полокъ. Было девять часовъ утра, музей только-что отпирали, — а директоръ его уже обливался потомъ, проработавъ два часа въ согбенномъ положеніи! Слѣдуетъ прибавить къ этому, что г. де-Петра живетъ не въ зданіи музея, что онъ долженъ былъ придти сюда съ своей, не близко находящейся, квартиры.

Г. директору пришлось помогать мнѣ не только въ стѣнахъ музея, но неоднократно онъ долженъ былъ ѣздить, ради моихъ цѣлей, и въ Помпеи. Национальный неаполитанскій музей служитъ хранилищемъ всего, что открывается въ Помпеяхъ; сюда переносятъ всѣ предметы искусства, домашнюю утварь, камни съ надписями, словомъ все, что удобно для переноски и сохраненіе чего представляетъ какую-нибудь научную важность. Въ Помпеяхъ остается на

мѣстѣ лишь стѣнная живопись, заключающая повтореніе сюжетовъ, лучшіе образцы которыхъ уже хранятся въ музеѣ, здѣсь же остаются стѣнныя надписи, дѣланныя кистью и краской и граффиты по стукку стѣнъ. Послѣднія не уносятся ни въ мѣстный Помпейскій музей, ни въ Неаполь единственно по невозможности достигъ этого безъ разрушенія или зданій съ этими надписями, или самихъ надписей. Вслѣдствіе этого, доселѣ остаются въ Помпеяхъ всѣ Самнитскія дипинты, дѣланныя кистью и краской на стѣнахъ древнѣйшей, до-римской кладки, всѣ граффиты на камняхъ и стуккѣ. Найти ихъ безъ руководства мѣстнаго специалиста для иностранца не было никакой возможности, тѣмъ болѣе, что весной 1875 г. старыя названія улицъ и домовъ, долго существовавшія въ археологической литературѣ и во всѣхъ гйдахъ, какъ *strada dell'Abbondanza*, *strada dei Sepolcri*, *strada della Fortuna* и пр., или названія домовъ, какъ *casa del Fauno*, *casa di Sallustio*, *casa di Cicerone*, *casa del Poeta Tragico* и т. д., замѣнились дѣленіемъ всего города на части, *regiones*, и кварталы, *insulae*. Дома же получили лишь числовое обозначеніе, при чемъ на направление стараго счета, къ сожалѣнію, не обращено было никакого вниманія. Путаница отъ этого, особенно на первыхъ порахъ, вышла ужасная, такъ какъ всѣ прежнія топографическія указанія касательно Помпей, падали сами собою, новый же порядокъ счисленія домовъ еще не былъ усвоенъ.

На помощь ученымъ и публикѣ явился самъ авторъ этой реформы, г. Фиорелли, напечатавъ книгу подъ заглавіемъ: „*Descrizione di Pompei per Giuseppe Fiorelli*“, Napoli 1875. Руководство несомнѣнно приносило свою долю пользы, но для того, кто, подобно мнѣ, искалъ всѣхъ, безъ различія ихъ величины и важности, предметовъ извѣстнаго порядка, эта книга не могла дать многого. Нужно было или рѣшиться

на трудное и неблагодарное дѣло розысковъ самому, или необходимо было руководство туземца. Такимъ туземцемъ Помпей и былъ для меня г. де-Петра, нѣсколько лѣтъ работавшій въ стѣнахъ мертвого города и какъ ученый, готовившійся къ занятію кафедры археологіи и какъ официальный руководитель раскопокъ. Онъ взялъ на себя трудъ провести меня по всѣмъ улицамъ и домамъ, гдѣ были слѣды хотя какой нибудь самнитской надписи; онъ открылъ мнѣ доступъ къ официальнымъ документамъ и дневникамъ заключающимъ въ себѣ реестры предметовъ, находимыхъ при раскопкахъ; онъ поручилъ меня специальному руководству д-ра Антонія Сольяно, молодого неаполитанскаго археолога, бывшаго тогда членомъ вышеназванной *Scuola Archeologica di Pompei* и потому принимавшаго участіе въ раскопкахъ*); онъ же, наконецъ, указалъ мнѣ на такія надписи, которыя, по его мнѣнію, должны быть обследованы подробнѣе другихъ, обследованы по нѣскольку разъ и при разномъ освѣщеніи. Ему казалось, что нѣкоторыя изъ красныхъ дипинтъ, находящіяся на туфовыхъ стѣнахъ древнѣйшей кладки, въ послѣднее время выступаютъ ярче и полнѣе, по мѣрѣ осыпанія и опаданія штукатурки, которою были обведены постройки въ римскія времена Помпей. Догадка г. де-Петры оправдалась на дѣлѣ: при смачиваніи стѣнъ водой, при осмотрѣ ихъ въ разные часы дня и особенно раннимъ утромъ и къ вечеру, помертвѣвшія и выцвѣтшія начертанія стали вздыматься изъ—подъ опадающаго стукка яснѣе, чѣмъ читали прежде какъ сами руководители раскопокъ, такъ и нѣкоторые нѣмецкіе ученые, занимавшіеся этимъ предметомъ. Мало-по-малу такимъ образомъ, между прочимъ, былъ добытъ нами текстъ цѣлой надписи, тянущейся на протя-

*) Теперь Dr. Antonio Sogliano состоитъ секретаремъ неаполитанскаго музея.

женіи двухъ аршинъ и состоящей изъ нѣсколькихъ строкъ, при чемъ получился и совершенно другой смыслъ, чѣмъ полагали прежде.

И все это дѣлалъ для меня новый директоръ неаполитанскаго музея не на досугѣ, а въ самое горячее время работы, такъ какъ лѣто 1875 г. было чрезвычайно обильно разнаго рода находками въ Помпеяхъ. Особенно плодотворны были раскопки 3-го и 5-го іюля (нов. ст.) когда въ домѣ нѣкоего Луція Цецлія Юкунда, вмѣстѣ съ другими предметами, открыли цѣлую серію деревянныхъ обуглившихся книжечекъ (каждая въ двѣ или три дощечки, связанныхъ между собою) съ признаками латинскаго письма. Находка была замѣчательна не только по матеріалу, на которомъ стояли надписи, но и по численности, потому что такихъ книжечекъ оказалось сто тридцать двѣ. Можно себѣ представить интересъ, который должно было возбудить въ археологическомъ мірѣ такое открытіе, доселѣ небывалое въ Помпеяхъ и едва извѣстное въ исторіи науки: посыпался въ Неаполь запросы изъ Рима, Милана, Турина, Парижа, Берлина и т. д.; на первыхъ же порахъ появился цѣлый рядъ предположеній о характерѣ загадочныхъ текстовъ. Но гораздо легче было заявлять интересъ со стороны, гораздо проще было выставать разнообразныя догадки о несомнѣнно важномъ открытіи, чѣмъ разобраться въ массѣ обуглившагося матеріала: распределить эти дощечки въ должномъ порядкѣ, предохранить ихъ отъ вреднаго вліянія воздуха, спасти отъ столь легкой порчи при перевозкѣ ихъ въ Неаполь и при размѣщеніи ихъ въ музеѣ. И вся эта работа досталась исключительно на долю г. де-Петры. Онъ же долженъ былъ прочесть и издать въ свѣтъ новыя надписи.

Трудъ предстоялъ крайне тяжелый: надписи были писаны прихотливымъ курсивомъ; черныя и тонкія начертанія нужно было отыскивать на черной же поверхности обугливша-

гося дерева. Все различіе между письмомъ и матеріаломъ, на которомъ оно находилось, состояло въ матовомъ свѣтѣ буквъ сравнительно съ глянцовитою поверхностью угля. Чтеніе было возможно только при чрезвычайномъ напряженіи глазъ г. де-Петры, долготѣннымъ опытомъ приученныхъ къ воспроизведенію геркуланскихъ папирусовъ, и притомъ съ помощью разныхъ искусственныхъ приспособленій, какъ особое освѣщеніе рабочей комнаты, держаніе дощечекъ въ наклонномъ положеніи къ окну, потому что только въ этомъ случаѣ можно было наблюдать разность матовыхъ буквъ и глянцовитой поверхности обуглившагося дерева. Не малую роль играла при этомъ, конечно, и луна, къ которой необходимо было прибѣгать въ мѣстахъ, наименѣ ясныхъ и сомнительныхъ. Мы не говоримъ уже о томъ, что вести такую работу пришлось въ знойные іюльскіе и августовскіе дни, когда невольно слабѣетъ самая крѣпкая энергія. Впрочемъ, чтобы судить о трудности такого дѣла, нужно было видѣть самого г. де-Петру въ то время, видѣть его налившіеся кровью глаза и усталость, доходившую до изнеможенія. При всемъ томъ, что директоръ музея являлся на свой служебный постъ раньше второстепенныхъ чиновниковъ и непрерывно работалъ отъ девяти часовъ до трехъ по-полудни, чтеніе шло сначала медленно и простиралось только на тѣ дощечки, которыя дошли вполне и вполне сохранили надписи. За чтеніемъ слѣдовала рисовка спасенныхъ начертаній въ натуральную величину ихъ, снимка fac-similes. Впрочемъ, въ этомъ случаѣ помогали ему двое чиновниковъ-спеціалистовъ по разбору геркуланскихъ папирусовъ, искусство которыхъ въ этомъ случаѣ изумительно *).

*) Спустя годъ, г. де-Петра опубликовалъ эти надписи въ обширномъ мемуарѣ, носящемъ заглавіе: „Le Tavole Cerate di Pompei rinvenute a' 3 e 5 luglio 1875“, и помѣщенномъ сначала въ Atti della Reale Accademia dei Lincei (Roma 1876).

Такъ занятъ былъ г. де-Петра лѣтомъ и осенью 1875 г., когда пришлось мнѣ пользоваться его благосклонною помощью въ дѣлѣ, въ ту пору для меня новомъ и трудномъ. Читатель легко пойметъ, какою благодарностию и обязанъ былъ этому человѣку, не оставлявшему меня своимъ содѣйствіемъ и послѣ, во время моего путешествія по Германіи и по возвращеніи въ Россію. Нѣсколько бронзъ неаполитанскаго музея не поддавались ни одному изъ вышеозначенныхъ способовъ репродукціи; для нихъ оставалось лишь одно средство—рисовка отъ руки. Этотъ послѣдній способъ доступенъ былъ лишь двумъ вышеупомянутымъ специалистамъ; но они, какъ лица состоящіе на службѣ и имѣющіе своимъ дѣломъ разборъ папирусовъ, могли работать для меня только по воскресеньямъ. Срокъ моего пребыванія въ Неаполѣ уже истекалъ, между тѣмъ для окончанія снимковъ нужно было имѣть тридцать воскресеній. Г. де-Петра, сроднившійся съ моимъ дѣломъ какъ съ своимъ, и тутъ пришелъ мнѣ на помощь; онъ заключилъ условія съ рисовальщиками, онъ взялъ на себя наблюденіе и редакцію ихъ работы. Спустя полгода по выѣздѣ изъ Неаполя, въ Мюнхенѣ я получилъ отъ него всѣ нужныя копіи, выполненныя, за исключеніемъ двухъ-трехъ темныхъ словъ, съ замѣчательной точностью и пзществомъ.

XX.

Капуя.—Museo Campano и хранитель его о. Яннелли.—Дурная репутация капуанцевъ.—Поездка въ S. Maria di Capua Vetere.—Оноре-Миллеръ и путешествіе съ нимъ по Кампаніи.—Нола и ноланская духовная семинарія.

Изъ Неаполя мой путь лежалъ въ тѣ мѣста Счастливей Кампаніи (нынѣ носящей официальное названіе provincia di Terra di Lavoro), гдѣ хранятся какіе-либо остатки письменности Осковъ. Ближайшимъ пунктомъ отъ Неаполя была Капуя. Нынѣшній городъ этого наименованія лежитъ въ въ разстояніи одного часа на сѣверъ отъ древней Капуи и имѣетъ общаго съ своей знаменитой метрополіей лишь одно имя. Почва его въ археологическомъ отношеніи бѣдна; по крайней мѣрѣ, въ вѣтви археологіи, избранной мною, здѣсь не найдено ровно ничего. Но тѣмъ не менѣе этотъ городъ для меня былъ необходимъ по своему Museo Campano, устроенному на средства провинціи лѣтъ десять тому назадъ. Цѣлю этого учрежденія было сохраненіе памятниковъ древности этихъ мѣстъ, бывшихъ когда-то театромъ столькихъ событій и столькихъ переворотовъ въ римско-италійской исторіи. И насколько позволяютъ средства провинціи, въ настоящее время музей наполняется предметами всякаго рода—италійскими, римскими и греческими монетами, надписями, вазами и другою утварью домашнаго быта древнихъ, архитектурными украшеніями разныхъ стилей и эпохъ и пр.

Все это располагается здѣсь въ строгомъ порядкѣ опытной рукой хранителя музея, извѣстнаго въ тѣхъ мѣстахъ археолога, о. Габріеле Яннели. Въ христіанской археологіи этотъ ученый извѣстенъ подробнымъ описаніемъ мѣстнаго кафедральнаго собора, изданнымъ имъ въ 4-хъ частяхъ подъ заглавіемъ: „Guida sacra della Catedrale di Capua“.

Вмѣстѣ съ отправленіемъ должности хранителя капуанскаго музея, о. Яннели состоитъ секретаремъ и редакторомъ мѣстной правительственной „Коммисіи по сохраненію памятниковъ древности“, имѣющей свои собранія въ сосѣдней Казертѣ и издающей свои „Бюллетень“ и „Труды“ *).

Поѣздъ желѣзной дороги, съ которымъ я отправился изъ Неаполя, прибылъ въ Капую послѣ полудня. Музей, до котораго довель меня первый попавшійся мальчикъ, былъ уже запертъ. Но когда служитель узналъ во мнѣ иностранца, тотчасъ побѣжалъ въ домъ о. Яннели, который и не замедлил явиться. Я вручилъ ему рекомендательное письмо отъ г. де-Петры, и мы отправились въ канцелярію музея. Здѣсь онъ подалъ мнѣ особую книгу, куда вносятъ свои имена всѣ, являющіеся въ музей для занятій, причемъ я долженъ былъ объявить не только свое званіе, но и званіе моего отца. Окончивъ эту формальность, о. Яннели повелъ меня по музею. Какъ учрежденіе новое, музей, конечно, не богатъ, и собранія его не поражаютъ члсленностью предметовъ; но нельзя не отнестись безъ полного уваженія къ мысли учрежденія, которымъ, до извѣстной степени, предупреждаются порча и потеря для науки памятниковъ такого важнаго мѣста въ древней Италіи, какъ Капуя и „Счастливая Кампанія“.

*) Verbale della Commissione Conservatrice dei monumenti ed oggetti di Antichità e Belle Arti nella provincia di Terra di Lavoro; Atti della Com. Cons. di T. di L.

Мы говоримъ, что порча и потеря памятниковъ предупреждается „до извѣстной степени“, потому что капуанцы—разумѣя подъ этимъ словомъ жителей всей мѣстности, окружающей нынѣшнюю Капую и преимущественно жителей селенія S. Maria di Capua Vetere, которое вмѣстѣ съ своими садами и полями занимаетъ территорію древняго города—славятся по всей южной Италіи не только корыстолюбіемъ, заставляющимъ ихъ скорѣе сбывать съ рукъ всякую древнюю находку, но и безстыдствомъ фальсификаціи. По крайней мѣрѣ, ни откуда въ Неаполѣ не получается столько подложныхъ вещей, какъ изъ этихъ мѣстъ, отъ этихъ „капуанскихъ обманщиковъ“, *imbroglioni capuani*, по выраженію неаполитанскихъ археологовъ. И нужно отдать полную справедливость искусству ихъ въ этомъ отношеніи; не говоря о „греческихъ“ и „этрусскихъ“ вазахъ, вывозимыхъ отсюда въ Неаполь, подложность которыхъ въ лучшихъ ихъ образцахъ можно, по отзывамъ специалистовъ, доказать только большей тяжеловѣсностію сравнительно съ древними оригиналами, мнѣ довелось видѣть у голландскаго консула въ Неаполѣ, г. Бургиньона, одну осскую надпись, сдѣланную по образцу, найденному на мѣстѣ древней Капуи и хранящемуся теперь въ неаполитанскомъ музеѣ, съ такимъ совершенствомъ, что сначала принимали ее за дублетъ, писанный той же самой рукой. Необходимо при этомъ замѣтить, что названный памятникъ отличается крайней неправильностью и произволомъ въ начертаніи буквъ, но въ этой поддѣлкѣ всѣ, даже мельчайшія, особенности воспроизведены съ поразительной тщательностью. Впрочемъ, эта-то чрезмѣрная совѣстливость и погубила на этотъ разъ все дѣло фальсификатора: онъ постарался передать не только характеръ письма, но и всѣ случайныя полоски и царапины оловянной дощечки, на которой писанъ оригиналъ. Но, съ другой стороны, рѣдко гдѣ и иностранцы, и итальянскіе антикваріи

получаютъ столько настоящихъ древностей, какъ у капуанцевъ, которые обыкновенно неохотно доводятъ до свѣдѣнія властей о своихъ находкахъ, какъ того требуетъ законъ. Продажа и покупка производится тайкомъ, и благо если новый владѣтель подѣлится съ наукой своимъ приобретениемъ и уважетъ мѣсто, откуда онъ его вывезъ. Большинство же вещей, вѣроятно, остается въ неизвѣстности и гибнетъ для археологии и исторіи.

Глубокій почитатель древности родныхъ ему мѣстъ, о. Яннелли, съ грустью говорилъ намъ объ этой чертѣ нравовъ темнаго и корыстолюбиваго люда, сознаваясь при этомъ, что и учрежденіе правительственной „Коммисіи“ далеко не предотвращаютъ всего зла, съ давнихъ поръ пустившаго здѣсь глубокіе корни. И теперь изъ древней Капуи незаметно исчезаютъ и надписи, и монеты, и сосуды, и всякія другія вещи, находимыя въ этой по истинѣ нестоимой почвѣ.

Въ Museo Campano мнѣ нужно было снять копій съ нѣсколькихъ дипинтъ, украшавшихъ стѣны одной изъ капуанскихъ усыпальницъ, открытыхъ въ 1872 г. мѣстными антикваріями, Галоцци и Доріа, и съ нѣсколькихъ посвященій (fabulae votivae), найденныхъ въ одной изъ виллъ, стоящихъ на кладбищѣ древней Капуи. Въ исполненіи этихъ снимковъ о. Яннелли принималъ самое живое участіе, дѣля пополамъ нашу работу. Когда понадобились затѣмъ услуги фотографа, онъ тотчасъ озаботился приглашеніемъ его на слѣдующій день въ открытый дворикъ музея. Онъ же вызвался провести меня по территоріи древняго города и познакомить съ антикваріями этихъ мѣстъ, наиболѣе опытными и счастливыми въ своихъ поискахъ. Съ этой цѣлью о. Яннелли досталъ маленькую, крѣпкую кампанскую лошадку, и мы отправились въ S. Maria di Capua Vetere.

На мѣстѣ древней Капуи, какъ сказано выше, нынѣ сте-

лются тучныя поля да стоятъ тамъ и сямъ въ одиночку разбросанныя виллы и только что названное большое селеніе. Жители занимаются хлѣбопашествомъ и садами, которые, впрочемъ, трудно здѣсь отличить отъ полей, потому что многія тысячи деревьевъ, обрамляющихъ каждую полосу, вмѣстѣ съ нескончаемыми гирляндами винограда ихъ переплетающаго, сообщаютъ и полямъ видъ необозримыхъ садовъ.

Въ эту поѣздку мы осмотрѣли всѣ болѣе замѣчательныя мѣста и въ особенности виллу фамиліи Паттурелли, въ послѣдніе годы давшую такъ много археологическаго матеріала. Здѣсь найдено большое количество статуй изъ туфа и терракотты, стоявшихъ, вѣроятно, въ храмѣ или около него, разрыты могилы, отдѣланныя внутри стуккомъ и живописью, найдено нѣсколько латинскихъ и осскіихъ надписей. Сами владѣльцы виллы—дряхлае старики, и имъ наука обязана лишь тѣмъ, что они, случайно напавши на древній кладъ, дали знать объ этомъ одному изъ видныхъ антикваріевъ-копателей въ цѣлой Кампанѣ, синьору Гораціо Паскале, живущему съ ними по сосѣдству, въ деревнѣ Курти. Этотъ взялъ раскопки въ свои руки, и съ начала семидесятыхъ годовъ работа идетъ здѣсь съ завиднымъ успѣхомъ. Г. Паскале былъ всегда большимъ счастливецомъ между собратами по ремеслу, оттого его домъ имѣетъ видъ музея по множеству цѣнныхъ предметовъ кампанской древности. Въ особенности ему счастливилось на предметы домашней утвари и расписныя вазы; собраніе ихъ сдѣлало бы честь любому первостепенному европейскому музею. Какъ человѣкъ богатый и одинокій, онъ назначаетъ тысячныя суммы каждой вещи, и потому его коллекція расходуется туго. Вазы эти принадлежатъ разнымъ эпохамъ и стилямъ.

Лично для насъ нужны были лишь тѣ изъ нихъ, которыя носятъ осскія надписи (о существованіи такихъ вазъ мнѣ

было известно изъ археологической литературы), да еще необходимымъ былъ одинъ золотой перстень съ надписью владѣльца—Самнита. Первыхъ уже не оказалось, и Паскале не могъ припомнить, кому и когда онъ ихъ продалъ, знаетъ только, что купившій былъ иностранецъ... Что касается до перстня, то крайне своеобразный характеръ надписи заставлялъ меня прибѣгнуть къ помощи какого-нибудь рисовальщика. Опытъ поддѣлки, видѣнной мною въ Неаполѣ у г. Бургиньона, краснорѣчиво говорилъ, что въ области древней Капуи есть отличные мастера этого рода; но розыскать ихъ, конечно, было не легко, и потому я долженъ былъ вызвать сюда моего неаполитанскаго пріятеля и товарища по работамъ, художника Онопè-Миллера.

Когда большая часть надписей неаполитанскаго музея была снята мною въ видѣ бумажныхъ слѣпковъ, для меня возникъ вопросъ о сохраненіи ихъ до времени изданія нашего труда въ свѣтъ. Эти слѣпки должны были служить оригиналами для миниатюръ будущаго атласа. Размѣры слѣпковъ были велики, и потому необходимо было складывать бумагу въ нѣсколько разъ, при чемъ надписи естественно сильно пострадали бы въ отношеніи рельефности и рѣзкости очертаній. Для избѣжанія этого неудобства, г. де-Петра и нынѣшній профессоръ археологій берлинскаго университета Карль Робертъ посовѣтовали мнѣ обвести контуры буквъ карандашомъ и зачернить углубленія тушью и затѣмъ путемъ фотографіи сдѣлать миниатюры. Этотъ совѣтъ специалистовъ, разумѣется, я принялъ съ готовностію. Оставалось лишь найти рисовальщика, который помогъ бы мнѣ въ этой заготовкѣ картоновъ для фотографіи. Въ музей намъ указали на одного изъ живописцевъ, ежедневно работавшаго въ картинной галереѣ, какъ на человѣка трудолюбиваго, скромнаго и могущаго быть вполне полезнымъ въ этомъ случаѣ. Это былъ итальянскій нѣмецъ, не знающій ни одного нѣмецкаго слова, г.

Онопè-Миллеръ, съ которымъ послѣ мы сошлись на дружескую ногу, проработавъ вмѣстѣ болѣе половины времени, проведеннаго нами въ южной Италіи. Осмотрѣвъ готовые слѣпки и тотъ матеріалъ надписей, который подлежалъ калькированію, этотъ живописецъ назначилъ такую ничтожную цѣну за свой трудъ, что я сначала усомнился въ его опытности и способности относиться къ своему дѣлу съ должнымъ вниманіемъ. Послѣдствія, однако, показали, что онъ снималъ надписи дѣйствительно въ первый разъ, но техника рисованія и калькированія была ему хорошо извѣстна; а вниманіе его къ разъ принятой задачѣ было таково, что я самъ не разъ долженъ былъ учиться у него терпѣнію. Въ теченіе всего лѣта 1875 г. онъ не брался за палитру, посвятивъ себя исключительно моему дѣлу. Вмѣстѣ мы работали въ неаполитанскомъ музеѣ отъ девяти до трехъ часовъ полудни, неразлучно проводили затѣмъ время на берегу залива, не разъ ходили пѣшкомъ до подножія Везувія съ одной стороны Неаполя и до Байскаго залива съ другой; вмѣстѣ жили и неклись на солнцѣ въ Помпеяхъ, снимая тамъ стѣнные надписи Осковъ. Этотъ крайній бѣднякъ, исключительно живущій дешевыми копіями картинъ неаполитанскихъ галлерей и потому обратившій музей въ мѣсто своей ежедневной службы, былъ радъ встрѣчѣ и сблженію съ иностранцемъ, который скоро полюбилъ его какъ брата за честную душу, за его идеальный взглядъ на жизнь, за его симпатичный характеръ; былъ радъ разсѣянію въ новой работѣ, которая уносила его въ Помпеи, Капую, Нолу и другія мѣста Счастливой Кампаніи.

Г. Миллеръ не замедлилъ явиться ко мнѣ въ Капую, и мы снова отправились въ деревушку Курти къ г. Паскале. На этотъ разъ его не было дома, и воротился онъ только къ самому вечеру, когда уже невозможно было думать ни о какой работѣ. Старикъ живетъ одинъ въ большомъ своемъ

домъ-музеѣ и слыветь боязливымъ нелюдимомъ, а потому мы принуждены были искать себѣ ночлега гдѣ нибудь по сосѣдству. Въ глухой деревнѣ не оказалось ничего похожего даже на нашъ заѣзжій дворъ, и мы, послѣ долгихъ блужданій, наконецъ были очень рады приюту въ крошечной каморкѣ мѣстной *cantina di vino*, хозяйнѣ которой, кстатн сказать, не приминуть при этомъ взять съ насъ плату неаполитанскаго отѣла.

На слѣдующій день мы не тотчасъ могли приступить къ своей работѣ, потому что синьоръ Паскале сначала спросилъ меня о назначеніи снимка съ его перстня. Я было принялся разъяснять ему сущность дѣла, но мой спутникъ перебилъ меня и сказалъ, что мы оба осматриваемъ въ Италіи частныя коллекціи древностей по порученію петербургскаго Эрмитажа и графа Строганова, имѣющихъ намѣреніе приобрести здѣсь все наиболѣе интересное. Я такъ былъ изумленъ этимъ экспромтомъ Миллера, что не могъ сказать ничего ни за, ни противъ такого неожиданнаго сообщенія. Между тѣмъ было ясно, что рѣчь моего товарища очень понравилась нашему антикварію, потому что онъ тотчасъ-же пустился расхваливать свое собраніе и выставлять превосходство и дешевизну его вещей сравнительно съ товаромъ другихъ торговцевъ древностями. Послѣ, когда мы кончили свою копію и отправились пѣшкомъ въ сосѣдній городъ Казерту, мой Миллеръ всю дорогу неумолчно смѣялся надъ своей счастливой выдумкой, безъ которой едва ли бы, по его словамъ, пришлось намъ такъ легко и удобно получить нужный предметъ. На вопросъ, зачѣмъ онъ припелъ тутъ ни въ чемъ неповинныхъ графа Строганова и императорскій Эрмитажъ, спутникъ мой отвѣтилъ, что ему пришли въ голову эти имена, какъ наиболѣе извѣстныя въ южной Италіи и наиболѣе внушительныя для торговцевъ въ родѣ г. Паскале.

Въ Казертѣ мы сѣли на поѣздъ желѣзной дороги и на-

правились въ Нолу. Въ вагонѣ намъ сказали, что мы попадемъ на большой праздникъ въ Нолѣ, на праздникъ св. Пауллина, ноланскаго епископа, память котораго чествуется 22-го іюня не только жителями этого города, но и всей Кампаньей. Съ каждой новой станціей пассажировъ прибывало все больше и больше, такъ что подъ конецъ тѣснота и давка въ вагонахъ, при палящей жарѣ іюньскаго солнца, сдѣлались нестерпимы. Но вотъ мы и въ Нолѣ. Городъ разукрашенъ флагами, коврами, цвѣтными тканями и по мѣстамъ, за неимѣніемъ ничего лучшаго, пестрыми постельными одѣялами. Повсюду гирлянды изъ живыхъ цвѣтовъ зелени и приготовленія къ иллюминаціи. Площадь и главная улица полны народомъ, толпившимся вокругъ какихъ-то разукрашенныхъ возвышеній: то были алтари для Мадонны и св. Пауллина, передъ которыми въ ближайшій вечеръ должна была совершаться торжественная церковная процессія. Тутъ же, на площади, возвышались два большіе помоста, предназначавшіеся на завтрашній день для пѣсенниковъ, *rei cantanti*, какъ сказалъ намъ одинъ изъ туземцевъ.

Налюбовавшись на пестрые наряды и оживленіе толпы, въ которой преобладалъ исключительно сельскій земледѣльческій элементъ, мы пошли искать себѣ приюта. Къ нашему изумленію, вопросъ о ночлегѣ въ этомъ городѣ оказался столь затруднительнымъ, что задумался и мой спутникъ, этотъ никогда неунывающий и обычно смѣшливый *artista*. Биткомъ были набиты не только гостиницы и локанды, соотвѣтствующія нашимъ заѣзжимъ дворамъ, но не было свободнаго мѣста и въ частныхъ домахъ, отдающихся на этотъ праздникъ подъ постой пріѣзжихъ гостей, и потому всѣ наши старанія отыскать комнатку съ двумя постелями оказались напрасны. Одинъ изъ домохозяевъ прямо сказалъ намъ, что мы вовсе не найдемъ теперь отдѣльнаго помѣщенія, — такъ

великъ былъ съѣздъ изъ окрестныхъ мѣстъ въ этомъ году. Между тѣмъ, накрывала темная ночь, наступало время процессіи съ факелами и свѣчами, которую мы непременно хотѣли видѣть. Намъ оставалось переночевать въ какой-нибудь сборной комнатѣ, въ сосѣдствѣ съ другими. Дѣлать было нечего, приходилось вооружиться терпѣніемъ и искать хотя бы такого убѣжища. Пошли по тѣмъ же гостинницамъ и локандамъ; наконецъ, въ одной изъ нихъ, послѣ долгихъ переговоровъ съ хозяиномъ, мы водворились на ближайшую ночь въ большой комнатѣ—въ обществѣ человекъ тридцати: гости лежали и сидѣли на полу, на скамьяхъ и кроватяхъ. Послѣ путешествія пѣшкомъ отъ S. Maria di Capua Vetere до Казерты, послѣ переѣзда въ тѣсномъ и душномъ вагонѣ и блужданій по улицамъ этого города, мы рады были и этой квартирѣ.

На другой день, съ ранняго утра городъ былъ уже полонъ народомъ, и лишь кончилась церковная служба, какъ начался праздникъ въ домахъ, въ кофейняхъ и на улицахъ. Открылись ярмарка и гулянье. Часамъ къ тремъ, когда большинство гуляющихъ побывало въ остеріяхъ и винныхъ лавочкахъ, шумное веселье вступило въ свои права и стало принимать все болѣе и болѣе широкіе размѣры. Пѣвцы заняли два вышеназванные помоста, и скоро открылось антифонное, но вмѣстѣ съ тѣмъ, какое-то въ высшей степени странное, совсѣмъ неожиданное для насъ пѣніе.

Слыхавъ пользующіяся всемірной извѣстностью *canzoni popolari napoletane* еще въ Россіи, ежедневно слушая ихъ весною на Santa Lucia и на Riviera di Chiaia (въ мѣстностяхъ, наиболѣе населенныхъ иностранцами) въ Неаполѣ, я привыкъ къ ихъ оригинальнымъ мотивамъ, не встрѣчающимся ни въ какихъ другихъ романсахъ и пѣсняхъ. И такъ какъ эти канцоны носятъ названіе народныхъ (*popolari*), то я, подобно, можетъ быть, многимъ другимъ, думалъ, что это тѣ

пѣсни, которыя живутъ въ устахъ простого народа, которыя поются народомъ въ Неаполѣ и ближайшихъ его окрестностяхъ. Но опытъ въ Нолѣ, провѣренный многочисленными наблюдениями въ другихъ мѣстахъ Кампаніи, преимущественно же на всемъ побережьѣ Неаполитанскаго и Байскаго заливовъ и въ самомъ Неаполѣ въ тѣ мѣсяцы года, когда тамъ не бываетъ наплыва иностранцевъ, убѣдилъ меня въ ошибочности этого заключенія. Дѣйствительно, живущія въ народѣ этихъ мѣстъ пѣсни просты, мотивы ихъ грубы и весьма часто неприятны и съ тѣми музыкальными романсами, что распѣваются въ Неаполѣ по отѣлямъ и тракторіямъ, они не имѣютъ ничего общаго; такъ, по крайней мѣрѣ, кажется при непосредственномъ сравненіи ихъ между собою. Къ слову замѣтимъ здѣсь, что лучшіе хоры, распѣвающіе эти *canzoni popolari napoletane* весною и осенью въ Неаполѣ, а въ лѣтніе мѣсяцы въ Сорренто и другихъ мѣстахъ, гдѣ только есть иностранцы, составляются изъ пѣвцовъ всей Италіи, но далеко не исключительно изъ природныхъ неаполитанцевъ или уроженцевъ сосѣднихъ городовъ и селеній. Такъ, весною 1875 г. лучшимъ исполнителемъ пѣсенъ этого рода былъ уроженецъ Болоньи, и почти весь хоръ его состоялъ изъ тосканцевъ. Что до поланскихъ пѣвцовъ, то они, размѣстившись человекъ по 40—50 на каждой эстрадѣ, поочередно распѣвали что-то такое до крайности длинное и монотонное... Ихъ время отъ времени смѣняли другіе, стоявшіе въ окнахъ и на балконахъ домовъ, выходящихъ на площадь. Пѣли и поочередно, то одна сторона, то другая, были и общія пѣсни, въ которыхъ принимали участіе всѣ желающіе—и мужчины и женщины. А такихъ къ вечеру, по мѣрѣ облегченія винныхъ бочекъ, становилось все больше и больше. Въ сумерки надъ городомъ стоялъ какой-то неопредѣленный стонъ, въ которомъ было трудно разобрать что-нибудь кромѣ криковъ и взвизгиваній унывшихъ почитателей св. Паулина.

Нола — одинъ изъ древнѣйшихъ и значительнѣйшихъ городовъ Кампаніи, которому Помпеи служили гаванью — съ 538 г. Рима послѣ извѣстной побѣды Марка Клавдія Марцелла надъ Ганнибаломъ, вошелъ въ тѣсную связь съ Римомъ. Мѣсто смерти императора Августа, родина философа Джордана Бруно, Нола нынѣ — маленькій захолустный городокъ, тонущій въ окружающихъ его роскошныхъ поляхъ и виноградникахъ. По своей незначительности въ ряду другихъ городовъ, она теперь рѣдко посѣщается иностранцами-туристами; но за то она хорошо съ давняго времени извѣстна археологамъ, которыхъ, впрочемъ, болѣе привлекаетъ сюда духовная семинарія, сдѣлавшаяся въ концѣ прошлаго столѣтія хранительницей осскихъ, этрусскихъ и латинскихъ древностей. Такимъ значеніемъ это духовно-учебное заведеніе обязано профессору богословія, извѣстному археологу того времени, Жанъ-Стефану Ремондини.

Число находящихся здѣсь латинскихъ надписей значительно и теперь; но несомнѣнно, что раньше ихъ было гораздо больше и что небреженіе древностію со стороны преемниковъ Ремондини было причиной гибели всѣхъ памятниковъ этрусскихъ и почти всѣхъ осскихъ надписей. Къ счастью для науки, не подвергся этой печальной участи большой камень, съ двухъ сторонъ покрытый осскимъ письмомъ и составляющій теперь одинъ изъ важнѣйшихъ памятниковъ истории кампанскихъ Самнитовъ. Исторія этого камня очень любопытна. Въ 1745 г. Ремондини, проходя по улицѣ сосѣдняго города Авеллино, замѣтилъ въ помостѣ воротъ одного дома большую каменную плиту съ признаками не-латинскаго письма. По справкамъ оказалось, что этотъ камень взятъ сюда шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ (около 1685 г.) изъ сосѣднихъ развалинъ древняго города Абелла (нынѣ Castel d'Avella). Ремондини возбуждаетъ ходатайство передъ своимъ начальствомъ объ извлеченіи этого памятника древнос-

ти изъ такого недостойнаго мѣста. Но цѣлые пять лѣтъ проходятъ въ канцелярской перепискѣ, пока составляется рѣшеніе мѣстнаго епископа купить этотъ камень и поставить въ ноланской семинаріи. При вскрытіи оказалось, что и нижняя сторона плиты покрыта письмомъ болѣе яснымъ и болѣе глубокимъ, чѣмъ выбитыя и вывѣтрившіяся начертанія верхней стороны, по которой ходили и ѣздили въ теченіе столькихъ лѣтъ. Впрочемъ, злая судьба продолжала тяготѣть надъ этимъ камнемъ и послѣ, потому что лишь только подняли его изъ-подъ воротъ и случайно положили близь ручья, какъ поспѣшили имъ воспользоваться мѣстные прачки для прессованья и выколачиванья своего бѣлья. За цѣлость его для науки можно было оставаться спокойнымъ только съ того дня, когда начальство ноланской семинаріи помѣстило этотъ камень въ самомъ зданіи конвикта *). Къ сожалѣнію, здѣсь не нашлось для него другаго мѣста, кромѣ небольшой и темноватой комнатки. Помѣщеніе его вдали отъ единственнаго окна было причиной того обстоятельства, что чтенія его учеными были столь ошибочны до конца сороковыхъ годовъ, когда впервые удовлетворительно издалъ текстъ этого памятника впоследствии знаменитый Моммзенъ. Но и этотъ ученый, при всей своей опытности въ италійской эпиграфикѣ, не избѣгъ нѣсколькихъ ошибокъ, послѣ отозвавшихся въ наукѣ напрасными толками и пререканіями филологовъ по поводу объясненія несуществующихъ словъ и знаковъ. Камень заключаетъ въ себѣ договоръ двухъ сосѣднихъ городовъ Нола и Абеллы объ условіяхъ суще-

*) Колоссальность этой плиты должна была броситься въ глаза всѣмъ и уже сама по себѣ препятствовала уничтоженію со стороны нерадѣнія или невѣжества. Нѣсколько другихъ надписей и иныхъ предметовъ древности исчезли изъ ноланской семинаріи по незначительности своихъ размѣровъ.

ствования храма, построеннаго въ честь Геркулеса на межѣ ихъ владѣній, и относительно земли, принадлежащей этому храму.

Увлечшись неожиданнымъ зрѣлищемъ праздника св. Паулина, мы только къ вечеру попали въ семинарію, находящуюся въ верстѣ отъ города, и въ этотъ день лишь добились себѣ позволеніе осмотрѣть музей и приступить съ завтрашняго дня къ работѣ. Ректоръ этого заведенія, почтенный старикъ, долго и ласково бесѣдовалъ съ нами и не только благосклонно открылъ намъ доступъ къ интересовавшимъ меня древностямъ, но и далъ въ наше „полное распоряженіе“ двухъ кандидатотъ богословія, которые должны были всячески помогать намъ въ работѣ. Эти молодые люди безотлучно находились при насъ все время и исполняли всевозможныя услуги. Калькированіе камня, сильно поврежденнаго временемъ и вышеозначенными обстоятельствами, затруднялось недостаткомъ освѣщенія, вслѣдствіе чего пришлось сторону, обращенную къ задней стѣнѣ, снимать при свѣчахъ, и кандидаты держали эти свѣчи, они же приносили воду для смыванія и чистки камня, они же помогали намъ, когда въ сомнительныхъ мѣстахъ надписи нужно было свои впечатлѣнія провѣрить чужими, не предубѣжденными глазами. Старшій изъ нихъ, г. Антоніо делла-Галла, постоянно сопровождалъ насъ и въ прогулкахъ, во время отдыховъ отъ работы, и вечеромъ, когда мы возвращались въ Нолу.

Не разъ заходилъ къ намъ и самъ ректоръ съ преподавателями семинаріи посмотрѣть на нашу работу, поразспросить о содержаніи непонятнаго имъ текста и побесѣдовать о Россіи, о которой имъ пока извѣстно, что это страна очень большая, что она находится очень далеко отъ ихъ Нолы, что тамъ очень холодно и что у насъ весьма много богатыхъ людей... Съ своей стороны они признавались,

что блестящія времена ноланской семинаріи миновали, что теперь и учениковъ у нихъ меньше, и все рѣже и рѣже за послѣдніе годы поступаютъ къ нимъ дѣти хорошихъ и достаточныхъ фамилій.

Въ копотливой работѣ надъ самнитскимъ камнемъ, въ прогулкахъ по обширному семинарскому саду и окрестностямъ Нолы, по ихъ тучнымъ полямъ и благодатнымъ луговымъ равнинамъ, въ бесѣдахъ съ воспитателями и учениками, толпами собиравшимися въ нашу комнату во время своихъ перемѣнъ, незамѣтно пробѣжали двѣнадцать дней, потребовавшихся для исполненія нашихъ снимковъ. Мы откланялись ректору и простились съ нашими ближайшими помощниками. Дѣло было подъ вечеръ, когда мы, забравши свои бумаги, оставляли семинарію. Воспитанники двухъ высшихъ классовъ, отправлявшіеся въ то время на обычную прогулку, любезно вызвались проводить насъ до Нолы, и мы расстались только у нашей квартиры, передъ гостиницей Джордано Бруно.

На другой день съ поѣздомъ желѣзной дороги, шедшимъ изъ Апуліи, мы возвратились въ Неаполь.

XXX.

Путешествіе въ Самній.—Дорога.—Венафро.—Изернія.—Піетраббонданте.—Историческая поминка о Самнитахъ.—Молисе.

Приведши въ порядокъ матеріалы, собранные въ Капуѣ и Нолѣ, я долженъ былъ думать о путешествіи внутрь страны, въ центръ древняго Самнія, въ нынѣшнія провинціи Кампобассо и Молисе.

Судя по рассказамъ лицъ, знавшихъ эти мѣстности, путь предстоялъ нелегкій, и потому необходимо было запастись всѣми свѣдѣніями, чтобы напрасно не терять тамъ времени и не создавать себѣ лишнихъ затрудненій. И здѣсь помощникомъ и совѣтникомъ мнѣ явился г. де-Петра: онъ составилъ и подробный маршрутъ предстоявшей мнѣ поѣздки, онъ снабдилъ меня и рекомендаціями къ мѣстнымъ ученымъ и антикваріямъ, онъ указалъ мнѣ пути на случай какого-либо несчастія въ тѣхъ глухихъ мѣстахъ, куда рѣдко заходитъ нога иностранца. Какъ уроженецъ сосѣднихъ Аbruццъ, онъ хорошо зналъ эти провинціи, да и кромѣ того въ 1871 г. ему самому пришлось производить раскопки на мѣстѣ столицы древняго Самнія *Boianum Vetus* и, вслѣдствіе этого, прожить нѣсколько мѣсяцевъ въ селеніи Піетраббонданте (провинція *Campobasso*), которое заключало интересный матеріалъ и для меня.

Способы передвиженія здѣсь предстояли самые разнообразныя, начиная съ желѣзной дороги и кончая ѣздой по горамъ

верхомъ на мулъ и ходьбою пѣшкомъ. Изъ Неаполя нужно было подняться немного выше Капуи до станціи Гайаннелло и здѣсь пересѣсть на дилижансъ шоссейной дороги, ведущей въ городъ Венафро (древ. *Venafrum*). Но дилижансъ отходилъ отсюда лишь разъ въ сутки, около полуночи. Не попавши на поѣздъ, указанный г. де-Петрой, я прибылъ на эту станцію съ утреннимъ поѣздомъ и потому долженъ былъ или ждать цѣлый день въ глухой и пустынной деревушкѣ, или же взять себѣ возницу и съ нимъ добратъся къ ночи до Венафро. Я избралъ послѣднее и не раскаялся. Мой извозчикъ болталъ, не умолкая; малорослая, но крѣпкая кампанская лошадка, запряженная въ легкую одноколку, бѣжала быстро по гладкой дорогѣ и мы, не испытывая тѣхъ неудобствъ, съ которыми соединена ѣзда въ бѣткомъ набитыхъ почтовыхъ дилижансахъ, спокойно катились по полямъ, прелестный видъ, богатство и культура которыхъ могутъ быть понятны только очевидцу и о чемъ мы, жители далекой сѣверной природы, не можемъ себѣ создать и приблизительнаго представленія. Возница, по обычаю, жаловался на трудныя времена—на тяжесть податей и налоговъ, на дороговизну хлѣба и на медленность рѣшенія вопроса о налогѣ на помоль, налогѣ, наиболѣе обидномъ и ненавистномъ изъ всѣхъ существующихъ. И нужно сознаться, что сѣтованія простаго и бѣднаго люда въ Италіи имѣютъ свои основанія. Не говоря уже о томъ, что тамъ изъ деревни въ городъ нельзя принести цыпленка и каравая хлѣба, не заплативши соотвѣтственной таксы у воротъ города, нѣкоторые тамошніе налоги очень значительны. Такъ, на примѣръ, мой возница, имѣющій лишь одну лошадь, если вѣрится ему, платилъ за право извоза въ своей провинціи 52 лиры, что по лучшему курсу составитъ нашихъ 13—14 рублей.

Но при всѣхъ этихъ жалобахъ, извозчикъ сознался, что многіе порядки теперъ несравненно лучше, чѣмъ при Бурбо-

нахъ, что по деревнямъ теперь мало по малу распространяется грамотность и что учителями ново-открываемыхъ школъ явились тѣ же священники, которые прежде въ этомъ отношеніи не хотѣли ударить пальцемъ. Несравненно-де прочнѣе теперь и средства безопасности противъ бандитовъ, которые въ былую пору создали такую дурную репутацію хотя бы сосѣднимъ Абрुццамъ; по деревнямъ повсюду разставлены карабинеры, которыми являются большею частію уроженцы сѣверной Италіи, изъ Пиемонта и Ломбардіи—народъ частный и не знающій стачекъ съ мошенниками, какъ то зачастую водилось до объединенія королевства. Вопросъ о бандитахъ послужилъ поводомъ для моего собесѣдника подать мнѣ совѣтъ все-таки не возить съ собою лишнихъ денегъ, а лучше пересылать ихъ изъ города въ городъ почтой и, съ другой стороны, въ случаѣ несчастья не пускаться ни въ какія объясненія и, тѣмъ менѣе, въ какую-либо борьбу съ разбойниками, а безпрекословно отдать кошелекъ и часы—все, чего ищутъ эти любители легкой наживы. При этомъ онъ подѣлился со мною и слѣдующимъ секретомъ: въ путешествіи оставлять въ кошелькѣ лишь сумму, требующуюся на самые неизбѣжные расходы въ два ближайшіе дня, а остальное зашивать... куда бы вы думали, читатель?—подъ рубашку за спину: бандиты-де обыскиваютъ верхнее платье, жилетъ, карманы и обувь, но никогда не раздѣваютъ до-нага. Если это вѣрно, то счастливы кампанцы, что ихъ разбойники не читаютъ по-русски; иначе они теперь узнали бы этотъ хитрый секретъ и употребили бы въ дѣло это свѣдѣніе.

Уже садилось солнце, когда мы подъѣзжали къ Венафро. Небольшой городокъ, пріютившійся на склонѣ высокаго холма и понынѣ покрываемаго масличнымъ лѣсомъ, стоитъ на мѣстѣ древняго *Venafrum*, который не разъ прославляемъ былъ римскими писателями за его „зеленый видъ“ и за лучшее масло, которое шло изъ его роцъ на всю Италію.

Нынѣ—это земледѣльческій городъ, жители котораго огромной толпою съ серпами въ рукахъ и съ пучками колосьевъ возвращались съ полей, при нашемъ прибытіи. Дошедши до площади, мужчины и женщины рѣзко отдѣлились другъ отъ друга: тогда какъ мужчины разбрелись по ближайшимъ кофейнямъ и виннымъ лавочкамъ, женщины остались на площади и долго послѣ толковали между собою, пользуясь субботнимъ днемъ. И смотря на тѣхъ и другихъ, было бы невозможно подумать, что всѣ они сейчасъ пришли съ поля, что цѣлый день съ серпомъ или косой въ рукѣ они сгибали спины: такъ громко раздавались ихъ рѣчи, такъ часто перерывались они звонкимъ, здоровымъ и веселымъ смѣхомъ! При этомъ прибавимъ, что, не говоря уже о праздничномъ настроеніи венафрскихъ дамъ, не нуждавшихся ни въ какомъ искусственномъ возбужденіи, все оживленіе мужчинъ поддерживалось какой-нибудь чашкой плохенькаго кофе или стаканомъ дешеваго мѣстнаго вина.

На слѣдующее утро прибылъ дилижансъ изъ Гайанелло и взялъ всѣхъ, кто отправлялся въ сосѣдній городъ Изернію. Венафро находится на границѣ Кампаніи, далѣе начинается Самній. Почва становится постепенно выше и выше; горы, прежде виднѣвшіяся лишь на дальнемъ горизонтѣ, начинаютъ теперь подходить ближе къ дорогѣ, такъ что простымъ глазомъ уже можно было различать селенія, которыя высоко лѣпяты на нихъ. Ясно было, что мы въѣзжаемъ въ горную область Самніи. Послѣ нѣсколькихъ часовъ пути мы были въ Изерніи, узкомъ, тянущемся въ одну улицу городкѣ, на который пріятно было любоваться издали, но который потерялъ всю свою красу, когда мы выѣхали внутрь его. Такъ тѣсно и неуютно должно быть его жителямъ. Не смотря на воскресенье, все женское населеніе города сидѣло при входѣ своихъ домовъ и прилежно занималось плетеніемъ кружевъ, спеціальнымъ производствомъ этого мѣста. Улица такъ узка, что

изернянеи легко и удобно могли вести бесѣду, сидя другъ противъ друга и перекликаясь черезъ дорогу.

Не далеко мы были отъ Кампаніи, какіе-нибудь пятнадцать часовъ пути отдѣляли насъ хотя бы отъ Капуи и сосѣднихъ селеній, а между тѣмъ, какой рѣзкій контрастъ въ характерѣ жителей этой Изерніи и, напримѣръ, S. Maria di Capua Vetere! Часовъ шесть оставался я въ этомъ маленькомъ городѣ, успѣлъ обойти его кругомъ, осмотрѣть всѣ его достопримѣчательности, идущія изъ древнихъ временъ, какъ нѣсколько императорскихъ статуй, остатки римскихъ построекъ, камни съ надписями, заложенные невѣжественною рукою въ стѣны простыхъ обыкновенныхъ построекъ, и не встрѣтилъ ни одного нищаго—случай, невысказанный въ кампанскихъ городахъ и особенно въ неаполитанской провинціи.

Въ Изерніи я долженъ былъ разстаться съ дилижансомъ и продолжать путь на открытой двухколесной платформѣ, запряженной парой крѣпкихъ муловъ. Спутниками мои были два студента, ѣхавшіе изъ Неаполя домой, одинъ аптекарь и человекъ четыре крестьянъ. Въ этой молодой и веселой компаніи время летѣло такъ быстро, что мы и не замѣтили, какъ промелькнули три или четыре часа этого переѣзда, не смотря на то, что мулы шли почти все время шагомъ, медленно поднимаясь въ горы, которыя становились все круче. Толковали о тогдашнемъ волненіи въ неаполитанскомъ университетѣ, студенты котораго громко требовали отставки министра народнаго просвѣщенія, извѣстнаго публициста Бонги, за его проектъ ограничить привилегіи неаполитанскаго и палермскаго университетовъ. Проектъ этотъ вызванъ былъ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ неаполитанскомъ университетѣ считалось студентовъ нѣсколько тысячъ, тогда какъ дѣйствительныхъ слушателей не было и пятой доли общаго числа. Студенты числились по многу

лѣтъ и, не посѣщая лекцій, никогда не являлись на экзаменъ. Вопросъ объ экзаменѣ взволновалъ злополучныхъ студіозусовъ, изъ которыхъ многіе, можетъ быть, и не жили въ Неаполѣ, и вотъ начались шумныя ссоры и крики: „долой министра Бонги!“ Университетъ былъ закрытъ и экзамены отсрочены... по крайней мѣрѣ, на время. Когда этотъ предметъ бесѣды истощился, мы составили уговоръ, во-первыхъ, подѣлиться всѣмъ, что у каждаго было изъ съѣстнаго и, во-вторыхъ, послѣ этой общей трапезы каждый изъ насъ долженъ былъ спѣть какую-нибудь пѣсню solo. Произвели дѣлежъ нашихъ запасовъ: у кого оказался кусокъ сыру, у кого ломоть ветчины, у кого крутыя яйца—все это дѣлилось и передавалось отъ одного другому, кругомъ ходили по рукамъ и деревянные фляжки съ виномъ, нашедшіяся у каждаго изъ ѣхавшихъ съ нами крестьянъ. Подъ конецъ этого взаимнаго угощенія кто-то было замѣтилъ, что пѣть сейчасъ послѣ ѣды не годится; но большинство утверждало, что въ дорогѣ все годится, и пѣніе началось. Дошла очередь и до меня. Сколько я ни отговаривался отъ этого, а въ концѣ-концовъ долженъ былъ затянуть нашу „Внизъ по матушкѣ по Волгѣ“. Самнитскія горы, можетъ быть, впервые огласились русской пѣсней; но, къ сожалѣнію, исполнение этой первой пѣсни было очень плохо и нескладно. Публика слушала внимательно, и когда я кончилъ, мнѣ сказали, что голосъ мой очень дурень, но мотивъ пѣсни для нихъ новъ и въ устахъ хорошаго пѣвца долженъ быть пріятенъ. Мы всѣ смѣялись и были веселы.

Нужно быть въ Италіи, нужно видѣть итальянскій народъ и пожить среди его, чтобы убѣдиться, какъ скоро завязываются тамъ знакомства, какъ быстро дается тамъ имя „друга“, amico, какъ легко здѣсь умѣютъ находить средства общаго развлечения люди, бывшіе до того чужими и видящіеся въ первый разъ...

Вмѣстѣ мы ѣхали до одного селенія, изъ котораго мои спутники отправились дальше, по направленію Каstellъ ди-Сангро, а же долженъ былъ повернуть въ сторону Піетраббонданте и Аньоне, куда вели лишь горныя тропинки. Не легко, можетъ быть, я нашелъ бы себѣ здѣсь мула съ проводникомъ и карабиньера, если бы случайно въ тотъ же день не прибылъ сюда какой-то чиновникъ межевого вѣдомства изъ тѣхъ мѣстъ, которыя мнѣ нужно было посѣтить. Хозяинъ мула тѣмъ охотнѣе предложилъ мнѣ свои услуги, что ему пришлось обратно ѣхать черезъ Піетраббонданте.

Дорога съ перваго же раза стала круче и извилистѣе; мой мулъ ступалъ такъ тихо, что погонщикъ и карабиньеръ безъ труда шли со мною почти рядомъ. Горы облегалъ насъ со всѣхъ сторонъ, и тропинка, по которой мы ѣхали, пролегла по мѣстамъ въ совершенныхъ ущельяхъ. Небо, сначала ясное, стало темнѣть, и не успѣли мы оглянуться, какъ засверкала молнія, раздались раскаты грома, полилъ дождь, и наша тропа скоро превратилась въ горный потокъ, по которому проводники и мулъ шли по колѣни въ грязной и мутной водѣ. Выносливое животное то-и-дѣло спотыкалось о камни, которыхъ не было видно подъ водою. Дождь усиливался; наша дорога становилась все глубже и неопредѣленнѣе, такъ что погонщикъ съ карабиньеромъ рѣшили переждать непогоду въ знакомой лѣсной избушкѣ, которая была отъ насъ недалекѣ. Кое-какъ добрались мы до этого одиноко стоящаго домика и попросили себѣ здѣсь пріюта.

Какъ всѣ деревенскіе дома, какіе приходилось намъ видѣть въ Италіи, эта хижина состояла изъ большой комнаты со столами и скамьями по стѣнамъ и квадратнымъ очагомъ по срединѣ земляного пола. По случаю непогоды вся семья была въ сборѣ; здѣсь же пріютились куры, коза и два маленькіе поросенка, повидимому, большіе пріатели дѣтей, которыя съ шумомъ гонялись за ними. Мы были рады и

этому обществу, потому что продолжать путь не было никакой возможности; къ тому же необходимо было хотя немного обсушиться. Но едва развели по нашей просьбѣ огонь на очагѣ и выжали мое верхнее платье, какъ дождь началъ стихать и показалось солнце. Чтобы засвѣтло добраться до Піетраббонданте, мы снова пустились въ путь-дорогу и за часъ до заката мы были, наконецъ, въ этомъ селеніи.

Піетраббонданте—бѣдная, хотя и большая, горная деревня, которая въ былое время, говорятъ, доставляла значительный контингентъ бандитовъ, нынѣ ведетъ тихую, трудовую, земледѣльческую жизнь. Здѣсь я могъ пріютиться въ единственной для всего селенія локандѣ. Старикъ-хозяинъ, которому я былъ рекомендованъ г. де-Петрой, обласкалъ меня тѣмъ, что сейчасъ же посоветовалъ мнѣ снять мокрое платье и, за неимѣніемъ другого, надѣть пока его собственное. На мнѣ не было сухой нитки и потому, съ благодарностію пришлось воспользоваться предложеніемъ любезнаго дона Доменико.

Едва я облекся въ его ризы, которыя оказались для меня и длинны и непомѣрно широки, какъ старушка-хозяйка вошла въ мою комнату съ докладомъ, что меня приглашаетъ къ себѣ компанія гостей, сидящихъ подъ окнами ея дома. Я отправился и увидѣлъ здѣсь общество изъ трехъ священниковъ, офицера межевого корпуса и одного старика, который оказался „докторомъ хирургіи“. Всѣ они сидѣли около столика и на свободѣ попивали вино и играли въ карты. Мы познакомились и повели рѣчь о Россіи; началось обычное удивленіе обширности нашей земли, ея холodu, богатству ея хлѣбомъ и пр. А какъ мало знали почтенные піетраббондантскіе патеры о Россіи, явствуетъ изъ того, что старѣйшій между ними сказалъ мнѣ, что онъ въ молодости былъ въ Неаполѣ и видѣлъ тамъ „нынѣшняго“

нашего императора Николая. Когда я замѣтилъ, что мой собесѣдникъ, вѣроятно, разумѣетъ „отца нынѣшняго императора“, то простодушный горецъ громко и въ энергическихъ фразахъ выразилъ удивленіе, какъ же это онъ до сихъ поръ ничего не слыхалъ о смерти императора Николая. Такъ запаздываетъ политическая почта въ этихъ уединенныхъ селеніяхъ гористаго Самніа!

Нынѣшній Самній несомнѣнно бѣднѣе, глуше и запущеннѣе древняго. Піетраббонданте стоитъ на мѣстѣ города *Boianum Vetus*, который игралъ въ преданіяхъ и въ исторіи Самнитовъ роль главнаго, большого города. Уже одного этого обстоятельства достаточно, чтобы предположить существованіе здѣсь хотя бы удобныхъ путей сообщенія въ ту пору. И дѣйствительно, вокругъ этихъ мѣстъ и теперь существуютъ нѣкоторые слѣды широкихъ и гладкихъ дорогъ, высланныхъ камнемъ. Между тѣмъ, нынѣшній піетраббондантинецъ не знаетъ, что такое колесный путь, не знаетъ употребленія колеса и повозки: старыя дороги забыты и въ теченіе вѣковъ ушли въ глубь почвы до такой степени, что нелегко теперь подъ толсто наросшимъ слоемъ отыскать ихъ прежнее направленіе. И если такая судьба постигла древніе пути сообщенія, то спрашивается, какъ же могли уцѣлѣть другіе предметы, другіе памятники жизни Самнитовъ?

При видѣ этого запустѣнія страны, гдѣ когда-то кипѣла жизнь сильнаго и благороднаго народа, было такъ естественно перенестись мыслью къ тѣмъ отдаленнымъ вѣкамъ и перебрать въ памяти главнѣйшіе моменты самнитской исторіи. Да проститъ намъ читатель, если мы на минуту остановимъ его вниманіе на важнѣйшихъ событіяхъ жизни этого, столь замѣчательнаго по своей страдальческой судьбѣ, народа.

Чѣмъ глубже проникаемъ мы въ даль вѣковъ, предше-

ствовавшихъ эпохъ объединенія Италіи подъ властью Рима, тѣмъ разнообразнѣе становится Апеннинскій полуостровъ въ этнографическомъ отношеніи, тѣмъ рѣзче выступаютъ передъ нами многочисленныя народности, съ незапамятныхъ временъ населявшія эту благодатную страну. На сѣверо-западѣ живутъ Лигуры, значительная доля сѣверной полосы во владѣніи Этрусковъ, которые, при вторженіи своемъ въ Италію, оттѣсняютъ внутрь страны племя Умбровъ; средняя полоса полуострова подѣлена между Латинами, утвердившимися на западной сторонѣ, и Сабелло-самнитами, подъ разными именами занявшими гористую территорію на востокѣ; югъ Италіи, преимущественно же восточная часть его, населенъ малопзвѣстнымъ племенемъ Япиговъ. Всѣ эти племена и народы водворились въ Италіи съ незапамятныхъ временъ; процессъ водворенія совершался постепенно и, конечно, не безъ взаимной борьбы за лучшія территоріи, которыя доставались въ концѣ-концовъ сильнѣйшимъ между ними.

Все это должно было происходить за много вѣковъ до основанія Рима, и, само собою разумѣется, эти вѣка не могли пройти безслѣдно для развитія каждаго изъ этихъ племенъ и народовъ. А между тѣмъ, исторія почти ничего не знаетъ о всей этой, такъ сказать, до-римской порѣ Италіи. Случайныя, краткія и блѣдныя замѣтки, встрѣчающіяся у латинскихъ и греческихъ писателей, служатъ доказательствомъ лишь того, какъ мало древніе интересовались судьбами исконныхъ обитателей Италіи, какъ мало они знали ихъ языкъ и ихъ внутреннюю жизнь. Поэтому нечего удивляться, что и исторія Самнитовъ, не смотря на несомнѣнное могущество ихъ между Италіотами, крайне бѣдна извѣстіями, что она можетъ быть рассказана только въ самыхъ общихъ чертахъ, но и то послѣ сопоставленія отдѣльныхъ замѣтокъ, разбросанныхъ въ древнихъ литературныхъ частяхъ часто на далекомъ разстояніи одна отъ другой.

Самниты помѣщаются древними писателями на югъ отъ нынѣшней рѣки Сангро (древній *Sagrus*), на сѣверѣ той земли, которая въ историческія времена извѣстна подъ именемъ Самнія, *Samnium*. Не смотря на давность пребыванія въ этихъ мѣстахъ, Самниты не считали себя исконными жителями, не называли себя автохтонами этой страны, живо храня память о совмѣстной жизни съ Сабинянами въ Абруццахъ около города *Amiternum*. Послѣдній играетъ въ ихъ глазахъ роль метрополіи, которая выслала ихъ въ такъ называемую священную весну (*ver sacrum*) изъ своихъ предѣловъ.

Сабиняне, говоритъ преданіе, тѣснимые съ сѣвера Умбрами и испытавъ рядъ неудачъ въ битвахъ, дали обѣдъ посягнуть подземнымъ богамъ и Марсу все, что родится у людей и скота въ слѣдующую весну. Выросшій скотъ частью былъ отпущенъ на волю, частью принесенъ въ жертву, а молодое поколѣніе, по достиженіи совершеннолѣтія, было выслано изъ страны искать себѣ счастья по міру, искать себѣ новыхъ поселеній. Марсъ при этомъ далъ одной толпѣ переселенцевъ въ вожатан вола (*bos bov-is*) который и пошелъ на югъ отъ *Amiternum* къ рѣкѣ *Sagrus*. Волъ остановился и легъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ основанъ былъ *Bovianum*—городъ вола. Другая партія получила себѣ въ вожатан волка (*hirpus*), поведшаго ихъ далѣе на югъ, въ область позднѣйшаго города *Beneventum*: отсюда произошелъ народъ *Hirpini*, народъ волка. Третьимъ Марсъ далъ дятла (*picus*), который указалъ имъ страну на востокъ отъ *Amiternum*, по берегу Адриатическаго моря, нынѣшнюю Анконскую область, названную *Picenum*, землю дятла.

Не смотря на поэтическую оболочку разсказа, не смотря на это простодушное вѣрованіе въ возможность одновременнаго, можно сказать, моментальнаго выдѣленія изъ небольшого горнаго кантона окрестностей Амитерна такого

числа людей, которые расходятся въ разныя стороны и основываютъ два значительно разнящіеся, хотя и несомнѣнно кровно-родственные языка, каковы сабелльскій, которымъ говорили въ землѣ Пицентовъ, и самнитскій—языкъ Самнія,—для насъ цѣнно это преданіе, какъ доказательство того, что Самниты считали себя родными дѣтьми Сабинянъ.

Затѣмъ, слѣдуя случайнымъ и разрозненнымъ сообщеніямъ латинскихъ и греческихъ писателей, мы видимъ, что Самниты не довольствуются страной отъ рѣки Сангра на сѣверѣ до области Беневента включительно на югѣ, но занимаютъ сосѣднее побережье Адриатическаго моря—*Ager Frentanus*, область Френтановъ; проникаютъ въ сѣверную полосу Апуліи, гдѣ и основываютъ города *Teanum*, *Asculum* и др., далѣе въ древнюю Инотрію, которой будто бы и даютъ названіе Луканіи по имени своего вождя Лукія. Отсюда уже близко до нынѣшней Калабріи (земля Бреттievъ) и Сициліи: здѣсь, хотя и много позднѣе, они подъ именемъ Мамертинцевъ овладѣваютъ Мессаной (нынѣшняя Мессина) и ея областью. Если, на конецъ, припомнимъ, что въ началѣ IV ст. отъ основанія Рима Самниты появляются съ завоевательной цѣлью въ Кампаніи, гдѣ они овладѣваютъ этрусской Капуей (331 г.), греческими Кумами (335), и гдѣ морское побережье съ незапамятныхъ временъ занято было Осками, народомъ самнитскаго происхожденія, то окажется, что къ половинѣ IV ст. огромная площадь нижней Италіи заселена Самнитами и ихъ выходцами, которые въ новыхъ мѣстахъ носятъ свои, особые названія. Эта колонизація въ преданіяхъ древнихъ ставится въ связь съ *ver sacrum*, древне-италійскимъ обычаемъ — не чуждымъ и древней Греціи — въ трудную годину жизни посвящать подземнымъ богамъ все, что родится у людей и скота въ ближайшую весну, каковое посвященіе означало при-

ношеніе животныхъ въ жертву или частью отпущеніе ихъ на волю и высылку молодаго поколѣнія въ чужія земли. Такова исторія Гирпиновъ, Лукановъ, Мамертинцевъ и др.

Вотъ все или почти все, что мы знаемъ о Самнитахъ изъ ихъ древнѣйшей поры. Исторія Самніа становится яснѣе только съ конца IV ст. римскаго лѣтосчисленія, потому что съ этого времени она находитъ себѣ мѣсто въ государственныхъ и частныхъ хроникахъ Римлянъ, которыя въ послѣдствіи послужили источникомъ для національной ихъ исторіи.

Въ 400 году Римъ заключилъ дружественный договоръ съ Самнитами, но этотъ фактъ уже самъ по себѣ говоритъ за то, что не далеко то время, когда такой честолюбивый и эгоистическій народъ, какъ Римляне, и такой почитатель собственной свободы и къ тому же столь сильный территориальнымъ распространеніемъ, какъ Самниты, сойдутся на поляхъ битвъ соперниками и врагами. И дѣйствительно, не прошло и десяти лѣтъ, какъ начались недоразумѣнія и несогласія во взглядахъ на взаимныя отношенія.

411-мъ годомъ открываются знаменитыя Самнитскія войны, которыя, за исключеніемъ небольшихъ и непрочныхъ перемирій, продолжались тридцать семь лѣтъ (до 464), войны, вызывающія со стороны Рима Марковъ Валеріевъ Корвовъ, Авловъ Валеріевъ Коссовъ, Публиевъ Деціевъ Мусовъ, Луціевъ Папиріевъ Курсоровъ, Квинтовъ Фабіевъ Руллиановъ; со стороны Самнитовъ цѣлую генерачію отличныхъ и великодушныхъ стратеговъ Понтіевъ, Брутуловъ Папіевъ, Гельвіевъ Стаціевъ, Гельвіевъ Эгнаціевъ и др. Результатъ этой многолѣтней кровавой борьбы извѣстенъ: Самній, потерявъ цвѣтъ своего населенія, обезсиленный и истощенный, искалъ мира, который и былъ заключенъ въ 464 году. Всѣ выгоды были на сторонѣ побѣдителя; послѣдній если и не

объявилъ себя полнымъ повелителемъ новой страны, то сѣть крѣпостей, военныхъ дорогъ, латинскихъ колоній, которой былъ опутанъ Самній со всѣхъ сторонъ, ясно говорила, что дни политической свободы этой страны сочтены. Въ теченіе войнъ Римъ заложилъ крѣпости въ Sora, Agrinum, Fregellae, Interamna—въ землѣ Вольсковъ; въ Suessa, Cales, Saticola, Sinuessa, Minturnae—въ Кампаніи; въ Nuceria—въ Апуліи; провелъ военныя дороги—на сѣверъ въ Умбрию къ Narnia, на востокъ мимо Фуцинскаго озера, на югъ къ Nuceria черезъ самый Самній; вывелъ колоніи въ Carseoli, Alba Fucina—въ землѣ Эквовъ и Марсовъ, въ Venusia—въ Луканіи.

Но какъ ни велики, какъ ни тяжелы были потери Самнитовъ въ сраженіяхъ подъ Бовіаномъ, Аквилоніей, какъ ни истомленъ былъ этотъ народъ тридцати-семилѣтней войною, но не проходитъ и семи лѣтъ, когда онъ снова, при появленіи Пирра въ Италиі, поднимаетъ оружіе противъ ненавистнаго ему Рима. Вмѣшательство эпирскаго царя въ дѣла Италиі, какъ извѣстно, только ускорило паденіе независимости Италийцевъ: въ 484 г. вся Италиа, съ покореніемъ Бреттіевъ и Мессапіевъ, занимавшихъ южныя оконечности полуострова, приведена была къ покорности. Но Самниты и послѣ заключенія мира не отказываются отъ мечты о свободѣ, такъ что Римъ, вслѣдствіе вспыхнувшихъ у нихъ новыхъ волненій, въ слѣдующемъ же 485 г. долженъ былъ послать туда обоихъ консуловъ. На этотъ разъ мечъ и страшные ужасы казней полагаютъ надолго предѣлъ народному мужеству и отчаянію...

Проходятъ послѣ этого почти двѣсти лѣтъ, когда Римъ, болѣе не тревожимый покоренной Италией, распространяетъ свою власть на Африку, Испанію, Грецію, Сирію. Въ этотъ періодъ Самниты, служа подъ знаменами Рима въ чужихъ земляхъ и неся на себѣ всѣ тяжести войнъ, какъ бы со-

бираются съ силами для новой и, какъ исторія свидѣтельствуесть, уже послѣдней попытки отстоять поруганную свободу и воротить независимость былыхъ временъ. Этой войнѣ за независимость и полное отдѣленіе отъ Рима возгорѣвшейся между всѣми народами сабинно-самнитскаго происхождения въ 663 г. историки даютъ имя Марсіейской (bellum Marsicum); но что Самниты и здѣсь бились съ тѣмъ же ожесточеніемъ, которымъ они отличались въ предшествовавшія войны, за это говорятъ и подвиги Понтія изъ Телезіи, стоявшаго съ своимъ войскомъ подъ воротами Рима, и мученическая смерть самнитскаго народа подъ ударами палачей Суллы. Существуетъ слѣдующій рассказъ Плутарха о его звѣрской расправѣ съ побѣжденнымъ врагомъ. „Три тысячи неприятельскаго войска послали послѣ пораженія подъ Римомъ къ Суллѣ въ Антемну просить пощады. Сулла обѣщала имъ безопасность, если они явятся къ нему, предварительно причинивъ зло своимъ. Тѣ повѣрили обѣщанію и напали на другихъ вопновъ. Въ сраженіи пало много тѣхъ и другихъ. Не смотря на это, Сулла какъ этихъ, такъ и другихъ оставшихся, числомъ до шести тысячъ человѣкъ, собралъ въ циркѣ и отдалъ своимъ солдатамъ приказъ перебить ихъ. Самъ же тѣмъ временемъ созвалъ сенатъ въ храмъ Беллоны и открылъ тамъ рѣчь. Вопли несчастныхъ донеслись до храма. Изумленные сенаторы встали съ своихъ мѣстъ; но Сулла съ невозмутимымъ лицомъ просилъ слушать его внимательно и не обнаруживать любопытства въ отношеніи того, что происходитъ внѣ: тамъ-де, по его приказанію, проучиваютъ нѣсколькихъ негодяевъ“. Избѣненіе злополучныхъ Самнитовъ продолжалось три дня.

Созженная, ограбленная, подвергшаяся такому страшному опустошенію, что, по сказаніямъ историковъ, камня на камень не оставалось въ Самніѣ, что послѣ этого нужно было въ самомъ Самніѣ искать Самнію, эта

страна уже не поднимается болѣе. Съ избѣненіемъ населенія въ горахъ и послѣ этой чудовищной казни въ римскомъ циркѣ, Самниты исчезаютъ съ театра исторіи. Запустѣніе и смерть водворяются тамъ, гдѣ когда-то кипѣла жизнь народная, гдѣ была своя, вѣковымъ трудомъ нажитая цивилизація.

Время и невѣжество послѣдующихъ вѣковъ разрушаютъ почти въ концѣ все, чего не могли уничтожить римскіе легіоны. И это разрушеніе остатковъ самнитской старины продолжалось почти до нашихъ дней.

Выше мы видѣли, сколько униженія пережилъ самнитскій камень ноланской семинаріи; но онъ былъ, по крайней мѣрѣ, счастливъ тѣмъ, что попался на глаза просвѣщенному духовному лицу, которое и спасло остающуюся часть его для науки. А въ горахъ Самніи темное духовенство, напротивъ, способствовало разрушенію языческихъ древностей, видя въ нихъ лишь вредъ для христіанской религіи. Что это было дѣйствительно такъ, вотъ тому одно изъ доказательствъ. Въ девяти миляхъ отъ нынѣшняго города Бойано (древ. Bovianum Undecimanorum) поселяне нашли, въ 1777 году, на высокомъ холмѣ остатки какой-то древней святыни, въ одной изъ нишъ которой оказались статуя богини—по всѣмъ признакамъ Минервы—и жертвенникъ съ неизвѣстною надписью. Статую взялъ себѣ одинъ сосѣдь, нѣкто dusa Leto, а жертвенникъ съ загадочными начертаніями былъ перенесенъ въ городъ Рокка д'Аспромонте. Но здѣсь онъ возбудилъ боязнь мѣстнаго священника за цѣлость вѣрованій въ его паствѣ, которая на первыхъ порахъ приходила посмотреть невиданную находку, и вотъ древній жертвенникъ, въ одинъ праздничный день, при стеченіи народа, торжественно сбрасывается съ высокой скалы и разбивается въ дребезги. Или еще случай изъ того самаго мѣста, гдѣ мы теперь находимся. Въ прошломъ столѣтіи въ Шетраббонданте строился храмъ въ честь Божіей Матери; матеріаломъ послужили

развалины какого-то самнитскаго публичнаго зданія, и при этомъ не оказано было ни малѣйшаго вниманія къ надписямъ языческихъ временъ; оттого начало одной надписи находится теперь внизу, подъ колокольной, продолженіе на противоположной сторонѣ церкви, а конецъ ея или затерянъ, или разбитъ, или заложенъ внутри стѣны.

Это примѣры изъ прошлаго столѣтія, но не мало обидѣ терпитъ самнитская старина и въ наше время, отъ невѣжества и корыстолюбія. И нынѣ итальянскій крестьянинъ безжалостно разбиваетъ испсанный камень, бросая его въ фундаментъ или закладывая въ стѣны своихъ построекъ; и нынѣ продаетъ онъ первому встрѣчному памятникъ письменности, котораго послѣ не достанешь ни за какія деньги; и до сего дня, какъ увидимъ немного ниже, лежитъ древній жертвенникъ въ открытомъ полѣ, въ полномъ забросѣ и небреженіи, служа въ лѣтнюю пору стойкой въ тавернѣ, появляющейся здѣсь въ праздничные и торговые дни *).

Впрочемъ, что говорить о провинціяхъ, гдѣ постоянно видишь и общественныя, и частныя зданія, выстроенныя изъ древняго матеріала, при чемъ испсанный камень не былъ ничѣмъ отличаеми отъ простаго, грубаго булыжника; что говорить о темныхъ людяхъ темныхъ мѣстъ, когда то же самое мы видимъ въ Римѣ? Здѣсь, чтобы не упоминать о многомъ другомъ, Коллизей служилъ простой каменоломней для разныхъ построекъ, гдѣ съ Пантеона содрали бронзу сначала греческій императоръ Константинъ II-й, увезшій ее въ 655 году въ Константинополь и спустя почти тысячу лѣтъ, папа Урбанъ VIII изъ именитаго рода Барберини, которому она потребовалась, между прочимъ, для пушекъ, поставленныхъ имъ въ крѣпости св. Ангела...

*) Объ этихъ печальныхъ фактахъ мы уже имѣли случай говорить на страницахъ журнала „Критическое Обзоріе“ (№ 11 за 1879 г.).

Но возвращаемся къ нашему пребыванію въ Піетраббонданте. Это селеніе было важно для меня поименованной выше церковью Божіей Матери съ ея самнитскими камнями. Снимки надписей и осмотръ территоріи древняго города заняли два дня времени. Положеніе камней на стѣнахъ этой церкви таково, что работа надъ ними была для меня невозможна безъ посторонней помощи. Здѣсь я долженъ вспомнить съ чувствомъ искренней признательности о старомъ „докторѣ хирургіи“ г. Марианджело и о племянникѣ его, молодомъ священникѣ и учителѣ мѣстной школы: они не только дѣлили со мною трудъ калькированія, поддерживая лѣстницу, на которой производилась эта работа, переноса съ одного мѣста на другое воду и исполняя много другихъ необходимыхъ услугъ, но и любезно вызвались показать мнѣ остатки циклопическихъ стѣнъ, находящихся вблизи Піетраббонданте, и свести меня на мѣсто раскопокъ, производившихся какъ г. де-Петрой, такъ и его предшественниками. Въ ихъ гостепріимной семьѣ я осматривалъ и небольшую коллекцію римскихъ древностей, составляемую ими изъ мѣстныхъ случайныхъ находокъ. Нечего говорить о какой-либо эрудиціи этихъ людей—на нее у нихъ нѣтъ и самаго слабаго притязанія; но они оба, и дядя и племянникъ, обладаютъ тѣмъ дорогимъ качествомъ, которое теперь отличаетъ интеллигентный классъ самыхъ глухихъ мѣстностей Италіи; это—горячей любовью къ своимъ роднымъ мѣстамъ и почтительнымъ отношеніемъ къ ихъ древности, къ ихъ отдаленному прошлому. Не имѣя силъ и средствъ работать для науки сами, такіе люди, однако, служатъ ей добрую службу тѣмъ, что даютъ знать о встрѣчающихся новыхъ кладахъ въ Римѣ, Неаполѣ и другіе умственные центры Италіи, равно какъ и тѣмъ, что оказываютъ радушное содѣйствіе отечественнымъ и иностраннымъ путешественникамъ, являющимся къ нимъ съ научными цѣлями. Такіе путе-

шественники для нихъ желанные гости, которымъ они обыкновенно готовы служить всѣмъ, чѣмъ могутъ. Такъ, докторъ Маріанджело съ теплымъ чувствомъ вспоминалъ при мнѣ объ извѣстномъ итальянскомъ археологѣ о. Гарруччи, Моммзенѣ, де-Петрѣ и другихъ, въ разные годы приходившихъ сюда для археологическихъ изслѣдованій.

Послѣ двухъ дней пребыванія въ этомъ мѣстѣ, я собрался продолжать свой путь въ сосѣднюю провинцію Молисе. Подговоренъ былъ проводникъ съ муломъ и назначенъ выѣздъ на разсвѣтъ слѣдующаго утра. Въ послѣдній вечеръ зашелъ ко мнѣ потолковать и проститься сосѣдь мой по локандѣ, офицеръ межевого корпуса, производившій здѣсь топографическія работы, г. Джованни д'Альсона. Живя въ одномъ домѣ, мы познакомились съ первой же встрѣчи и свободные вечерніе часы проводили вмѣстѣ, въ бесѣдахъ объ Италиі и Россіи. На этотъ разъ наша бесѣда затянулась до полуночи, мой гость былъ особенно оживленъ и разговорчивъ, на прощаньи онъ пригласилъ меня навѣстить его во Флоренцію, гдѣ я предполагалъ быть ближайшей осенью. По его уходѣ, я уложилъ свой ящикъ съ бумагами и отправился къ хозяину локанды для расчета. Но донъ Доменико при первомъ словѣ съ улыбкой замѣтилъ мнѣ, что издержки по моему номеру уже заплачены и что онъ не имѣетъ ни права, ни желанія брать болѣе. Таинственнымъ кассиромъ оказался синьоръ д'Альсона, „сдѣлавшій это съ цѣлю доказать мнѣ свою дружбу (amicizia)“. Я тотчасъ же послалъ сказать ему, что я уношу пріятное воспоминаніе о нашей встрѣчѣ и безъ этой жертвы и что, напротивъ, послѣдняя для меня крайне стѣснительна. Черезъ минуту возвращается донъ Доменико и приноситъ ультиматумъ г. д'Альсоны: „или я долженъ согласиться на любезность „друга“, дожелавшаго

принять меня въ чужой локандѣ, какъ въ своемъ домѣ, или, въ противномъ случаѣ, считать его своимъ врагомъ, петісо, и не являться къ нему во Флоренцію, какъ это условлено было при прощаньи“. Дилемма была слишкомъ рѣшительна, чтобы продолжать препирательство по этому неожиданно созданшемуся вопросу.

Въ назначенное время мулъ и проводникъ были у воротъ локанды, и мы отправились, напутствуемые благожеланіями дона Доменико и его старушки. Тропинка, которой мы пробирались къ селенію Молисе, извивалась по горамъ, и не разъ мулъ принималъ такое положеніе, что или стремя моей ноги касалось его ушей, или же я долженъ былъ держаться за его шею, когда онъ осторожной и крѣпкой ногой взбирался на крутизны. Проводникъ мой болталъ безъ умолку и, по видимому, весьма мало стѣснялся тѣмъ, что я и десятой доли не понималъ изъ его горнаго жаргона. Наконецъ, съ одного изъ возвышеній мы увидѣли деревушку, которая на этотъ разъ составляла цѣль нашего путешествія.

Здѣсь, въ мѣстной капеллѣ (S. Maria del Piano) съ давняго времени служилъ жертвенникомъ большой четвероугольный камень; но нѣсколько лѣтъ тому назадъ найдено было нужнымъ выбросить его изъ этой часовни, такъ какъ, при случившейся тогда передѣлкѣ алтаря, оказалось, что на сторонѣ жертвенника, обращенной къ стѣнѣ, существуетъ надпись не-латинскаго алфавита. Жертвенникъ выкатили за предѣлы капеллы и съ тѣхъ поръ онъ лежитъ подъ открытымъ небомъ. Въ 1868 г. археологъ Ксаверій Кремонезе, изъ города Аньоне, случайно получилъ свѣдѣніе объ этомъ камнѣ и копію надписи: надпись оказалась самнитскою. Богатый землевладѣлецъ этой деревни, баронъ Ковелли делла-Поста подарилъ камень неаполитанскому музею, но такъ какъ перевозка этой тяжести, въ силу мѣстныхъ условій,

Путеш. по Италиі.

обошлась бы крайне дорого, то прежній жертвенникъ и до сего дня, къ сожалѣнію, валяется въ открытомъ полѣ.

День, когда мы прибыли въ Молисе, былъ праздничный и торговый. Все населеніе находилось на базарѣ и на гуляньѣ, устроенномъ въ сосѣдней равнинѣ; въ деревнѣ же оставались лишь старики и дѣти. Когда мы наводили справку о положеніи капеллы и о большомъ древнемъ камнѣ, лежащемъ близъ нея, то одинъ изъ стариковъ сказалъ намъ, что мы должны спуститься въ ту же самую лощину и что тамъ укажутъ намъ все нужное.

Долина была залита цѣликомъ народомъ, собравшимся сюда изъ окрестныхъ горныхъ селеній. Здѣсь торговали посудой, серпами, косами и всѣмъ, что неизбежно въ деревенскомъ бытѣ. Для пришедшихъ погулять устроены были остеріи и винныя лавочки, въ которыхъ уже шумѣлъ и толпился праздничный людъ. Скоро наши исканія и разспросы привели насъ къ открытію, что надъ бывшимъ жертвенникомъ капеллы Божіей Матери теперь раскинута палатка и что этотъ камень исправляетъ теперь роль „стойки“ въ импровизованной харчевнѣ. На немъ стояли винныя бутылки и стаканы, лежали хлѣбъ, мясо и другіе съѣстные продукты.

Наше прибытіе сюда въ такую пору было всего менѣе кстати. Хозяинъ таверны, узнавши, что мы интересуемся не его кухней, а камнемъ, заметался и заговорилъ на своемъ жаргонѣ что-то, должно быть, весьма нелестное для гостя, потому что собравшаяся въ палаткѣ и около толпа съ любопытствомъ смотрѣла на эту сцену и громко смѣялась. Я всячески старался выяснитъ невозможность для меня ждать окончанія торга и оставаться здѣсь до завтра. Хозяинъ отвѣчалъ обычнымъ: „sì, sì, signore“, но землякамъ пускалъ при этомъ такія фразы и словечки, которыя поддерживали ихъ веселое настроеніе. Христось вѣдаетъ, чѣмъ бы кончилось все это объясненіе, если бы не вмѣшался въ это

дѣло одинъ изъ богатыхъ и болѣе интеллигентныхъ поселянъ и не убѣдилъ хозяина вынести скамьи и очистить палатку отъ публики. Быстро и съ шумомъ свершилось это переселеніе пирующихъ, и я остался одинъ для обслѣдованія самнитскаго камня.

Камень лежалъ вверхъ дномъ, и надпись, высѣченная по верхнему краю одной изъ его боковыхъ сторонъ, ушла въ землю. Пришлось достать заступъ и разчистить мѣсто; чтобы прочесть перевернутую надпись, необходимо было достать воды и вымыть начертанія. При этомъ неизбежно явилась грязь около камня; отсюда—новое срыванье земли и новая разчистка. Наконецъ, бумага наклеена во всю длину надписи, смѣренъ камень во всѣхъ трехъ направленіяхъ. Оставался лишь вопросъ о просушкѣ бумажнаго слѣпка. На солнцѣ бумага сохнетъ въ нѣсколько минутъ, но со всѣмъ иное дѣло, когда она находится въ тѣни, внутри зданія или подъ палаткой, какъ въ данномъ случаѣ. Время бѣжало; между тѣмъ, мнѣ необходимо было къ вечеру сдѣлать переваль чрезъ сосѣднюю гору и выбраться изъ области горныхъ тропинокъ на торную, колесную дорогу. Тутъ явилась намъ мысль объ искусственномъ осушеніи слѣпка. Съ этой цѣлью купили горшокъ, разбили его на нѣсколько черепковъ, положили на нихъ горячихъ углей и, при содѣйствіи двухъ парней, вызвавшихся помогать мнѣ, начали раздувать угли подлѣ надписи. Правда, при этомъ оказалось неизбежныхъ лечь на-земь, а земля здѣсь была теперь и мокра и грязна; но нашъ костюмъ и безъ того былъ далеко не снѣжной бѣлизны; главное же—пріемъ нашъ удался вполнѣ. Черезъ полчаса такой возни, помощники получили по стакану вина, бумаги были уложены въ свое мѣсто, и мы съ проводникомъ утѣшили содержателя таверны заказомъ обильнаго обѣда съ приличнымъ количествомъ его „buonissimo vino nostrale“.

Къ закату солнца въ этотъ длинный и утомительный день мы добрались до шоссейной дороги и до ближайшей деревушки, гдѣ и пришлось остановиться, въ ожиданіи почтового дилижанса.

Обратный путь до Неаполя проходилъ опять чрезъ Изернію, Венафро и Капую.

IV.

Сорренто.—Поездка въ Сицилію.—Палермскій ученый конгрессъ.—Società Italiana pel Progresso delle Scienze.—Экскурсія въ Солунто и Чезфалу.—Арабистъ Амари —Отъездъ.

Климатъ Неаполя въ лѣтніе мѣсяцы можно считать умереннымъ только сравнительно съ жарами такихъ городовъ какъ Римъ и Флоренція; но все-же въ концѣ іюля и въ первой половинѣ августа и здѣсь бываетъ очень жарко, и если вы живете не на Позилиппо и не въ одной изъ виллъ, образующихъ верхнія окраины города, то и чрезвычайно душно. Тѣмъ чувствительнѣе этотъ жаръ при постоянномъ физическомъ и умственномъ напряженіи, и большимъ было бы поэтому подвигомъ отказать себѣ въ возможности пережить эти палящіе дни гдѣ-нибудь въ сосѣдствѣ Неаполя—въ окрестностяхъ Каstellямаре, въ Амальфи или Сорренто.

Въ послѣднемъ изъ этихъ всемірно-прославленныхъ мѣстъ лѣтомъ 1875 г. жила значительная колонія нашихъ художниковъ, перебравшихся сюда изъ Рима. Здѣсь были скульпторы М. М. Антокольскій, задумывавшій тогда своихъ Сократа и Спинозу; А. В. Снигиревскій, пріѣхавшій отдохнуть послѣ исполненія нѣсколькихъ большихъ и мелкихъ вещей, которые доставили ему вскорѣ званіе академика; живописцы Н. О. Ковалевскій, только что окончившій свою превосходную картину „Раскопки близъ Рима“, А. А. Риццони, Ѡ. П. Рейманъ, собиравшіе здѣсь матеріалы для своихъ

зимнихъ работъ; музыкантъ М. М. Ивановъ и др. Со всѣми этими соотечественниками я былъ знакомъ еще съ прошлой зимы, съ нѣкоторыми же пришлось сойтись на пріятельскую ногу:—это было новымъ побужденіемъ оставить душный городъ и отправиться dahin, wo die Citronen blühen по преимуществу предъ всѣми другими мѣстами благословенной Италіи.

„Кто не видалъ своими глазами древней страны Осковъ, Кампаніи,—пишетъ одинъ изъ нашихъ путешественниковъ,— и въ особенности не любовался небомъ, моремъ и всей роскошной природой на берегахъ Неаполитанскаго залива, тотъ не знаетъ и даже не можетъ представить себѣ, что есть на земномъ шарѣ уголокъ, который по всей справедливости можетъ быть названъ земнымъ раемъ. Все въ этихъ благодатныхъ мѣстахъ создано для того, чтобы лелѣять воображеніе, возбуждать челоуѣка къ жизни, призывать его къ наслажденію. Теплый, нѣжащій своей мягкостью лѣтомъ и зимою воздухъ, глубокая синева яснаго неба, свѣтлая и маниющая къ себѣ зыбь укрошенныхъ волнъ Средиземнаго моря, видъ сторожащихъ входъ въ заливъ большихъ и малыхъ острововъ—Капри, Искіи, Прочиды и Низиды, замыкающія въ востокѣ горизонтъ высокія и защищающія отъ сѣверо-восточныхъ вѣтровъ Апеннины, дышащія ароматомъ растенія, богатые сочными плодами деревья, неистощимая въ плодородіи почва,—вся эта облитая солнцемъ, полная жизни, смѣющаяся и ликующая природа заключаетъ въ себѣ столько чарующаго и привлекательнаго, что становится безъ всякаго усилія мысли понятнымъ, почему эта мѣстность искони была любимымъ мѣстопробываніемъ челоуѣка и съ незапамятныхъ временъ была усѣяна цвѣтущими городами, въ которыхъ кипѣло здоровое, веселое, преданное нѣгѣ и наслажденію населеніе“ *). Къ этимъ правдивымъ словамъ

*) Историч. Вѣстн. 1880, ноябрь, ст. В. И. Модестова.

прибавимъ только, что лучшимъ мѣстомъ въ этомъ чудномъ краѣ въ лѣтніе мѣсяцы считается Сорренто. Сюда, въ этотъ волшебный городокъ, съ его лимонными и апельсинными рощами, съ его дышащимъ прохладой климатомъ, купаньями и одной изъ рѣдкихъ панорамъ въ мірѣ, стекаются изъ чужихъ и дальнихъ краевъ всѣ, кому довелось разъ попасть подъ небо Италіи. Притягательными свойствами этого мѣста объясняется и тотъ фактъ, что всѣ наши художники, живущіе въ Римѣ, обыкновенно выбираютъ Сорренто для лѣтняго отдыха и приготовленія къ новымъ трудамъ.

Незамѣтно, какъ сладкій сонъ, промелькнули для насъ три недѣли этихъ никогда, ни прежде, ни послѣ неиспытанныхъ каникулъ. Прогулки и экскурсіи въ обществѣ симпатичныхъ людей, бесѣды о Россіи по поводу приходившихъ къ намъ сюда газетъ и писемъ и разнородные споры, безъ которыхъ обыкновенно не обходится ни одна пріятельская компанія, наполняли наше быстро летѣвшее время. Сборнымъ пунктомъ русской колоніи служилъ домъ гостепріимной москвички М. Н. Б—ой, занимавшей съ своимъ семействомъ одну изъ самыхъ большихъ и роскошныхъ виллъ города. Любезный характеръ хозяйки, русскія книги и журналы, получавшіеся здѣсь въ большомъ количествѣ, прелесть прилежавшаго къ виллѣ большого апельсиннаго сада, съ открытымъ видомъ на Капри и Неаполитанскій заливъ, созывали сюда обыкновенно всѣхъ, кто любилъ проводить вечерніе часы въ веселой и интеллигентной бесѣдѣ. И если только не измѣняетъ намъ память, ни разу не случилось, чтобы наше общество расходилось по домамъ ранѣе полуночи. На чужбинѣ соотечественники сходятся скорѣе, пріятельскія отношенія тамъ устанавливаются быстро. А отсутствіе всѣхъ обременительныхъ условій, которыми обставлена жизнь каждаго изъ насъ дома, способствуетъ тому, что простое знакомство не рѣдко превращается послѣ въ серьезную и

прочную дружбу. Другимъ русскимъ домомъ, о которомъ невольно вспоминаешь теперь съ искреннимъ удовольствіемъ, былъ домъ Антокольскихъ.

Пришла половина августа; неаполитанскія газеты заговорили о приближеніи ученаго конгресса въ Палермо. Этотъ съѣздъ ученыхъ, по официальнымъ извѣстіямъ, намѣренъ былъ почтить своимъ прибытіемъ и тогдашній наслѣдній принцъ Гумбертъ.

Еще раньше г. де-Петра подалъ мнѣ мысль подогнать поѣздку въ Сицилію ко времени этого конгресса и такимъ образомъ воспользоваться случаемъ видѣть лучшихъ представителей итальянской науки. Онъ же снабдилъ меня рекомендательнымъ письмомъ къ профессору археологіи въ палермскомъ университетѣ, г. Салинасъ, который вмѣстѣ состоитъ и директоромъ національнаго музея. Не безъ его же участія, передъ самымъ открытіемъ конгресса, я получилъ изъ Палермо официальное приглашеніе отъ ориенталиста Амари, стоявшаго во главѣ распорядительнаго комитета по устройству этого съѣзда.

Я не буду говорить о прелести переправы отъ Неаполя къ Сициліи въ хорошую лѣтнюю погоду, когда большое судно спокойно и ровно скользитъ по гладкой поверхности моря, когда въ свѣтло-лазоревыхъ волнахъ проплываютъ предъ вами сначала Капри съ Искіей, долго за тѣмъ виднѣются гористые берега Калабріи, когда проноситесь потомъ мимо граціозной группы Липарскихъ острововъ и, на конецъ, на дальнемъ горизонтѣ начинаютъ мало по малу предъ вашимъ взоромъ выступать все яснѣе и яснѣе высокія скалы Сициліи... Скажу только одно, что кому разъ выпало счастье такого путешествія, тотъ никогда не забудетъ этихъ свѣтлыхъ мгновеній жизни, тотъ не въ состояніи будетъ отнестись къ нимъ въ своемъ воспоминаніи иначе, какъ съ самымъ теплымъ чувствомъ.

Все отправлявшіеся на конгрессъ ѣхали изъ Неаполя на одномъ большомъ пароходѣ, предоставленномъ къ услугамъ ученыхъ за половинную плату. Приближаясь къ палермской бухтѣ, мы были встрѣчены цѣлой флотиліей разукрашенныхъ лодокъ, плывшихъ по направленію къ пароходу: это, какъ оказалось, была депутація отъ города, явившаяся для приѣма гостей, которые собрались сюда со всѣхъ концовъ Италіи. Синдикъ съ представителями муниципіи поднялись на палубу корабля и, въ лицѣ министра народнаго просвѣщенія Бонги и командора Фиорелли, привѣтствовали всѣхъ прибывшихъ. Члены распорядительнаго комитета тѣмъ временемъ раздавали карточки съ обозначеніемъ отѣлей, предназначенныхъ для пріѣзжихъ членовъ съѣзда. Внизу гостей ждали лодки и барки, а на берегу цѣлый рядъ омнибусовъ и экипажей, которые должны были развозить прибывшихъ по заранѣе приготовленнымъ для нихъ помѣщеніямъ.

Начало ученыхъ конгрессовъ въ Италіи относится къ 1840 г., и до 1875 г. ихъ было уже одиннадцать. Впрочемъ, справедливость требуетъ замѣтить, что характеръ ихъ до самаго послѣдняго времени былъ скорѣе политическій, чѣмъ научный. Представители науки и литературы и вообще просвѣщенные люди страны пользовались этимъ учрежденіемъ только какъ предлогомъ для личныхъ свиданій и непосредственнаго обмѣна своихъ политическихъ взглядовъ и убѣжденій; такъ, между прочимъ, и на этихъ собраніяхъ мало-по-малу подготовлялось то великое дѣло государственнаго объединенія Италіи, которое, послѣ разныхъ перипетій, завершилось актомъ 8 (20) сентября 1870 года.

Но разъ главная патріотическая цѣль была достигнута, и эти ученые съѣзды должны были принять другое направленіе, болѣе соответствующее своему названію—congresso degli scienziati. Предшествующій, одиннадцатый, конгрессъ, имѣвшій мѣсто въ Римѣ, былъ послѣднимъ отзвукомъ этихъ

шумныхъ собраній съ политической подкладкой. Къ 1875 г. въ итальянской интеллигенціи созрѣло сознаніе необходимости поставить это учрежденіе, считавшее уже тридцать пять лѣтъ своего существованія, на иную дорогу. Послѣ предварительныхъ переговоровъ, въ руководящихъ кругахъ рѣшено было учредить особое общество, которое обнимало бы всѣ научныя специальности и имѣло бы цѣлью способствовать прогрессу науки. Этому обществу предположено было дать широкіе размѣры привлеченіемъ сюда возможно большаго числа членовъ по Италіи и за границей.

Эта Società Italiana pel Progresso delle Scienze должна была получить свое начало на конгрессѣ въ Палермо.

Давно ли страна была разбита на столько отдѣльныхъ, обособленныхъ земель и государствъ, жители которыхъ называли другъ друга чужими, „forestieri“; давно ли и сѣверъ, и югъ томились подъ тяжелымъ иноземнымъ игомъ; давно ли была еще такъ могуча папская власть, которая столь мало заботилась объ истинномъ просвѣщеніи своихъ подданныхъ??—и вотъ не проходитъ и пяти лѣтъ послѣ взятія Рима войскомъ Виктора-Эммануила, какъ уже въ столицѣ единого государства поднимается и развивается, совместно съ представителями другихъ умственныхъ центровъ Италіи, вопросъ о прогрессѣ единой итальянской науки, объ учрежденіи такого научнаго союза, куда входили бы всѣ, кому близки интересы науки и просвѣщенія обновленной Италіи. Благородная и высокая мысль, къ которой нельзя отнести иначе, какъ съ чувствомъ особеннаго почтенія!

Первый день нашего пребыванія въ Палермо ушелъ на визиты sindaco города, предсѣдателю подготовительнаго комитета сенатору Амари и наиболѣе выдающимся мѣстнымъ ученымъ, а также на ознакомленіе съ главнѣйшими достопримѣчательностями города.

Отъ г. Амари мы всѣ получили по экземпляру „Проекта

устава итальянскаго общества преуспѣянна наукъ“ (1875). Новоучреждаемое общество имѣетъ цѣлю,—говорилось въ этомъ уставѣ,—предложить академіямъ, ученымъ учрежденіямъ, находящимся въ разныхъ частяхъ Италіи, и всѣмъ лицамъ, сочувствующимъ дѣлу отечественнаго просвѣщенія естественное средство взаимной связи путемъ сѣздовъ служителей науки, и сдѣлать эти сѣзды болѣе плодотворными, чѣмъ прежде бывшіе конгрессы.

Сѣзды будутъ общіе и спеціальныя. Общія сѣзды собираются чрезъ каждые три года въ городѣ, избранномъ на предыдущемъ сѣздѣ. Время сѣзда опредѣляется комитетомъ за годъ до открытія конгресса. Общій конгрессъ продолжается восемь дней, но каждому отдѣленію его дозволяется продлить свои засѣданія до окончанія своихъ работъ. Конгрессъ дѣлится на десять секцій: 1) математики, астрономіи, физики и метеорологіи; 2) инженернаго искусства; 3) химіи и минералогіи; 4) зоологіи, ботаники и геологіи; 5) анатоміи, физиологіи и медицины; 6) географіи, антропологіи, этнографіи и лингвистики; 7) филологіи, исторіи и археологіи; 8) статистики, экономическихъ и политическихъ наукъ; 9) законодательства; 10) философіи и педагогикѣ. Въ продолженіе конгресса печатается Дневникъ (il Diario), который содержитъ: списокъ присутствующихъ и отсутствующихъ членовъ съ означеніемъ ихъ адресовъ, протоколы засѣданій предыдущаго дня, порядокъ предметовъ, подлежащихъ обсужденію, и вообще всѣ свѣдѣнія, которыя комитетъ сочтетъ полезнымъ сообщить членамъ. Составленіемъ Дневника завѣдуетъ секретарь комитета, при содѣйствіи секретарей отдѣленій. Поэтому секретари составляютъ особую комиссію. По окончаніи конгресса долженъ быть изданъ томъ Трудовъ (Atti). Онъ заключаетъ: рѣчи, произнесенныя при открытіи и закрытіи сѣзда, свѣдѣнія о состояніи общества, ученые статьи, одобренныя совѣтомъ предсѣдателей отдѣленій, из-

влеченія изъ трудовъ различныхъ итальянскихъ академій и пр. Частные съезды устроиваются, по мѣрѣ надобности, во всѣхъ областяхъ Италіи, и результаты ихъ могутъ составлять часть „Трудовъ“ общества.

Представителемъ общества служитъ постоянный комитетъ, который принимаетъ всѣ мѣры, какія сочтетъ нужнымъ, для достиженія цѣлей общества. Онъ состоитъ изъ десяти членовъ, изъ которыхъ каждый представляетъ одно изъ десяти отдѣленій конгресса и избирается конгрессомъ по баллотировкѣ, непремѣнно большинствомъ голосовъ. Комитетъ засѣдаетъ въ Римѣ. Члены его имѣютъ здѣсь мѣсто жительства и остаются въ должности три года, т.-е. отъ закрытія конгресса, который избралъ ихъ, до закрытія слѣдующаго конгресса. Они могутъ быть избраны вновь. Комитетъ собирается разъ въ недѣлю; его рѣшенія не имѣютъ силы, если не основываются на голосахъ, по крайней мѣрѣ, шести членовъ. Впрочемъ, въ крайнихъ случаяхъ для принятія рѣшеній, не имѣющихъ вліянія на капиталъ общества, достаточно и пяти голосовъ. Въ особенныхъ случаяхъ, по формально данной довѣренности, и одинъ членъ можетъ представлять комитетъ и принимать его обязательства.

Капиталъ общества состоитъ изъ ежегоднаго взноса 10 фр., которые каждый членъ обязанъ платить, по крайней мѣрѣ, въ продолженіе пяти лѣтъ; изъ пожертвованій членовъ и лицъ, сочувствующихъ цѣли общества; изъ платы 20 фр., которые каждый сотрудникъ, приглашенный на одинъ конгрессъ, обязанъ внести въ кассу общества. Этотъ капиталъ употребляется, кромѣ расходовъ главнаго комитета, на печатаніе Дневника и Трудовъ, на вспомошествованіе частнымъ съездамъ, на ученые изданія и командировки членовъ съ научной цѣлью.

Членами общества могутъ быть: итальянцы, принадлежавшіе къ одному изъ прежнихъ конгрессовъ; члены академій

и другихъ ученыхъ учрежденій, публикующихъ свои труды; директоры высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній; профессора и преподаватели, какъ дѣйствующіе, такъ и заслуженные; всѣ, имѣющіе дипломъ или аттестатъ отъ какого-либо университета или другого высшаго учебнаго заведенія государства; офицеры арміи и флота, наконецъ, всѣ тѣ, кого предложить два члена общества. Они обязаны вносить по 10 фр. ежегодно въ теченіе пяти лѣтъ или единовременно уплатить 45 фр. Женщины также принимаются въ общество. Имъ даются точно такіе же права и обязанности, какія получаютъ и другіе члены. Члены имѣютъ право присутствовать на общихъ съездахъ; они принимаютъ участіе въ разсужденіяхъ, въ баллотировкахъ и получаютъ Дневникъ и Труды общества, если даже не присутствуютъ на конгрессѣ. Комитетъ, руководствуясь правилами, существующими для принятія въ общество членовъ, имѣетъ право приглашать сотрудниковъ на одинъ конгрессъ. Эти сотрудники обязаны внести 20 фр. и въ продолженіе конгресса пользуются правами членовъ. Иностранцы, которыхъ комитетъ формально приглашаетъ въ члены, ничего не платятъ. Чтобы легче было записываться въ члены и платить деньги въ установленные годовые сроки, комитетъ имѣетъ право избирать между членами, находящимися въ разныхъ итальянскихъ провинціяхъ и въ большихъ ученыхъ центрахъ, мѣстные комитеты и передать имъ часть своихъ правъ въ мѣрѣ, требуемой обстоятельствами.

Этотъ проектъ устава, привезенный учеными континента, говоритъ между прочимъ о томъ, съ какимъ вниманіемъ отнеслись они къ предстоящему конгрессу. Но эта предварительная подготовка еще болѣе доказывается тѣмъ чрезвычайнымъ оживленіемъ, которымъ отличались собранія классовъ естественныхъ и политическихъ наукъ *).

*) Что касается секцій археологій, исторіи и филологій, то рефератовъ, къ нашему удивленію, было очень мало, не болѣе семи или вось-

Съ своей стороны и Сицилианцы употребляли всё зависящія отъ нихъ средства, чтобы доказать свое радушіе пріѣзжимъ гостямъ и сдѣлать пребываніе на ихъ островѣ интереснымъ для людей науки. При этомъ главная тяжесть заботъ естественно пала на жителей Палермо,—и нужно отдать имъ полную справедливость за то единодушіе, съ которымъ они дѣйствовали въ этомъ случаѣ. Дума законтраговала на десять дней помѣщенія въ лучшихъ отеляхъ для ученыхъ не-сицилианскаго происхожденія; парходныя компаніи предоставили большія суда для экскурсій; въ безмездное пользованіе отдавались также цѣлыя желѣзно-дорожные поѣзды и пр.

Но гораздо сложнѣе и продолжительнѣе были приготовленія къ этому конгрессу со стороны палермскихъ ученыхъ. Ихъ труды въ данномъ случаѣ заслуживаютъ не только похвалы и сочувствія, но и во многомъ полного подраженія, при устройствѣ подобныхъ съѣздовъ. Начать съ того, что они сочли нужнымъ приготовить ко дню прибытія гостей популярную исторію и описаніе Палермо. Этотъ трудъ взялъ на себя и удовлетворительно исполнилъ мѣстный ученый г. Ля-Люмія. Его книга, носящая названіе: „Palermo. Il suo presente, i suoi monumenti“, на 217 страницахъ знакомитъ съ исторіей города, съ современнымъ его состояніемъ и, на конецъ, съ топографіей и всѣми достопримѣчательностями, которыя должны обратить вниманіе путешественника *).

ми. Изъ нихъ три принадлежали иностранцамъ: два—французскимъ ученымъ, Э. Ренану—объ одной финикійской надписи, найденной въ Палермо, и Гастону Пари—о роли Сициліи въ средневѣковой французской литературѣ, и одинъ—русскому, объ осскихъ надписяхъ древней Капуи. Изъ мѣстныхъ ученыхъ много оживленія вносили въ пренія Амари, Каваллари и въ особенности извѣстный собиратель произведеній народной сицилійской поэзіи, медикъ Джузеппе Питре. О послѣднемъ ученомъ см. А. Н. Веселовскаго въ Журн. М. Нар. Просв. 1876. № 1.

*) Изъ 2-й части этого весьма полезнаго изданія мы, между прочимъ, узнаемъ, что, по переписи 1871 г., жителей въ Палермо числилось 219,398

Ученыя учрежденія озаботились изданіемъ послѣднихъ трудовъ своихъ, которые и были любезно раздаваемы всѣмъ пріѣзжимъ членамъ съѣзда. Такъ поступила академія наукъ, выпустивши въ свѣтъ объемистый пятый томъ новой серіи своихъ „Atti“, такъ сдѣлали и другія ученныя общества. Мѣстные археологи подготовили экскурсію въ Солунто и Чефалу и привели въ порядокъ палермскій національный музей, прежде помѣщавшійся въ университетѣ и затѣмъ переведенный въ особое, большое, свѣтлое и хорошо приспособленное зданіе. Особенно много въ этомъ отношеніи потрудились два извѣстные сицилійскіе археолога, выше упомянутый профессоръ Салинасъ и маститый ученый, директоръ археологическихъ раскопокъ въ Сициліи, Ксаверій Каваллари. Тогда какъ первый завѣдывалъ устройствомъ музея соотвѣтственно новѣйшимъ требованіямъ учреждений этого рода въ лучшихъ

и что это число увеличилось съ 1861 г. на 24,935, несмотря на холерныя эпидеміи 1866 и 1867 г., унесшія болѣе 8,000 человекъ. Но несравненно виднѣе ростъ этого города въ моральномъ отношеніи. Такъ изъ официальныхъ данныхъ извѣстно, что дума, въ періодъ времени отъ 1856 до 1861, издерживала ежегодно на народное образованіе по 11,679 лиръ (=2,748 дукатовъ), тогда какъ эта статья расхода теперь увеличилась до 471,130 лиръ, изъ которыхъ около 324,000 идетъ исключительно на первоначальное образованіе. Число грамотныхъ въ 1861 г. равнялось 26,8% на 100, причемъ 16% приходилось на мужское и 10,8% на женское населеніе; въ 1871 г. этотъ процентъ возросъ до 37% (22,1% муж. и 15,1% жен.), что даетъ первенство городу Палермо не только передъ всѣми другими городами Сициліи, но и превосходство надъ Неаполемъ. Высшее и среднее образованіе преподается въ университетѣ (въ 1874 г. числилось 340 студентовъ и 300 вольнослушателей), лицей, двухъ гимназій, технологическомъ институтѣ, нѣсколькихъ техническихъ школахъ, т.-н. нормальной школѣ мужской и женской и пр. Для разработки высшихъ научныхъ вопросовъ, кромѣ университета, въ Палермо существуетъ академія наукъ и литературы, считающая болѣе ста лѣтъ своей дѣятельности, совѣтъ преусишанія (consiglio di perfezionamento) для естественныхъ и экономическихъ наукъ, медицинская академія, общество оте-

странахъ Европы, г. Каваллари приготовилъ мемуаръ о результатахъ поисковъ на развалинахъ города Солунто, находящагося невдалекѣ отъ Палермо.

Солунто (Solus ut-is латинскихъ писателей и Σόλους греческихъ)—одна изъ трехъ твердынь Сициліи, въ которыхъ сосредоточились и укрѣпились Финикіяне съ появленіемъ и усиленіемъ греческихъ колоній на этомъ островѣ—издавна возбуждалъ вниманіе археологовъ множествомъ архитектурныхъ украшеній и остатковъ разныхъ построекъ, выступавшихъ наружу при малѣйшемъ углубленіи заступа въ почву. Болѣе значительныя раскопки начались съ 1830 г., но до новаго порядка вещей на островѣ онѣ велись безъ надлежащаго метода или, говоря вѣрнѣе, съ тѣмъ методомъ разрушенія и уничтоженія, который на почвѣ Италіи и Греціи принесъ такъ много вреда и причинилъ столько безпово-

чественной исторіи, получившее начало раньше всѣхъ другихъ одноименныхъ учрежденій Италіи, общество политической экономіи, общество акклиматизаціи, общество земледѣлія, юридическій и филологическій кружки. Въ 1875 г. здѣсь было болѣе двадцати періодическихъ изданій литературнаго и ученаго характера.—Вся вторая часть авторомъ составлена на основаніи официальныхъ источниковъ и притомъ съ полнымъ безпристрастіемъ. Говоря о свѣтлыхъ сторонахъ жизни своего города за новый періодъ существованія, начавшійся 1861-мъ годомъ, г. Ля-Люмія не скрываетъ и темныхъ, но проситъ только не относить разныхъ злодѣяній, совершаемыхъ въ другихъ, сосѣднихъ провинціяхъ, къ одному Палермо и его „окрестностямъ“, какъ это зачастую случается въ газетныхъ и устныхъ толкахъ.

Выше мы сказали, что подготовительные труды палермскихъ ученыхъ къ конгрессу достойны подражанія. И у насъ въ послѣднее время входятъ въ жизнь съѣзды представителей разныхъ специальностей науки. Было пять съѣздовъ археологическихъ, нѣсколько съѣздовъ естествоиспытателей, одинъ юридическій и пр. Мѣстами этихъ конгрессовъ были Петербургъ, Москва, Казань, Кіевъ, Тифлисъ, Варшава. Но, если не ошибаемся, ни въ одномъ городѣ, по этому поводу, не было сдѣлано ничего подобнаго труду г. Ля-Люмія.

ротныхъ потерь наукѣ. Копатели рылись съ цѣлью отысканія предметовъ древняго искусства, только для открытія цѣнныхъ кладовъ, при чемъ разрытыя части засыпались снова по мѣрѣ того, какъ становилась очевидной непригодность ихъ въ только-что указанномъ отношеніи. И эти засыпанія, производившіяся варварскимъ образомъ, конечно разрушали и уничтожали то, что сохранялось въ теченіе многихъ столѣтій. Съ 1863 г. въ развалинахъ Солунто стали искать не предметовъ искусства, не однѣхъ только археологическихъ цѣнностей, но самага города—съ его улицами, зданіями, площадями, дорогами, которыя вели къ городу и пр. Двадцатилѣтняя работа въ этомъ новомъ направленіи увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Уже около шестой части города открыто, и теперь Солунто—своего рода Помпей, только безъ ихъ богатства и разнообразія: вы ходите здѣсь по древней мостовой, по древнимъ улицамъ и переулкамъ, видите остатки домовъ со всѣми ихъ принадлежностями, остатки разныхъ частныхъ и общественныхъ зданій, храмовъ съ ихъ портиками и т. д. Все открываемое здѣсь принадлежитъ частью греческой эпохѣ, очевидно слѣдовавшей непосредственно за финикійской, но большею частію—эпохѣ римской. На это указываютъ намъ, кромѣ данныхъ зодчества, живописи, мозаики и скульптуры, и находимыя здѣсь греческія и латинскія надписи. Но сравнительная малочисленность болѣе значительныхъ предметовъ домашняго быта и предметовъ искусства, а равно полное отсутствіе слѣдовъ эпохи византійской и арабской заставляютъ специалистовъ думать, что этотъ городъ былъ оставленъ своими жителями, очевидно переселившимися въ какое-то другое мѣсто. Это выселеніе относятъ къ послѣдней порѣ римской имперіи. Причины и способъ оставленія солунтинцами своего города намъ также неизвѣстны, какъ темна исторія Солунта вообще. А между тѣмъ этотъ городъ, судя по его территоріи и разрытымъ

частямъ, долженъ былъ, по вычисленію Каваллари, заключать въ себѣ отъ 18,000 до 20,000 жителей; въ лучшіе свои годы онъ украшался мозаиковыми полами, изящной живописью и архитектурными орнаментами лучшаго стиля греко-римской эпохи. Впослѣдствіи, съ очевиднымъ обѣднѣніемъ города, всѣ эти архитектурныя украшенія, какъ каннелированныя колонны, изящныя архитравы и карнизы, употреблялись въ постройки и закладывались въ стѣны какъ простой, необтесанный камень, въ видѣ простаго матеріала. Слѣдовательно, были здѣсь такія трудныя времена и такое оскудѣніе духовныхъ силъ, что прошлое было забыто и солунтинцы укрѣпляли свои стѣны и жилища, какъ и чѣмъ попало.

Мемуаръ г. Каваллари *) знакомитъ читателя съ топографіей этого города, съ исторіей археологическихъ раскопокъ и главнѣйшими предметами искусства, здѣсь найденными. Для наглядности приложены авторомъ къ своему труду топографическая карта, фотографія наиболѣе живописнаго мѣста раскопокъ и такой же снимокъ съ трехъ изящныхъ терракотныхъ статуй, въ настоящее время уже хранящихся въ палермскомъ національномъ музеѣ.

Сюда, въ этотъ воскресаящій изъ-подъ земли городъ устроена была первая экскурсія Палермскаго съѣзда. До подножія высокой горы, на которой расположены развалины Солунто, домчалъ насъ даровой желѣзнодорожный поѣздъ; отсюда мужчины поднимались на вершину пѣшкомъ по нарочно приспособленнымъ тропинкамъ, а для супруги Э. Ренана и другихъ дамъ, принимавшихъ участіе въ экскурсіи, приготовлены были мулы, ослы и верховыя лошади. Руководителями въ этой прогулкѣ по мертвому городу были князь ди-Скалеа и проф. Каваллари. Послѣдній взялъ на

*) Solunto. Estratto dal Bulletino della Commissione di Antichità e Belle Arti di Sicilia. Palermo. 1875. Мемуаръ предназначенъ какъ „воспоминаніе для ученыхъ, собравшихся въ Палермо въ августѣ 1875“.

себя обязанность ученаго проводника и посвящаль слѣдовавшее за нимъ общество въ исторію Солунто и въ тотъ археологическій матеріалъ, который удалось открыть ему при раскопкахъ. Князь же ди-Скалеа вмѣстѣ съ спиднеомъ Палермо явились радушными хлѣбосолами, устроивъ обильный завтракъ, происходившій въ громадномъ и роскошно декорированномъ шатрѣ, который былъ живописно раскинутъ на самомъ высокомъ пунктѣ горы.

Другая археологическая экскурсія была устроена въ Чешалу. Этимъ именемъ называется небольшой и бѣдный городокъ, стоящій на горномъ выступѣ, замыкающемъ Термнннскій заливъ съ южной стороны. Онъ извѣстенъ въ археологическомъ мнрѣ византійскими мозаиками и норманской архитектурой своего собора, пдущаго изъ XII столѣтія. Эти-то остатки нѣкогда спльно распространеннаго въ Сициліи нормано-византійскаго стиля и предположено было осмотрѣть въ эту нарочно подготовленную поѣздку. Одна изъ палермскихъ пароходныхъ компаній, Forio e C-ia, предложила для этой экскурсіи большое торговое судно. 31-го августа, въ семь часовъ утра, длинный рядъ барокъ тянулся отъ набережной въ пароходу, и чрезъ часъ нашъ „Mediterraneo“ понесся отъ Monte-Pellegrino по голубымъ волнамъ Палермскаго залива. Можно сказать навѣрное, что каюта и сборная зала парохода были пусты въ теченіе всего перваго часа пути, такъ какъ не оставалось ни одного болѣе или менѣе удобнаго мѣста на палубѣ, которое не было бы занято публикой, отдававшей наслажденію картиной, которая теперь проносилась передъ нею. И дѣйствительно, было чѣмъ здѣсь полюбоваться; панорама, все шире и шире, по мѣрѣ нашего удаленія отъ города, разстилавшаяся передъ зрителями, стояла того напряженія, съ которымъ была разсматриваема...

Сначала все наше вниманіе поглощено было картиной

Палермо, уже видѣннаго нами съ этого пункта, но теперь получившаго еще болѣе прелести послѣ перваго знакомства съ главными его частями. При всей краткости предшествовавшего времени, почти каждый изъ прїѣзжихъ гостей уже успѣлъ осмотрѣть и набережную, и поражающую тропической растительностью Villa Giulia, успѣлъ побывать въ массивномъ и своей особенной архитектурой отличающемся соборѣ (il Duomo), наслѣдникѣ мавританской мечети; успѣлъ походить по обширной и красивой главной площади и, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые улучили минуту заглянуть въ ту, лимонными, померанцевыми, кактусовыми и апельсинными рощами покрытую, долину, которая растилается на западной сторонѣ города и издавна носить названіе Золотой Раковины (Conca d'Oro). Оттого для каждаго изъ насъ эта картина получила теперь больше смысла и дѣйствіе ея стало сильнѣе прежняго. Такъ, на примѣръ, теперь мы смотрѣли на удалившуюся отъ насъ Monte Pellegrino не только какъ на гору, замѣчательную по красотѣ своихъ очертаній, не только какъ на возвышенность, величаво командующую надъ заливомъ и городомъ, но и какъ на предметъ, отмѣченный древними историками и какъ мѣсто религіознаго поклоненія палермитанцевъ въ теченіе двухъ послѣднихъ столѣтій.

Въ древности эта гора называлась Эрктой и на вершинѣ ея съ незапамятныхъ временъ стоялъ замокъ Кроніонъ, построенный, по преданію, Сатурномъ. Въ первую Пуническую войну карфагенскій полководецъ Гамильбаръ держался на этой неприступной горѣ цѣлые три года, не только дѣлая тщетными всяческія попытки Римлянъ, занявшихъ Палермо (Ragomagus), выбить его изъ этой позиціи, но и наносилъ частые удары на сушѣ и на морѣ.

Но несравненно большую славу въ глазахъ палермитанцевъ создала этой горѣ св. Розалія, предполагаемая внучка

короля Рожера, родившаяся въ 1130 г. Едва достигши двѣнадцатилѣтняго возраста, эта набожная дѣвушка бѣжала отъ придворной жизни и окружавшаго ея царственного блеска и поселилась въ пещерѣ горы Куискуина, верстахъ въ шестидесяти отъ Палермо. Здѣсь отшельница провела нѣсколько лѣтъ въ уединеніи, молитвѣ и аскетическомъ подвижничествѣ, пока ангелъ не перенесъ ее на Monte Pellegrino, гдѣ она и скончалась въ 1166 г.

Святость высокой подвижницы не могла, конечно, укрыться отъ жителей Палермо: они воздавали ей почести поклоненія еще при ея жизни; но спустя пять столѣтій, св. Розалія сдѣлалась покровительницей города и первой изъ святыхъ, которую чтутъ здѣсь послѣ Спасителя и Божіей Матери. Причиной того былъ слѣдующій случай. Въ 1624 г. моровая язва опустошала Сицилію и въ томъ числѣ городъ Палермо. Напрасно палермитанцы молились и приносили многочисленныя жертвы двумъ прежнимъ патронессамъ ихъ города, мученицамъ Нимфѣ и Христинѣ: эпидемія продолжала свое дѣло съ ужасающей силой. Въ эту-то злополучную минуту св. Розалія пришла на помощь своему родному Палермо. Явившись во снѣ одной больной женщинѣ, она тотчасъ же исцѣлила ее и велѣла ей посѣтить свою пещеру на Monte Pellegrino. Исцѣленная отправилась на гору, нашла тамъ гротъ и въ немъ невольно заснула. Здѣсь св. Розалія предстала предъ нею снова и указала ей мѣсто, гдѣ искать ея останки. Произведено было разслѣдованіе, и мощи подвижницы были дѣйствительно найдены и вручены архіепископу. Язва начала видимо уменьшаться, но когда стало возникать въ нѣкоторыхъ классахъ населенія сомнѣніе въ подлинности этихъ останковъ, моръ возобновился съ удвоенной силой. Разъ въ февралѣ 1625 г. нѣкто Винченцо Бонелли на охотѣ, которой онъ предавался на Monte Pellegrino съ цѣлію забвенія только-что понесенной потери въ

лицѣ любимой жены, встрѣтилъ прекрасной наружности дѣвушку и услышалъ отъ нея слѣдующія слова: „не бойся, ийдемъ со мною, я покажу тебѣ мою пещеру“. Вслѣдъ за этимъ она повела его къ тому мѣсту, гдѣ были найдены останки св. Розаліи. Тогда Виченцо рѣшился спросить ея имя.

— Я—Розалія, отвѣчала она.

— Какъ же ты попускаешь своему отечественному городу гибнуть отъ такого несчастья?—сказалъ Виченцо, бросившись къ ея стопамъ.

— Такъ было угодно небу; но бѣдствіе прекратится, если палермскій народъ оставитъ пустыя пренія о моихъ останкахъ и пронесетъ ихъ въ торжественной процессіи по всему городу.

Послѣ этого св. Розалія велѣла Виченцо исповѣдаться въ грѣхахъ у своего духовника, рассказать ему объ этой встрѣчѣ и приготовиться къ смерти, которая должна придти къ нему черезъ четыре дня. Едва онъ воротился домой, какъ язва поразила его; онъ позвалъ духовника и ему, вмѣстѣ съ двумя капуцинами, бывшими при этомъ въ качествѣ свидѣтелей, передалъ все слышанное отъ св. Розаліи. Черезъ четыре дня его не стало. Тогда положенъ былъ конецъ сомнѣніямъ: останки св. Розаліи торжественно понесены были въ соборъ и оттуда по всему городу; въ процессіи участвовали архіепископъ, клиръ, знать и все населеніе Палермо. Язва прекратилась совсѣмъ, когда мощи Розаліи обнесены были вокругъ города.

Въ память объ этомъ событіи палермитанцы и донинѣ чествуютъ свою покровительницу пятидневнымъ праздникомъ, роскошь и блескъ котораго поражаютъ иностранцевъ. Праздникъ св. Розаліи продолжается отъ 11 до 15 іюля и состоитъ неизмѣнно въ слѣдующемъ: 1-день—процессія колесницы съ серебряной статуей святой отъ Largo S. Spi-

rito до Porta Nuova и фейерверкъ на набережной залива, исполняемый съ такою роскошью, которая подала поводъ извѣстному французскому ученому Катрфажу сознаться, что онъ даже въ Парижѣ никогда не видалъ ничего подобнаго. Колесница своеобразна и гигантскихъ размѣровъ: 60—70 футовъ въ длину, 30 ф. ширины, до 80 ф. въ вышину. Она строится въ нѣсколько этажей, съ храмомъ и нѣсколькими палатками внутри, множествомъ изображеній архангеловъ, ангеловъ, херувимовъ; нечего говорить, что все это усыпано цвѣтами, гирляндами зелени, вѣнками, букетами и пр. На колесницѣ помѣщаются оркестръ музыкантовъ и хоръ пѣвцовъ—послѣдніе непремѣнно изъ лицъ, проводившихъ свое дѣтство въ воспитательномъ домѣ. Колесницу везутъ тридцать-одинъ волю. 2-й день—конскія скачки и обратная процессія колесницы, освѣщенной тысячами огней; 3-й—кромѣ скачекъ фейерверкъ на заливѣ; 4-й—иллюминація главной улицы (Corso Vittorio Emanuele), соборнаго купола и нѣкоторыхъ другихъ общественныхъ зданій; 5-й—торжественная служба въ соборѣ, процессія съ серебряной ракой св. Розаліи на набережную залива и народное гулянье, съ обычными его спутниками въ Италиі—музыкой, фейерверкомъ и роскошной иллюминаціей.

Въ теченіе всего праздника богомольцы толпами ходятъ на Monte Pellegrino, къ гроту св. Розаліи, обращенному въ церковь. Молитвенное настроеніе поклонниковъ выражается при этомъ своеобразными, сложенными самимъ народомъ, пѣснями о рожденіи пхъ святой, первыхъ годахъ ея дѣтства, о жизни ея въ пещерѣ и о заступничествѣ ея за Палермо во время моровой язвы *).

*) Одна изъ такихъ пѣсень существуетъ у насъ въ прекрасномъ переводѣ, недавно сдѣланномъ одной нашей даровитой и ученой писательницей, скрывающей свое имя подъ инициалами О. О. См. „Русскій Вѣстникъ“ 1880, № 3.

Къ сожалѣнію, наше наслажденіе панорамой береговъ Сициліи было непродолжительно, потому что едва мы вошли въ Терминійскій заливъ, какъ наше судно, доселѣ спокойно скользившее по свѣтлымъ водамъ, начало поддаваться дѣйствию неожиданно поднявшихся волнъ. Волненіе усиливалось по мѣрѣ нашего приближенія къ мысу Чефалу. Пароходъ остановился въ верстѣ отъ берега—пространство, которое мы должны были переплыть на небольшихъ лодкахъ и баркахъ. Какъ ни искусны были мѣстные рыбаки въ греблѣ, какъ ни сильно работали они своими темными, загорѣлыми руками, этотъ переѣздъ многимъ стоилъ большого страха и той болѣзни, которую испытываешь только на морѣ.

Нынѣшнее названіе города Чефалу, стоящаго у самаго моря, при подножій высокой и почти отвѣсной скалы того же наименованія, представляетъ собою передѣлку древняго *Κεφαλοῖδιον*, *Cephaloedium*. Основанный Греками, этотъ городъ стоялъ на вершинѣ горы. Въ первый разъ его имя встрѣчается въ исторіи въ 396 г. до Р. Хр., какъ союзника карфагенянъ въ войнѣ противъ Діонисія Сиракузскаго. Высокое и неприступное положеніе дало ему возможность въ первую Пуническую войну противустоять Римлянамъ, которые не могли овладѣть этой небольшою крѣпостью, не смотря на свой флотъ въ 250 кораблей и большую военную сплу, и достигли этого только при помощи подкупа. Изъ дальнѣйшей исторіи извѣстно, что этотъ городъ былъ взятъ Сарацинами въ 858 по Р. Хр., и затѣмъ на цѣлыя 270 лѣтъ затеривается слѣдъ его, пока осенью 1129 г. не случилось несчастія съ королемъ Сициліи Рожеромъ, которое рѣшило судьбу небольшого Кефаледія. Рожеръ на обратномъ пути изъ Неаполя былъ застигнутъ сильной бурей и находился на краю гибели. По преданію, онъ будто бы произнесъ тогда обѣтъ построить храмъ Спасителю и его апостоламъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ впервые нога его коснется материка.

Корабль его причалилъ у мыса, на вершинѣ котораго стоялъ Кефаледій, и Рожеръ сейчасъ же основалъ на берегу церковь во имя св. Георгія. Эта жертва была, такъ сказать, предварительная, потому что двумя годами позднѣе король началъ постройку новаго и обширнаго храма въ честь Спасителя. Это и есть извѣстный соборъ Чефалу—одинъ изъ самыхъ большихъ и красивыхъ храмовъ Сициліи до настоящаго времени.

Построеніе собора и особенная любовь Рожера къ своему созданію повлекли за собою опустѣніе верхняго города: жители его спустились внизъ и здѣсь, при подошвѣ скалы, основали новый городъ. Таково начало исторіи этого *Cefalù*. Нынѣ онъ заключаетъ въ себѣ болѣе 11,000 жителей, занятія которыхъ составляютъ земледѣліе и рыболовство. Воды Кефаледія, славившіяся въ древнія времена кптамп, изобилуютъ теперь жирными и массивными тоннами.

Члены съѣзда, восторженно и шумно встрѣченные жителями на берегу, прежде всего, направились въ соборъ, и за тѣмъ, послѣ осмотра его архитектуры и мозаикъ, большинство предприняло экскурсію на вершину горы, одни для осмотра существующихъ тамъ древнихъ развалинъ, большинство же—съ цѣлью полюбоваться оттуда широкимъ видомъ на море и горы.

Подъемъ нашъ совершался медленно, потому что дорожка, вьющаяся зигзагомъ вверхъ горы, оказалась крайне узкой и неудобной, да и соблазнъ, представлявшійся со стороны все болѣе и болѣе разстилавшагося моря, былъ слишкомъ великъ, что бы неостановиться. Наконецъ, мы достигли древняго Кефаледія. Окружность его равняется 20 минутамъ ходьбы. Изъ развалинъ всего лучше сохранились до настоящаго времени остатки одного зданія, имѣющаго около 15 футовъ длины и 5 фут. вышины. Своими полигональными стѣнами такъ-называемой циклопической кладки оно возбуждаетъ тѣмъ

большее вниманіе, что это едва-ли не единственный образчикъ построекъ такого рода на всемъ островѣ и потому эти стѣны относятся къ числу самыхъ древнихъ памятниковъ архитектурнаго искусства страны.

Выше надъ городомъ, на самой вершинѣ скалы, стоятъ развалины крѣпости, построенной Сарацѣнами и сохранявшею значеніе оплота противъ морскихъ разбойниковъ и долго спустя послѣ переселенія жителей Кефаледія внизъ, въ новый городъ. Доступъ къ этой крѣпости, правда, чрезвычайно труденъ, но утомленіе подъема за то вполне вознаграждается той широкой и по истинѣ величественной панорамой, которая открывается здѣсь: въ хорошую, ясную погоду зритель въ одно и то же время видитъ и Палермскій заливъ съ окружающими его высотами, и группу Липарскихъ острововъ, и Мессинскія горы съ величавымъ куполомъ дымящейся Этны... Все это, залитое багровымъ свѣтомъ вечерняго солнца, производило на наше общество не только чарующее, но и подавляющее впечатлѣніе.....

Соборъ стоитъ въ возвышенной части города, у самаго подножія скалы, высоко и круто поднимающей здѣсь свои сѣрыя и темно-красныя массы. Онъ большаго размѣровъ и имѣетъ форму латинскаго креста; общій видъ его очень похожъ на знаменитый соборъ въ Монреале (небольшой городокъ, высіяційся надъ Палермо). Главный фасадъ его выходитъ на площадь и украшенъ портикомъ съ двумя высокими башнями по бокамъ. Портикъ, образуемый тремя арками, опирающимся на гранитныя колонны, былъ нѣкогда покрытъ внутри живописью, которая изображала короля Рожера, приносящаго новый храмъ Господу; его преемниковъ Вильгельма Злого и Вильгельма Добраго, которые упрочиваютъ этотъ даръ и несутъ съ своей стороны новые; императрицу Констанцію, надѣляющую этотъ соборъ леннымъ помѣстьемъ; императора Фридриха II на тронѣ и пр. Но

отъ этихъ украшеній уже давно нѣтъ никакого слѣда, и они извѣстны лишь по одному древнему описанію.

Внутренность церкви двумя рядами античныхъ колоннъ дѣлится на три нефа. Колонны—изъ сѣраго гранита, съ капителями, приближающимися къ коринтскому стилю, усложненному здѣсь красивыми головками и разнообразными фигурами. Сверху опираются на нихъ длинныя стрѣльчатыя арки, придающія своеобразный видъ храму. Въ длину внутренность собора имѣетъ 230 футовъ, въ ширину 90 фут. Потолокъ центральнаго нефа изъ дерева; балки его были нѣкогда вызолочены и покрыты надписями. Боковыя нефы построены со сводами, которые теперь украшены штукатуркой въ новомъ стилѣ.

Но главную особенность этого храма составляютъ многочисленные мозаики трибуны и преимущественно колоссальное изображеніе бюста Спасителя, находящееся въ главной апсидѣ. Доселѣ намъ нигдѣ, ни въ Россіи, ни въ Италіи, не приходилось видѣть этого византійскаго образа такихъ поражающихъ размѣровъ. Спустя два дня, мы имѣли возможность разсматривать и другой, еще большій экземпляръ этого изображенія въ Монреале, гдѣ Спаситель, также какъ и здѣсь, наполняетъ собою апсиду главнаго алтаря собора. Сходные по своимъ размѣрамъ и по внѣшней постановкѣ фигуры, оба эти образа отличаются тѣмъ, что первый изъ нихъ сдѣланъ въ строго-аскетическомъ стилѣ, тогда какъ черты послѣдняго отличаются человѣчностью и необычайной мягкостью. Такое изображеніе невольно овладѣваетъ вниманіемъ всякаго, входящаго въ монреальскій храмъ, безъ различія національности и вѣроисповѣданія. „Я намѣренъ сказать нѣсколько словъ, — пишетъ, напримѣръ, Шпильгагенъ въ своихъ путевыхъ замѣткахъ о Сициліи *), — о великолѣпномъ

*) „Вѣстн. Европа“ 1877, іюль, стр. 222.

соборъ Монреале и прежде всего объ изумительно прекрасномъ Христѣ, царящемъ надъ главнымъ алтаремъ и оттуда съ такою грустью взирающемъ на зрителя. Эта чудная картина непреодолимо притягивала мой взоръ и я безпрестанно къ ней возвращался. Можно хорошо рассмотреть ее, хотя она и находится такъ высоко надъ головою, потому что размѣры ея колоссальны и позволяютъ разглядѣть каждую черту. И подобно тому, какъ голова греческаго Зевса времени Фидія напоминала всѣмъ извѣстное мѣсто изъ Иліады, такъ и этотъ Христосъ, какъ двѣ капли воды, похожъ на портретъ Мессіи, который находимъ „въ письмѣ Лентула къ римскому сенату“ *): „Онъ — высокаго роста, съ серьезнымъ и внушительнымъ лицомъ, которое можетъ возбуждать какъ любовь, такъ и страхъ. Волосы его, цвѣта вина **), гладко спускаются на уши и лишены всякаго блеска, но на плечахъ вьются и блестятъ, и расчесаны на обѣ стороны по обычаю назореевъ. Чело гладкое, лицо безъ пятенъ, пріятно окрашенное легкимъ румянцемъ. Выраженіе благородное и привлекательное; носъ и ротъ безупречны, борода густая и того же цвѣта, какъ и волосы, по срединѣ раздвоенная; глаза голубые и сверкающіе. Онъ—краспвѣйшій изъ смертныхъ“.

Пока большинство гостей совершало свою экскурсію на гору, министръ народнаго просвѣщенія Бонги и Фіорелли съ остальными учеными дѣлали визитъ синдигу города, осматривали городскую школу и небольшія археологическія и естественно-историческія коллекціи у мѣстныхъ аристократовъ Мандралиска и Бордонаро.

Посѣщеніе Чезалу заключилось закуской въ залѣ думы,

*) См. Kugler's Handbuch der Geschichte der Malerei. I, стр. 50 и слѣд. по 3 изд.

**) Здѣсь разумѣется совершенно темный цвѣтъ.

при чемъ гости получили на память фотографіи здѣшнихъ древностей.

Уже закатилось за горы солнце, когда мы на прежнихъ лодочкахъ должны были переплывать пространство отъ берега до парохода. Волненіе теперь было сильнѣе прежняго, такъ что переѣздъ этой освѣщенной огнями маленькой флотиліи совершался крайне медленно и съ большими затрудненіями. Гребцы, прощаясь съ нами, желали намъ добраго пути въ эту ночь, которая, по ихъ словамъ, обѣщала тяжелое плаваніе. Предположенія опытныхъ рыбаковъ, выросшихъ на этихъ родныхъ имъ водахъ, оправдались для насъ самымъ печальнымъ образомъ. Едва мы вышли въ открытое море, какъ нашъ „Mediterraneo“ закачался съ такой силой, что одинаково страдали какъ тѣ немногіе, которые остались сидѣть, цѣпляясь за свои мѣста, такъ и тѣ, которые легли въ каютахъ и общей залѣ парохода. Палуба, утромъ залитая публкой, теперь опустѣла совсѣмъ. Часы веселья и пріятныхъ бесѣдъ смѣнились тѣми ужасными мученіями, которыя называются морскою болѣзнью. Единственнымъ спасеніемъ были лимоны, которые публика истребляла съ какимъ-то ожесточеніемъ; но и это мало помогало несчастью. Только на разсвѣтѣ добрались мы кое-какъ до Палермо, измученные и усталые.

Такъ проходилъ конгрессъ—днемъ въ засѣданіяхъ классовъ и разнородныхъ экскурсіяхъ въ окрестности Палермо, вечерами на раутахъ, балахъ, парадныхъ обѣдахъ, доказывавшихъ гостепріимство островитянъ въ полномъ блескѣ. Въ отвѣтъ на этотъ любезный пріемъ данъ былъ представителямъ городскихъ учреждений, именитымъ гражданамъ Палермо и всѣмъ членамъ конгресса блестящій рауть принцемъ Гумбертомъ въ Palazzo Reale.

Пріѣздъ наследника престола, вмѣстѣ съ представителями сената и нѣсколькими министрами, объясняли желаніемъ

правительства показать свое особое вниманіе острову и тѣмъ способствовать установленію болѣе прочныхъ связей его съ остальною Италіей. Эту же политическую цѣль имѣло и путешествіе Бонги по всей Сициліи, слѣдовавшее непосредственно за конгрессомъ: министръ народнаго просвѣщенія знакомился на этомъ пути съ состояніемъ школъ, чтобы возбудить послѣ въ правительственныхъ сферахъ вопросъ о поднятіи нравственнаго уровня провинціи, столь часто тревожащей внутренній миръ Италіи событіями кроваваго свойства....

Говоря о палермскомъ конгрессѣ, нельзя не сказать нѣсколькихъ словъ о человѣкѣ, которому выпала самая большая доля трудовъ какъ до, такъ и во время самаго съѣзда. Мы разумѣемъ, предсѣдателя распорядительнаго комитета, вышеупомянутаго сенатора Амарни. У насъ внѣ тѣснаго круга специалистовъ едва извѣстно имя этого ученаго, а между тѣмъ это—одинъ изъ самыхъ видныхъ дѣятелей филологической и исторической науки не только въ Италіи, но и въ Европѣ и одинъ изъ наиболее замѣчательныхъ людей, которыхъ выставила эта страна за послѣднее полустолѣтіе, въ періодъ ея борьбы за независимость и объединеніе. Поэтому позволяемъ себѣ намѣтить здѣсь эту высокую личность, хотя бы въ краткихъ и бѣглыхъ чертахъ *).

Микеле Амарни родился въ 1806 г. Сынъ человѣка, который за пламенную любовь ко благу и свободѣ своей родной Сициліи долженъ былъ кончить жизнь въ тюрьмѣ, онъ еще въ ранней юности унаслѣдовалъ тотъ „революціонный“ духъ, который дѣлалъ его опаснымъ въ глазахъ бурбонскаго правительства. Смерть отца послѣдовала, когда сыну было всего 16 лѣтъ, поэтому послѣдній долженъ былъ прервать свое

*) См. ст. А. де-Губертиса въ *Rivista Europea* 1872 г. и въ его же *Dizionario Biografico degli Scrittori Contemporanei* (Firenze 1879—1880).

школьное образованіе и поступить на плохо оплачиваемую службу. Шесть лѣтъ боролся юноша съ крайней нуждою, всецѣло занятый одной мыслью о кускѣ хлѣба для своей семьи, состоявшей изъ матери, двухъ сестеръ и двухъ братьевъ. Единственнымъ утѣшеніемъ въ эти тяжелые годы служили для будущаго патріота сочиненія Маккиавелли, горячимъ почитателемъ котораго онъ оставался въ теченіе всей своей жизни, и англійскій языкъ, за изученіе котораго онъ принялся, когда ему было около 20 лѣтъ. Овладевъ этимъ языкомъ, онъ пробуетъ свои литературныя силы въ переводѣ произведеній Вальтеръ-Скотта, который въ бытность свою въ Неаполѣ въ 1832 г., за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти, счелъ нужнымъ почтить палермскаго переводчика лестнымъ благодарственнымъ письмомъ. Отъ англійской поэзіи Амарни переходитъ къ исторіи своего острова. Въ 1834 г. онъ издаетъ сочиненіе подъ заглавіемъ: „Основаніе норманской монархіи въ Сициліи“ *), и въ слѣдующемъ году вступаетъ въ число членовъ палермской академіи наукъ. Этотъ первый ученый трудъ былъ началомъ цѣлаго ряда сочиненій, посвященныхъ исторіи Сициліи. Въ 1841 г. появилась его исторія сицилійской вечерни **), которая лишила его надолго своего отечества. Подозрительный Фердинандъ II усмотрѣлъ свой портретъ въ королѣ Карлѣ д'Анжу, равно какъ его достойный министръ дель-Каррето увидѣлъ себя въ изображеніи Гильома л'Эстандаръ (Geillaume l'Estendard). Книга была тотчасъ же запрещена, издатель осужденъ на пожизненное заточеніе на островѣ Понцѣ, цензоръ отставленъ отъ службы, самому же Амарни было приказано явиться въ

*) *Fondazione della Monarchia de' Normanni in Sicilia.*

***) *La Guerra del Vespro Siciliano.* Первоначальное заглавіе этого труда было очень неопредѣленное и общее: *Un periodo delle istorie Siciliane del secolo XIII.* Настоящимъ образомъ авторъ могъ назвать книгу только во Франціи, въ 1843 г.

Неаполь. Зная напередъ, что эта поѣздка въ столицу не можетъ кончиться добромъ, Амари бѣжалъ во Францію. Авторское имя и рекомендаціи друзей открыли ему въ Парижѣ доступъ въ кругъ такихъ ученыхъ, какъ Бюшонъ, Летроннъ, Мишле, Тьерри, Вилльманъ (тогдашній министръ народнаго просвѣщенія), Газе, Рэно (Reinaut), Ленорманъ, де-Лонгперрье и др. Такое общество не могло, конечно, остаться безъ благодѣтельнаго вліянія для даровитаго и энергическаго сициліанца. Здѣсь, подъ руководствомъ Рэно, онъ принимается за арабскій языкъ, изученіе котораго оказалось необходимымъ въ интересахъ для него работъ по сицилійской исторіи.

Эти изученія были начаты въ столь счастливый часъ, что Амари послѣ сдѣлался не только первымъ арабистомъ между Итальянцами, но и однимъ изъ первыхъ знатоковъ этого языка и литературы въ Европѣ. Монументальные труды: „Арабско-сицилійская Библіотека“ (Лейпцигъ, 1857—75) и „Исторія мусульманъ въ Сициліи“ (Флоренція, 1854—73), поставили его имя въ числѣ первоклассныхъ специалистовъ. Кромѣ множества меньшихъ его сочиненій и статей, разбѣянныхъ во французскихъ и итальянскихъ журналахъ *) специалистами цѣнятся его почтенные труды: „Description de Palerme par Ibn Naucal“—переводъ съ арабскаго (1845), „Voyage en Sicile de Mohammed Ibn Djodair“ (1846—47), „Арабскія надписи Сициліи“ (Le Epigrafi arabiche di Sicilia, 1871—72) и мн. др.

Такая ученая дѣятельность, по видимому, должна была поглощать всю жизнь автора, не оставляя ему времени ни для какихъ другихъ интересовъ, ни тѣмъ менѣе для какой-либо публичной и государственной роли. Между тѣмъ на

*) „Revue Archéologique“, „Journal Asiatique“, „Archivio Storico“, „Nuova Antologia“, „Rivista Orientale“, „Rivista Sicula“ и пр.

дѣлѣ было далеко не такъ. Живя въ изгнаніи, вдали отъ родины и своихъ, Амари зорко слѣдилъ за всѣмъ, что дѣлалось въ Сициліи и на Апеннинскомъ полуостровѣ, и когда было нужно, оставлялъ Парижъ и своихъ Арабовъ. Обстоятельства три раза ставили его во главѣ политическихъ дѣятелей его отечества. Въ первый разъ оторвала его отъ ученыхъ занятій революція 1848 г., вызвавши его на родину. Назначенный вслѣдъ за восторженнымъ приемомъ, сдѣланнымъ ему палермитанцами, профессоромъ гражданскаго права въ мѣстномъ университетѣ, онъ получилъ потомъ мѣсто въ сицилійскомъ парламентѣ и, наконецъ, портфель министра финансовъ. Принявъ этотъ послѣдній постъ въ трудную годину своей родины, Амари не бралъ никакого жалованья и довольствовался скромной квартиркой, предоставленной ему братомъ. Но побѣда Бурбоновъ въ слѣдующемъ же году заставила его снова искать пріюта во Франціи. Слѣдуютъ десять лѣтъ неустанной ученой работы въ Парижѣ. Въ 1859 г. Амари является сначала въ Пизѣ въ званіи профессора арабскаго языка и потомъ во Флоренціи, въ институтѣ высшихъ наукъ; въ 1860 г. въ Палермо Гарибальди ставитъ этого знаменитаго сициліанца министромъ просвѣщенія и публичныхъ работъ и затѣмъ вручаетъ ему портфель министра иностранныхъ дѣлъ. Въ 1862 г. онъ уже въ Туринѣ—въ званіи министра народнаго просвѣщенія итальянскаго королевства.

На этихъ высокихъ постахъ Амари отличался той же необычайной дѣятельностію, которую проявлялъ онъ какъ ученый, и притомъ такую твердостью характера и прочностью разъ выработанныхъ убѣжденій, что это дало возможность его біографу назвать его *gaga avis* между итальянскими министрами. А скромность его привычекъ, простота его жизни, вмѣстѣ съ неизмѣнною любезностію и какою-то

застѣнчивостью въ обращеніи съ другими, у итальянскихъ ученыхъ вошли въ пословицу.

Съ 1864 г. Амари опять принадлежалъ наукѣ, то преподавая арабскій языкъ во Флоренціи, то ведя свои изученія частью въ Римѣ, гдѣ онъ долженъ былъ жить по званію сенатора, частью въ своемъ отечественномъ Палермо. „Не знаешь, чему болѣе удивляться,—пишетъ Огюсть Дюга *),—въ политическо-ученой жизни Амари: государственному ли мужу съ возвышенными взглядами или вѣрному ориенталисту, который спѣшитъ къ своимъ любимымъ трудамъ, какъ только его родина не нуждается болѣе въ его политической дѣятельности. Микеле Амари—одна изъ благородныхъ личностей итальянской революціи. Онъ умѣлъ соединить съ силой воли высокой умъ и симпатичный характеръ. Благодушный, кроткій, антично простой въ брашеніи съ другими, онъ послѣ того, какъ уже былъ министромъ финансовъ въ Сициліи, приходитъ снова въ Парижъ, чтобы занять здѣсь свою скромную комнату и постояннымъ трудомъ зарабатывать кусокъ хлѣба. Замѣчательно способный къ историческому изслѣдованію, онъ быстро овладѣваетъ политическимъ смысломъ учреждений, которыя онъ изучаетъ. Одаренный философскимъ умомъ, онъ пролилъ живой свѣтъ на исторію мусульманъ въ Сициліи“.

Таковъ Амари въ оцѣнѣ своихъ и иностранныхъ ученыхъ. Что касается пишущаго эти строки, то онъ никогда не забудетъ счастливыхъ минутъ, проведенныхъ въ обществѣ этого семидесятилѣтняго старца, кроткаго, ласковаго и простаго. Встрѣчи и бесѣды съ людьми, подобными Амари, оставляютъ по себѣ тѣмъ болѣе сильное впечатлѣ-

*) Dugat—авторъ „Histoire des Orientalistes de l'Europe du XII au XIX siècle“, Paris 1868.

ніе, что характеры столь высокой пробы въ жизни чрезвычайно рѣдки и являются какимъ-то особенно счастливымъ исключеніемъ изъ общаго уровня.

Конгрессъ заключился для иностранныхъ ученыхъ приглашеніемъ принять участіе въ путешествіи министра народнаго просвѣщенія по Сициліи. Во время поѣздки предполагено было осмотрѣть всѣ достопримѣчательныя мѣста острова, начиная съ Монреале съ его знаменитымъ соборомъ и кончая Мессиною; главные остановки назначены были въ Сегестѣ, Трапани, Селинунтѣ, Джирдженти, Сиракузахъ, и Таорминѣ. Путешествіи по такимъ мѣстамъ, изъ которыхъ каждое должно было будить столько историческихъ воспоминаній, представляло само по себѣ много любопытнаго; но тѣмъ болѣе оно обѣщало интереса въ этомъ обществѣ людей науки, между которыми находились и главные знатоки сицилійской археологіи и руководители раскопокъ. Такимъ и было оно въ дѣйствительности, какъ видно изъ чрезвычайно теплой корреспонденціи объ этой поѣздкѣ, помѣщенной Эрнестомъ Ренаномъ на страницахъ „Revue des Deux Mondes“ (1875, XII, p. 241—265). Къ сожалѣнію, личныя обстоятельства отозвали меня въ Неаполь тотчасъ же по окончаніи конгресса, такъ что я не могъ воспользоваться любезнымъ совѣтомъ Амари посмотрѣть на Сицилію при этихъ исключительныхъ, праздничныхъ условіяхъ, когда будутъ подготовлены торжественныя встрѣчи министру не только въ большихъ городахъ, но и въ деревняхъ и небольшихъ мѣстечкахъ, когда гостепріимство и всѣ лучшія стороны характера островитянъ должны раскрыться вполнѣ. Къ моему глубокому горю, срокъ моего пребыванія въ Италіи истекъ, а между тѣмъ насъ ждали работы въ Помпеяхъ и предстояла специальная поѣздка по разнымъ городамъ и мѣстечкамъ Адриатическаго побережья вплоть до Анконы. Я долженъ былъ спѣшить и потому вынужденъ былъ раз-

статья съ Сициліей, увидѣвъ только Палермо и его ближайшія окрестности.

7-го сентября, въ то самое время, какъ наши счастливые товарищи отпраплялись въ Монреале и такимъ образомъ начинали свое фантастическое путешествіе по острову, на берегу происходило прощанье остальныхъ членовъ съѣзда, возвращавшихся въ Неаполь, съ представителями города и многочисленной публикой, пришедшей посмотрѣть на этихъ „scienziati Italiani“ въ послѣдній разъ. Члены распорядительнаго комитета проводили насъ до самаго парохода и сложили съ себя свои многотрудныя обязанности только съ предпослѣднимъ свисткомъ нашего судна. Раздался и послѣдній свистокъ, еще разъ огласился воздухъ дружными криками палермитанцевъ: „viva la scienza!“ — и пароходъ нашъ двинулся въ обратный путь. На слѣдующее утро мы опять проѣзжали мимо Капри, опять любовались царственной панорамой Неаполитанскаго залива.

V.

Помпеи и Джузеппе Фиорелли—Мысль французскаго ученаго Бѣле о необходимости перенесенія раскопокъ въ Геркуланъ.

Сто-тридцать лѣтъ назадъ, на этомъ самомъ мѣстѣ, которое теперь возбуждаетъ живой интересъ всего образованнаго міра, стоялъ небольшой холмъ съ зеленѣвшими на немъ нивами, и ни владѣльцы этого поля, ни ученые сосѣдняго Неаполя и никто на свѣтѣ не подозрѣвалъ, что здѣсь на глубинѣ нѣсколькихъ метровъ лежитъ древній городъ со всѣми сокровищами, впослѣдствіи изумившими міръ. Помпеи съ ихъ трагическою судьбою какъ будто исчезли изъ памяти людей, такъ что когда въ 1592 г. римскому архитектору и инженеру Доменику Фонтана пришлось строить водопроводъ для города Торре делль-Аннунціата и прорѣзать ровъ подъ Помпеями, то онъ не обратилъ никакого вниманія ни на постройки, съ которыми такъ или иначе должны были встрѣчаться его рабочіе, ни на попавшуюся при этомъ надпись съ именемъ Помпейской Венеры. Въ 1689 г. нѣкто Джузеппе Макрина отмѣтилъ здѣсь слѣды какихъ-то зданій и камень со словомъ Pompei, принявъ его за имя Великаго Помпея. Только въ 1748 г. неаполитанское правительство рѣшилось начать здѣсь раскопки, побуждаемое къ тому извѣстіемъ о находкѣ однимъ крестьяниномъ, рывшимъ канаву, бронзовой статуи Пріапа и небольшого треножника. Инженеръ донъ Рокко Алькубьерре, поставленный во главѣ

этого дѣла, и его современники полагали, что они открыли городъ Стабіи (нынѣшн. Castellamare di Stabia), погибшій вмѣстѣ съ Геркуланомъ и Помпеями. И потому, когда начали разчищать помпейскій амфитеатръ, то руководитель раскопокъ въ своемъ журналѣ, веденномъ на испанскомъ языкѣ, называетъ его de Estabia. Спустя два года, эти раскопки, какъ не оправдавшія надеждъ короля Карла III (don Carlos di Spagna) на быстрое обогащеніе памятниками древняго искусства, были оставлены и возобновлены только черезъ пять лѣтъ, когда случайно частнымъ лицомъ найдена была здѣсь колонна изъ зеленого мрамора (verde antico). Археологи сознали свою ошибку въ опредѣленіи раскапываемаго города только къ 27 ноября 1756 г., когда имя Помпей въ первый разъ является въ журналѣ раскопокъ, гдѣ читаемъ: Entre los edificios arruinados de la Pompeana. Наконецъ, 20 августа 1763 г. открыто было монументальное доказательство того, что это—Помпей, а не что-либо другое; этимъ неопровержимымъ доказательствомъ послужила найденная здѣсь надпись, гдѣ муниципія Помпей называется respublica Pompeianorum.

Съ 1764 г. дирекція раскопокъ переходитъ въ итальянскія руки, впрочемъ, еще на долго безъ особенной пользы для самаго дѣла. Раскопки все еще ведутся безъ опредѣленнаго плана, безъ научнаго метода, преслѣдуя одну только цѣль—отысканіе предметовъ искусства, чтобы послѣ ими украшать королевскіе дворцы. Такъ ведется дѣло въ теченіе всего конца XVIII ст., и раскопки этого времени скорѣе походятъ на разореніе Помпей, чѣмъ на открытіе древняго города для науки. Разрытыя части закапывались снова, находки или увозились въ Портичи, въ основанный тамъ Геркуланскій музей, или же зарывались вновь, чтобы вторично „найти“ ихъ въ присутствіи какихъ-нибудь высокопоставленныхъ посѣтителей, при торжественной обстановкѣ.

Изъ журнала отъ 7 апрѣля 1769 г. мы видимъ, что уже тогда въ Помпеяхъ практиковалась та наивная мистификація, которой здѣсь подвергались коронованныя особы, по слухамъ, до послѣднихъ десятилѣтій. Въ этомъ журналѣ значится, что, при осмотрѣ Помпей австрійскимъ императоромъ Иосифомъ II, лишь только появился высокій гость, сопровождаемый неаполитанскимъ королемъ, королевой и блестящимъ дворомъ, какъ въ раскапываемомъ домѣ посыпались одна находка за другою: найдены серебряный листъ съ фигурами въ рельефѣ, бронзовые сосуды, форма для печенья, пять навѣсокъ для дверей, замокъ, десять монетъ, ключъ, кусокъ свинцовой трубки, стеклянный сосудъ, двѣ стеклянныя пуговицы, пять костяныхъ шарнировъ, пластинка слоновой кости съ разными украшеніями, два глиняныхъ блюда, лампа, голова Юпитера изъ терракоты и много другихъ предметовъ, занесенныхъ въ инвентарь того дня. Императоръ усомнился и заподозрилъ, что этотъ сюрпризъ былъ приготовленъ ему нарочно, и потому попросилъ начать раскопки въ другомъ мѣстѣ. Его желаніе исполнили, но здѣсь не могли найти ничего, кромѣ скелета и двухъ монетъ.

Вообще же работы двигались очень медленно, и дѣйствительный видъ ихъ представлялъ удручающее впечатлѣніе, потому что копателями являлись осужденные преступники, скованные попарно, и нѣсколько рабовъ, купленныхъ на варварскомъ рынкѣ. Чтобы избѣжать упрековъ со стороны иностранной критики, все держалось въ строжайшей тайнѣ и доступъ къ раскопкамъ было воспрещенъ.

Такъ стояло дѣло до 1806 г., когда сначала Иосифъ-Наполеонъ, а съ 1808 г. Мюрать вносятъ жизнь въ эти совѣмъ заглохшія работы. При послѣднемъ ежедневно работали здѣсь 600 человекъ, и вмѣсто 8,000—10,000 франковъ, употреблявшихся на раскопки Помпей въ прежніе годы, теперь расходовали 100,000 фр. Особеннымъ увлеченіемъ къ этому дѣлу

отличались супруга Мюрата, королева Марія-Каролина, еженедѣльно ѣздившая въ Помпей и сама слѣдившая за ходомъ работъ. При ней получили должный почетъ форумъ, улица гробницъ, городскія стѣны и открыто много другихъ памятниковъ; подъ ея покровительствомъ работалъ здѣсь извѣстный Мазуа (Mazois), подготавливая свой обширный трудъ *), не утратившій совсѣмъ своего значенія и доселѣ, не смотря на всѣ относительные недостатки—съ одной стороны, и на успѣхи, сдѣланные за послѣдніе шестьдесятъ лѣтъ археологической наукой—съ другой.

Вообще 1806—1815 годы нужно считать наиболѣе счастливой порой въ исторіи помпейскихъ раскопокъ. Съ возвращеніемъ въ Неаполь Бурбонскаго дома въ 1815 г., интересъ къ разрытію Помпей значительно упалъ, и мотивомъ къ возобновленію перѣдко совсѣмъ прерывавшихся работъ служили большею частію пріѣзды иностранныхъ царственныхъ особъ.

Новой эрой для Помпей послужилъ 1860 г., когда, съ водвореніемъ національнаго правительства въ южной Италіи, поставленъ былъ во главѣ археологическихъ работъ Джузеппе Фиорелли. Имя этого ученаго въ первый разъ становится извѣстнымъ въ 1843 г., когда онъ своими „Замѣчаніями о нѣкоторыхъ рѣдкихъ монетахъ греческихъ городовъ“ открылъ рядъ изслѣдованій по древней нумизматикѣ, и къ концу пятидесятихъ годовъ Италія уже смотрѣла на него какъ на своего первостепеннаго археолога. Такую репутацию онъ создалъ себѣ столько же своимъ журналомъ „Annali di Numismatica“ (1846—51), сколько и разными спеціальными художественно-археологическими изданіями, какъ описаніемъ „Древностей кабинета графа Спракузскаго“ (1853), составляющихъ нынѣ цѣлый отдѣлъ неаполитанскаго музея,

*) Les Ruines de Pompéi. 3 voll in fol. Paris 1812—1824.

роскошнымъ изданіемъ Осскихъ надписей Помпей (Monumenta epigraphica Pompeiana. I. 1854), описаніемъ вазъ, найденныхъ въ Кумахъ, и пр. и пр.

Но, при назначеніи Фиорелли на постъ директора неаполитанскаго музея и начальника раскопокъ, едва-ли не болѣе его ученыхъ заслугъ имѣли силу его нравственныя качества—его изумительное трудолюбіе, не знающее усталости и въ самые жаркіе дни неаполитанскаго лѣта, его неподкупная честность, его безошадная строгость къ самому себѣ и всѣмъ, кто разъ сталъ съ нимъ въ официальные отношенія. Фиорелли — администраторъ по природѣ, обладающій рѣдкимъ умѣньемъ заставлятъ каждого подчиненнаго дѣлать свое дѣло. Являясь первымъ на свой служебный постъ и оставляя его вмѣстѣ съ послѣднимъ служителемъ, онъ примѣромъ своей неустанной дѣятельности больше всякихъ начальническихъ внушеній приковывалъ лѣнливыхъ неаполитанскихъ чиновниковъ къ исполненію ихъ долга.—Опубликовавши, при вступленіи въ должность, программу своихъ отношеній къ подчиненнымъ, Фиорелли, какъ сказывали намъ въ Неаполѣ, уже ни разу не отступалъ отъ нея. Чтобы доставить своему служебному персоналу средства къ безбѣдному существованію, онъ прежде всего выхлопоталъ у правительства повышеніе окладовъ; но разъ достигнувъ этого, онъ съ присущей ему энергіей принялся за упорную борьбу съ нищенствомъ и продажностью—свойствами, которыя прежде причиняли такъ много досады посѣтителемъ Помпей и Бурбонскаго музея. Иностранцы, посѣщавшіе Неаполь до шестидесятихъ годовъ, знаютъ, до чего доходило отсутствіе деликатности чиновниковъ и служителей музея и Помпей, не говоря уже о посторонней нищенствующей братіи, надоѣдавшей предложеніемъ услугъ или просто просившей милостыню.

Съ первыхъ же поръ Фиорелли такъ поставилъ дѣло, что всякія подачки уничтожены разъ навсегда и виновные въ

вымогательствѣ какой бы-то ни было формы подвергались немедленно исключенію изъ службы. Результатомъ этой строгости новаго директора было то, что въ Помпеяхъ теперь ни одинъ солдатъ не осмѣлится принять отъ васъ денегъ, сколько бы ни просили его объ этомъ, сколько бы ни увѣряли, что это останется между вами: единственно-дозволенная форма подарка—сигара, и ее служитель беретъ съ удовольствіемъ.

И въ Неаполѣ, и въ Помпеяхъ Фіорелли досталось тяжелое наслѣдіе отъ его предшественниковъ. Разнородныя и многочисленныя коллекціи музея находились въ беспорядкѣ, не было ни надлежащихъ инвентарей, ни каталоговъ, далеко не всѣ предметы были перемѣнены соответственными нумерами и знаками, въ распредѣленіи матеріала по отдѣламъ тоже было много хаотическаго; тѣмъ меньше было порядка въ обширной библиотекѣ музея. Вносить во все это должную отчетливость и норму выпало на долю новаго директора, и онъ дѣйствительно раньше всего принялся за каталогизацію коллекцій, за болѣе правильную систему размѣщенія предметовъ и пр. Дѣла оказалось такъ много, что, при всей своей выносливости, Фіорелли успѣлъ въ теченіе четырнадцати лѣтъ своего управленія музеемъ напечатать только подробныя каталоги нумизматическихъ и эпиграфическихъ собраній, предоставивъ продолженіе этого труда своему ученику и преемнику, г. де-Петрѣ.

Еще большаго вниманія требовали отъ новаго директора Помпей съ ихъ еле двигавшимися раскопками. Что же новаго внесъ сюда Фіорелли, что навсегда соединило его имя съ этимъ городомъ? Онъ ввелъ новый методъ въ процессъ помпейскихъ работъ, онъ первый поставилъ ихъ на надлежащій путь.

До него везувіанскій пепель складывали возлѣ Помпей, невдалекѣ отъ мѣста раскопокъ, вслѣдствіе чего образова-

лись цѣлыя горы, которыя должны будутъ создать новыя затрудненія, когда перенесутся раскопки изъ внутреннихъ частей города на его края и ближайшія окрестности. Фіорелли пришелъ къ мысли построить наклонную желѣзную дорогу, по которой вагоны, двигаясь лишь собственной тяжестью, уносятъ пепель далеко отъ города, за помпейскій амфитеатръ. Это было первой важной мѣрой, принятой Фіорелли тотчасъ-же по вступленіи въ Помпей въ своемъ новомъ званіи.

Далѣе, онъ обратилъ вниманіе на поддержаніе и укрѣпленіе раскапываемыхъ зданій. Снявъ верхніе пласты земли и пепла, онъ старается прежде всего опредѣлить комплексъ домовъ, связанныхъ между собою (*insula*), и затѣмъ, по мѣрѣ обнаженія стѣнъ, изслѣдуетъ ихъ прочность, чтобы принять мѣры противъ ихъ разрушенія: двери и окна укрѣпляются деревянными притолками и косяками; части, грозящія неминуемымъ паденіемъ, перекадываются снова и притомъ съ соблюденіемъ всѣхъ деталей ихъ прежняго вида; трещины штукатурки скрѣпляются желѣзными и обтянутыми оловомъ шинами. Само собою разумѣется, что употребляются всѣ возможныя средства къ предохраненію живописи отъ паденія и, по крайней мѣрѣ, отъ слишкомъ быстрой порчи ея солнцемъ и непогодой: здѣсь пускаютъ въ ходъ и металлическія шины, и известковый растворъ противъ трещинъ, и небольшіе черепичные навѣсы отъ дождей и пр. *).

*) Все-таки, при видѣ безповоротной порчи, которой подвергается остающаяся въ Помпеяхъ живопись, трудно удержаться отъ вопроса,—почему не принимаютъ никакихъ мѣръ къ сохраненію ея посредствомъ раздачи этихъ картинъ въ другіе итальянскіе музеи? Нужно ли прибавлять, что и иностранныя хранилища искусствъ охотно предложили бы стѣны своихъ залъ, гдѣ каждая такая помпейская картина послужила бы для нихъ истиннымъ украшеніемъ? Между тѣмъ, все это, оставаясь на мѣстѣ, безцѣльно гибнетъ даже для ближайшихъ поколѣній. Тѣ картины, которыми путешественники тамъ любятъ теперь, несомнѣнно пропадутъ для ихъ дѣтей и внуковъ.

Фиорелли первый приложил гипсовый растворъ для опредѣленія какихъ-то пустотъ, попадавшихъ въ послѣднихъ, нижнихъ слояхъ пепла. Эти мѣста, гдѣ заступъ падаетъ въ глубь лишь собственной силой, безъ всякаго участія работника, прежде не обращали на себя никакого вниманія. Лишь 5-го февраля 1863 г. Фиорелли остановился передъ этимъ страннымъ явленіемъ и попробовалъ влить въ одно изъ такихъ углубленій растворъ гипса — и что же? въ результатъ перваго опыта получилась цѣлая статуя погибшаго помпеянца... Съ тѣхъ поръ начали вскрываться такія статуи одна за другою, живо предствляя позы и выраженіе лицъ несчастныхъ жертвъ въ послѣдній моментъ ихъ жизни. Эти гипсовые изображенія помѣщаются въ здѣшнемъ музеѣ — и едва-ли есть путешественникъ, который не остановился бы хотя на нѣсколько минутъ передъ витринами, ихъ заключающими, въ горькомъ раздумьи и не отнесся съ чувствомъ теплаго участія къ безконечнымъ мукамъ, написаннымъ въ чертахъ лица и положеніи тѣла большинства изъ нихъ. Гипсъ служитъ въ этомъ случаѣ для воспроизведенія всякихъ другихъ предметовъ, которые въ плотно окутавшемъ ихъ и послѣ отвердѣвшемъ пеплѣ исчезали мало-по-малу, какъ всѣ деревянныя вещи, мебель и пр. Этимъ способомъ получаютъ теперь гипсовые кресла, скамьи, кровати, сундуки, шкафы, ящички и т. д. Такъ счастливая мысль Фиорелли послужила къ открытію вещей, уже разрушившихся и погибшихъ.

Наконецъ, археологическая наука обязана Фиорелли уничтоженіемъ прежняго, въ высшей степени губительнаго и вреднаго, обычая вести раскопки снизу, когда подкопанные пласты пепла, пемзы и мелкимъ камней, при скатываніи и осыпаніи, такъ много способствовали порчѣ зданій и всѣхъ другихъ уцѣлѣвшихъ предметовъ. Всѣ раскопки Фиорелли идутъ въ диаметрально противоположномъ направленіи, причемъ очи-

щеніе производится тихо и съ неизмѣнной осмотрительностью со стороны рабочихъ, сдерживаемыхъ теперь зоркимъ контролемъ ближайшаго начальства.

При видѣ усовершенствованій, внесенныхъ этимъ ученымъ въ дѣло, успѣхами котораго живо интересуется весь образованный міръ, нисколько не жалѣешь, что въ теченіе ста тридцати лѣтъ открыта сравнительно меньшая часть этого города; остающіяся до сихъ поръ подъ землею приблизительно три пятыхъ или двѣ трети спасены методомъ Фиорелли отъ разрушенія, которое въ значительной степени неминуемо постигло бы ихъ при прежнихъ приемахъ раскопокъ.

Если работы будутъ продолжаться такъ, какъ онѣ идутъ съ 1860 года, — а это будетъ зависѣть о тѣхъ 60,000 ф., которыя ежегодно отпускаются на этотъ предметъ изъ государственнаго казначейства, — то, по вычисленію Фиорелли, черезъ 60—70 лѣтъ вся площадь, занимаемая Помпеями съ ихъ ближайшими окрестностями, будетъ разрыта. Но не прервутся ли эти работы или, по крайней мѣрѣ, не уменьшатся ли онѣ здѣсь въ своемъ объемѣ? Не восторжествуетъ ли мысль тѣхъ ученыхъ, которые настаиваютъ на необходимости перенести денежные средства и силы на давно забытый Геркуланъ?

Особенно сильнымъ выразителемъ этой мысли явился французскій ученый Бѣле (Beulé известный авторъ сочиненія „Le Procés des Césars“ и труда, непосредственно относящагося къ нашему вопросу, „Le Drame du Vésuve“ (Paris, 1872). „Двѣ пятыхъ Помпей, — говоритъ онъ, — теперь разрыты: греческая агора, императорскій форумъ, театры, амфитеатръ, базилика, куріи, храмы, бани, самые красивые кварталы, самые богатые дома. Все важное, повидимому, открыто, и что является отнынѣ уже извѣстно напередъ —

дома похожи одинъ на другой, живопись повторяется какъ въ сюжетахъ, такъ и въ исполненіи. Это однообразіе стиля неизбежно въ городѣ, который былъ перестроенъ однѣми общими усилиями, въ одно и то же время, вслѣдствіе одного и того же несчастія. Если итальянское правительство желаетъ оказать болѣе важную услугу наукѣ и дать возможность Фіорелли обогатить ее новыми открытіями,—пора оставить Помпеи, для того чтобы сосредоточить всѣ свои средства на городѣ, гдѣ блестящіе результаты несомнѣнны. Этотъ городъ—Геркуланъ“ (стр. 243).

Геркуланъ, расположенный почти въ самой срединѣ побережья Неаполитанскаго залива, служилъ постоянной приманкой для разныхъ національностей, укрѣплявшихся здѣсь на болѣе или менѣе продолжительное время. Основанный Осками, онъ наполнился послѣ Этрусками; эти въ свою очередь уступили мѣсто Грекамъ, которые стеклись сюда въ огромномъ числѣ, тѣснимые изъ другихъ городовъ южной Италіи. Городъ сдѣлался греческимъ, получилъ греческое имя 'Hρακλεῖον, греческія учрежденія и всѣ тѣ изящныя формы, которыми обставлялась жизнь обезпеченнаго Грека. Съ покореніемъ Кампаніи Риму, Геркуланъ обращенъ въ муниципію и сдѣлался однимъ изъ любимыхъ мѣстъ, гдѣ римскія знатныя фамиліи построили множество роскошныхъ виллъ для лѣтняго времени. Римскихъ аристократовъ и богачей привлекали сюда положеніе города открытаго всѣмъ вѣяніямъ морской прохлады и представлявшаго одинъ изъ самыхъ широкихъ и величественныхъ видовъ на Неаполитанскій заливъ, неистощимое изобиліе всевозможной растительности и близость къ Неаполю и веселымъ Байямъ. Богатство жителей и изысканность ихъ вкусовъ ставили Геркуланъ выше не только такого коммерческаго портоваго города, какимъ были Помпеи, но и давали ему третье мѣсто въ Кампаніи или первое послѣ Неаполя и Капуи. Геркуланъ

былъ счастливѣе Помпей и въ томъ отношеніи, что землетрясеніе 63 г. по Р. Х., бывшее столь гибельнымъ для послѣдняго города, коснулось его только на половину, причемъ древнѣйшая часть домовъ и зданій, принадлежавшихъ эпохѣ преобладанія чистаго греческаго вкуса, осталась цѣлой и послѣ служила моделью при реставраціи не только разрушенной части города, но, вѣроятно, и сосѣднихъ Помпей.

Изверженіе Везувія 79 г. похоронило этотъ городъ подъ компактной массой толщиною до восьмидесяти футовъ. Этотъ плотный покровъ, много разъ увеличивавшійся отъ позднѣйшихъ изверженій, далъ роскошную растительность, а съ теченіемъ времени здѣсь явились новые цвѣтущіе города Резина (древняя Retina) и Портичи. И если у людей науки и оставалась память о трагической судьбѣ Геркулана, то все-же въ теченіе шестнадцати столѣтій мы не видимъ никакихъ попытокъ раскопать, открыть его. Геркуланъ казался исчезнувшимъ съ лица земли навсегда до 1684 г., когда одинъ хлѣбникъ, рывшій себѣ колодезь, случайно наткнулся на древнія постройки. Въ 1720 г. Эммануилъ де-Лоррэнъ князь д'Эльбёфъ, купилъ землю этого хлѣбника и, имѣя намѣреніе приступить къ постройкѣ виллы, занялся изслѣдованіемъ почвы. При этомъ найдены были мраморъ, статуи, двадцать четыре колонны и проч.

Слухи о такомъ открытіи возбудили толки въ Неаполѣ и послѣ обратили на себя особенное вниманіе короля Обѣихъ Сицилій Карла III, который пожелалъ построить дворецъ въ Портичи и основалъ тамъ специальный Геркуланскій музей изъ вещей, найденныхъ въ предпринятыхъ имъ раскопкахъ. Работы по прорытію корридоровъ подъ Резиной и Портичи велись при немъ съ чрезвычайнымъ оживленіемъ; но, какъ и вездѣ въ то время, этимъ археологическимъ раскопкамъ не доставало метода, и здѣсь, какъ и повсюду,,

преслѣдовали одну цѣль—обогащеніе себя предметами древняго искусства. Снимали съ мѣстъ мраморъ, картины, колонны и разныя архитектурныя украшенія, и не только не заботились объ укрѣпленіи зданій, о предохраненіи ихъ отъ разрушенія, но и прямо разбирали ихъ на части, какъ это дѣлалось, напримѣръ, съ нѣсколькими портиками, стоявшими тогда на своихъ мѣстахъ во всей своей цѣлости.

Въ 1755 г. король основалъ Геркуланскую академію для описанія и публикаціи найденныхъ предметовъ, такъ какъ число находокъ было громадно и всѣ онѣ стоили подробнаго изученія и описанія. Особенно это нужно сказать о раскопкахъ одной подгородной виллы (такъ-называемой *casa d'Aristide*), давшей въ промежутокъ 1750—1760 г. результаты, которые должны были превзойти самыя смѣлыя ожиданія. Не говоря о прекрасныхъ бронзовыхъ канделябрахъ, вазахъ, мебели, укажемъ лишь на то, что здѣсь найдены знаменитые геркуланскіе папирусы, чтеніе которыхъ и до сихъ поръ занимаетъ ученый міръ *), отсюда идутъ лучшія въ мірѣ бронзовыя статуи, какова, напримѣръ статуя „Отдыхающаго Меркурія“, статуи „Двухъ борцовъ“, „Опьяненнаго Фавна“, бюсты Вакха (такъ-называемаго Платона), Архита, Гераклита и Демокрита и др.; здѣсь же найдена и превосходная мраморная статуя оратора Эскина (это—такъ-называемая статуя Аристиды).

Не смотря на столь цѣнныя приобрѣтенія, работы по разрытію Геркулана были оставлены и не возобновлялись до конца двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, когда неаполитанскій король Францискъ I занялся раскопками улицы, ведущей отъ театра къ порту. Во время этихъ работъ най-

*) Доселѣ прочитано свыше пятисотъ свертковъ (*volumina*) и почти всѣ они состоятъ изъ сочиненій философовъ эпикурейской школы—Эпикура, Филострата, Метродора, Филодема и др. Къ сожалѣнію, хозяинъ этой библіотеки не имѣлъ вкуса ни къ поэзіи, ни къ исторіи.

дено, что такъ-называемый „домъ Аргуса“ сохранялъ второй этажъ со всѣми своими двадцать-одной комнатами, въ которыхъ, кромѣ другихъ предметовъ, уцѣлѣли съѣстные припасы—рисъ, пшеница, бобы, чечевица, медъ въ стеклянномъ сосудѣ, разнаго сорта орѣхи, финики, миндаль, фиги и проч. Укрѣплять находимыя руины и тогда еще не имѣли обычая, а потому верхній этажъ этого дома былъ разобранъ и снятъ.

Затѣмъ, лишь Викторъ-Эммануиль счелъ необходимымъ возобновить розысканія на почвѣ Геркулана и съ этой цѣлю назначилъ изъ своихъ личныхъ средствъ 30,000 фр. Но, конечно, эта цифра была слишкомъ недостаточна для полнаго успѣха такого дѣла.

Изъ этого краткаго очерка мы видимъ, что раскопки этого города производились случайно, и если, при своей кратковременности и отсутствіи научнаго метода, онѣ дали такія сокровища, которыя остаются *chef-d'oeuvre* ами древняго искусства, то какъ же должна быть велика научная стоимость предметовъ, скрывающихся теперь подъ Резиной, Португи и ихъ ближайшими окрестностями? Какъ, напримѣръ, поручиться за то, что вышеупомянутая вила была самой богатой, самой роскошной между всѣми остальными, которыя окружали Геркуланъ? Кто рѣшится утверждать, что въ этой благодатной почвѣ не кроются другіе, болѣе важныя памятники искусствъ, другія, болѣе богатая и болѣе разнообразныя библіотеки? Поэтому нельзя не сочувствовать тѣмъ ученымъ, которые пропагандируютъ мысль о необходимости взяться за геркуланскія раскопки съ такою же энергіей, съ какой ведутся работы въ Помпеяхъ.

Главныя препятствія, которыя встрѣчаетъ эта мысль къ своему осуществленію, сводятся къ тремъ пунктамъ.

1. По общему убѣжденію, распространенному не только въ Европѣ, но и въ Италіи, Геркуланъ былъ залитъ лавой,

по своей плотности дѣлающей раскопки если не невозможными, то въ высшей степени трудными. Иное дѣло, говорятъ, Помпей, которыя были засыпаны везувіанскимъ пепломъ и мелкими камешками: раскопка ихъ не представляетъ и десятой доли труда, требующагося для разрытія лавы.

2. Другимъ камнемъ преткновенія служатъ здѣсь Резина и Портичи, дѣлающія невозможными минныя работы. Извѣстно, что жители Резины и Портичи въ прошломъ столѣтіи первые подняли протестъ противъ этихъ работъ, совершавшихся подъ ихъ улицами и домами,—и подземные корридоры правительство вынуждено было засыпать.

3. Слабое состояніе итальянскихъ финансовъ не даетъ возможности увеличивать цифру расходовъ на археологическія раскопки. А между тѣмъ уже одна экспроприация участковъ этой въ высшей степени плодородной почвы, не говоря о трудности и дороговизнѣ работъ, потребовала бы огромныхъ затратъ.

Противъ перваго изъ этихъ доводовъ уже давно писали разные ученые, какъ, напримѣръ, Дюффренуа, доказывавшій въ своемъ мемуарѣ („Les Terrains volcaniques des environs de Naples“), что не лава, а вода поглотила этотъ городъ, что только вода нанесла сюда массы шлаку и остатковъ туфа съ вершины Везувія; или какъ Эрнестъ Бретонъ, Овербекъ, Диръ (Duerg), въ своихъ описаніяхъ Помпей не разъ говорившіе, что лишь пепелъ, разжиженный водой и отвердѣвшій послѣ при осѣданіи, покрылъ Геркуланъ *). Но ихъ не слушали и продолжали злословить лаву, которая дѣлаетъ раскопки этого города столь убыточными и трудными. Далѣе и полнѣе развить эту мысль взялся Бѣле въ вышеназванной книгѣ „Le Drame du Vésuve.

*) Въ новѣйшее время повторяетъ это и Гастонъ Буассье въ послѣдней своей книгѣ: „Promenades Archéologiques. Rome et Pompéi“. Paris 1880, стр. 298.

Всѣ знаютъ,—говоритъ онъ,—природу и дѣйствія лавы. Лава—это раскаленная до-бѣла масса, температура которой такова, что тѣла, способныя къ плавленію, входя въ нее, поглощаются ею и обращаются въ жидкость. Выбрасываемая изъ трещинъ кратера, эта масса движется какъ огненная рѣка и все истребляетъ на своемъ пути; медленно охлаждающаяся, она становится потомъ твердой какъ желѣзная окалина (mâchefer) и порфиръ. Въ дѣйствительности такихъ ея свойствъ можно убѣдиться, сдѣлавъ наблюденіе надъ лавою нынѣшнихъ изверженій Везувія. Даже самые слабые потоки ея, на дальнемъ разстояніи отъ жерла, уже охлаждавшіе отъ соприкосновенія съ воздухомъ и почвой, окружающая деревенскіе дома, разрушаютъ ихъ, моментально воспламеняя въ нихъ все, что можетъ горѣть. Металлы плавятся при первомъ соприкосновеніи съ нею и исчезаютъ въ этой массѣ красной и липкой, какъ расплавленное желѣзо и какъ стекло, выходящее изъ горнила. Что другое, какъ не страшную силу жара доказываетъ и обычный опытъ, который приходится видѣть иностранцамъ, входящимъ на Везувій въ возбужденномъ его состояніи? Мѣстные проводники имѣютъ обыкновеніе отдѣлять своими желѣзными палками кусочки горячей лавы, заставляють ее охладиться и затѣмъ прикладываютъ большую мѣдную монету, съ цѣлю получить ея отпечатокъ на лавѣ. Если къ этому приступаютъ слишкомъ скоро, ранѣе, чѣмъ слѣдуетъ, то вмѣсто полученія отпечатка монета исчезаетъ, смѣшиваясь съ лавой.

Если таковы свойства лавы, то какъ же—спрашиваетъ Бѣле—геркуланскія мраморныя статуи и стуккъ остались цѣлыми съ ихъ первоначальнымъ цвѣтомъ, безъ всякихъ поврежденій, безъ трещинъ? Какъ могутъ быть находимы здѣсь серебряныя вещи, бронзовыя статуи, сосуды изъ литого свинца—съ ихъ формой, рельефами, украшеніями, ихъ природной патиной? Бронзы Герку-

лана сохранились лучше помпейских: онѣ отличаются свѣжестью кожи, глянецомъ, своимъ ровнымъ и темнымъ тономъ, между тѣмъ какъ бронзы Помпей, охваченныя сѣрнистыми испареніями, утратили гладкость и приобрѣли тотъ своеобразный голубой цвѣтъ ультрамарина, который отличаетъ ихъ отъ всѣхъ другихъ. Какъ могли бы уцѣлѣть въ Геркуланѣ находимыя серебряныя и мѣдныя монеты, еслибы коснулась ихъ лава? Извѣстно также, что краски, употреблявшіяся древними при расписываніи своихъ зданій, выдерживаютъ влагу, но теряютъ свою природу при соприкосновеніи съ огнемъ; пожары, слѣды которыхъ мы видимъ въ Помпеяхъ, измѣнили по мѣстамъ голубой цвѣтъ въ сѣрый, красный въ желтый. Почему же геркуланскіе дома представляютъ намъ свои чудныя краски нисколько неповрежденными? Отъ чего ультрамаринъ и киноварь, покрывающіе здѣсь цѣлыя стѣны, отличаются такой ровностью и свѣжестью, которыя были бы немислимы послѣ прикосновенія къ этимъ краскамъ какого-либо горящаго тѣла? Чтобы не говорить о многомъ другомъ,—какъ могли сохраниться рукописи, писанныя на папирусѣ, который лава должна была уничтожить даже и съ его пепломъ? Почему эта удивительная лава не оказала своего дѣйствія на разные плоды, какъ орѣхи, миндаль, фиги и пр., на полотняныя и шелковыя ткани, на ламповыя фитили, находимые сотнями, и на столько другихъ удобосгораемыхъ предметовъ, которые должны были погибнуть, не оставивъ никакого слѣда, при самомъ слабомъ пожарѣ?

Занятый этими и подобными вопросами, Бѣле въ свою недавнюю поѣздку въ Неаполь подвергъ изслѣдованію матеріаль, образующій насыпь надъ Геркуланомъ, и въ нижнемъ слоѣ, созданномъ изверженіемъ Везувія 79 г., не нашелъ ни одного квадратнаго сантиметра лавы; мѣсто ея повсюду занималъ одинъ пепелъ, хотя и отвердѣвшій вслѣд-

ствіе дѣйствія воды, осѣданія и времени. „Je n'y ai pu,—говоритъ онъ,—découvrir un centimètre carré de lave; tout est cendre, rein que cendre, et cette cendre a été durcie par trois causes: l'eau, le tassement, le temps“ (стр. 260).

Авторъ не отвергаетъ, что въ какомъ-нибудь новомъ, доселѣ скрытомъ и неизвѣстномъ, кварталѣ Геркулана съ теченіемъ времени можетъ быть найденъ потокъ лавы, но рѣшительно отрицаетъ присутствіе ея въ разрытой части этого города. Всюду же распространенное противоположное мнѣніе объясняется, на его взглядъ, съ одной стороны, такою твердостью осѣвшаго и ссохшагося вулканическаго пепла, которая допускаетъ возможность прорѣзывать корридоры, дѣлать своды и пр., и съ другой,—недоразумѣніемъ относительно причинъ этой твердости покрова залитаго города. Разъ данное объясненіе переходило затѣмъ отъ поколѣнія къ поколѣнію и по этому наслѣдству дошло и до нашихъ дней. Что касается до источника воды, которая, по мнѣнію Бѣле, какъ и другихъ ученыхъ, играла такую видную роль въ катастрофѣ Геркулана, то онъ указываетъ въ тѣхъ неисчислимыхъ по своей массѣ и силѣ подземныхъ парахъ, которые, по выходѣ изъ кратера и при встрѣчѣ съ атмосферой, должны были охладиться и падать страшнымъ ливнемъ на землю; также въ двухъ геркуланскихъ рѣкахъ, которыя, какъ извѣстно, тогда перестали течь въ море и свои воды обратили на городъ; и, наконецъ, въ тѣхъ поврежденіяхъ, которыя причинило землетрясеніе водопроводамъ и каналамъ, обратившимъ массу воды на улицы Геркулана и на окрестную долину.

Не считаетъ Бѣле непреодолимыми и другія препятствія къ раскопкамъ на мѣстѣ этого города. Существованіе здѣсь Резины и Портичи не исключаетъ, по его мнѣнію, возможности приобрѣтенія домовъ старыхъ и негодныхъ къ употребленію, садовъ и виллъ, плохо содержимыхъ и потому не

приносящихъ столько дохода, сколько можно бы получать съ этой сказочно-плодородной почвы. Далѣе авторъ рекомендуетъ пользоваться случаями выморочныхъ имуществъ и вынужденной продажи.

Но, думаемъ мы, главный вопросъ здѣсь не въ дороговизнѣ и совершенной невозможности экспроприаціи — съ этимъ бы еще такъ или иначе можно было справиться — а въ томъ, насколько удобно производить раскопки среди густо населеннаго и застроеннаго города, когда имѣется въ виду оставить разрытыя части подъ открытымъ небомъ, а не закопать ихъ, по извлеченіи предметовъ древняго искусства, снова, какъ это практикуется еще теперь въ Капуѣ и въ другихъ городахъ Италіи. Не слѣдуетъ также забывать, что случайно и въ разныхъ мѣстахъ отчуждаемые участки земли не всегда будутъ находиться въ прямомъ отношеніи къ ихъ археологическому интересу; но и независимо отъ этого, при такомъ положеніи вещей, часто нельзя будетъ раскопать не только цѣлаго квартала домовъ, соединенныхъ вмѣстѣ и отдѣленныхъ остальными свободнымъ пространствомъ, улицами, переулками, площадями, но нерѣдко нельзя будетъ разрыть и одного дома во всемъ его объемѣ, такъ какъ часть его можетъ принадлежать владельцу сосѣдняго участка. Трудностей во всякомъ случаѣ предстоптъ здѣсь очень много и всѣ онѣ болѣе или менѣе серьезнаго свойства. И если что заставляеть желать возможнаго осуществленія мысли Бѣле и другихъ ученыхъ, такъ это — богатство Геркулана и окружавшихъ его виллъ и вытекающая отсюда надежда пополнить наши свѣдѣнія о жизни древнихъ и, въ особенности, объ ихъ искусствѣ (а можетъ быть и литературѣ), чего мы несомнѣнно въ значительной степени достигли бы и при ограниченныхъ размѣрахъ геркуланскихъ раскопокъ.

Что касается до финансовыхъ затрудненій, связанныхъ

съ этимъ вопросомъ, то Бѣле старается устранить ихъ слѣдующими соображеніями. Въ виду важности предполагаемыхъ раскопокъ, государство, и при настоящемъ разстроенномъ состояніи финансовъ, не сдѣлало бы непроизводительной затраты, увеличивъ сумму 110,000 фр., отпускаемую ежегодно на Неаполитанскій Музей и Помпей (на послѣднія идетъ 60,000 фр.) до 150,000 фр. Къ тому же естественно надѣяться и на улучшеніе дѣлъ государственнаго казначейства. Къ 110,000 фр. теперь прибавляется около 40,000 фр. сбора съ посѣтителей Помпей и Геркулана, причемъ послѣдній городъ доставляетъ всего лишь 2,500 фр., такъ какъ изъ числа путешественниковъ, посѣщающихъ Помпей, лишь пятнадцатая часть заглядываетъ теперь въ Геркуланъ. Это поразительное несоотвѣтствіе исчезнетъ, какъ только будутъ возобновлены въ должной силѣ раскопки Геркулана. Вѣсть о новыхъ открытіяхъ возбудитъ общій интересъ, — и сумма въ 40,000 фр., доставляемая теперь обоими городами, легко возрастетъ до двойной цифры. А при такихъ средствахъ, за всѣми остальными издержками, которыхъ потребуютъ неаполитанскій музей, содержаніе служебнаго персонала въ Помпеяхъ, поддержаніе ихъ въ цѣлости и отчужденіе участковъ земли на мѣстѣ Геркулана, по вычисленію Бѣле, можно будетъ держать постоянно пятьдесятъ рабочихъ — число, вполне достаточное для веденія раскопокъ *).

Сбудутся ли когда-нибудь эти надежды ученыхъ на открытіе богатствъ, таящихся подъ Резиной, Портичи и въ ихъ ближайшихъ окрестностяхъ? Сложность этой новой задачи доселѣ, повидимому, устрашаетъ итальянское прави-

*) Для привлеченія путешественниковъ и для того, чтобы придать мертвому городу нѣкоторую жизненность, авторъ совѣтуетъ оставить десять человекъ рабочихъ въ Помпеяхъ, отправивъ остальныхъ на раскопки Геркулана.

тельство, которое въ послѣдніе годы не только не подвинуло дѣла раскопокъ Геркулана, но и самого Фиорелли отозвало въ Римъ на постъ „главнаго директора музеевъ и раскопокъ въ Италіи“. Если уже такъ трудно веденіе работъ на самомъ мѣстѣ древняго города, то въ высшей степени было бы желательно возобновить ихъ въ ближайшихъ окрестностяхъ, аристократическія виллы которыхъ несомнѣнно были богаче предметами искусствъ, чѣмъ самый Геркуланъ. Здѣсь и приобрѣтеніе земель, и раскопки не встрѣтили бы тѣхъ часто непреодолимыхъ затрудненій, которыя будутъ неизбѣжны при работахъ въ предѣлахъ Портичи и Резины. Что и эта почва заключаетъ въ себѣ драгоцѣнные археологическіе клады, кромѣ вышеупомянутыхъ сокровищъ, найденныхъ въ прошломъ столѣтіи въ такъ-называемой виллѣ Аристида, убѣждаетъ насъ и открытіе, три года тому назадъ, профессоромъ Нови термъ въ окрестностяхъ Геркулана. Судя по извѣстіямъ, эти термы далеко оставляютъ за собою соотвѣтственныя учрежденія Помпей.

VI.

БЕНЕВЕНТЬ.—Васто.

Съ окончаніемъ работъ въ Помпеяхъ и Неаполѣ, мы должны были отправиться въ Беневентъ и нѣкоторые города побережья Адриатическаго моря, чтобы тамъ, на мѣстѣ, собрать копіи съ памятниковъ письменности Самнитовъ. И здѣсь, какъ и во время прежнихъ путешествій по Кампаніи, Самнію и Сициліи, я пользовался дружескимъ руководствомомъ г. де-Петры. Онъ указалъ мнѣ мѣстныхъ ученыхъ и антикваріевъ, безъ содѣйствія которыхъ было бы невозможно ориентироваться въ глухихъ и мнѣ неизвѣстныхъ мѣстахъ. Снабдивъ меня теплыми рекомендательными письмами къ представителямъ науки и администраціи тѣхъ провинцій и давши мѣткія характеристики ихъ, онъ открылъ мнѣ легкій доступъ къ ихъ любезнымъ и обязательнымъ услугамъ.

Прежде всего нужно было остановиться въ Беневентѣ (Benevento, древ. Beneventum). Городъ расположенъ въ широкой волнообразной долинѣ, окруженной отрогами сосѣднихъ горъ. Общій видъ этой мѣстности съ ея оливковыми порослями и обильнымъ орошеніемъ, получаемымъ отъ двухъ рѣкъ Калора и Сабато, сливающихся здѣсь свои воды, производитъ пріятное впечатлѣніе. Оно не оставляетъ путешественника до самыхъ стѣнъ города, находящагося въ верстѣ отъ желѣзной дороги. Но затѣмъ, начиная отъ городскихъ

воротъ, поражаютъ его до крайности узкія и дурно содер-
жимыя улицы, по которымъ въ весеннюю и осеннюю пору
должна стоять глубокая грязь. Сравнительная малочислен-
ность населенія, недостатокъ движенія на главной площади
и улицахъ и легко замѣтная бѣдность—стоятъ въ сильномъ
противорѣчій съ историческими воспоминаніями Беневен-
та, игравшаго значительную роль въ эпоху римскаго вла-
дычества.

Принадлежа къ числу древнѣйшихъ городовъ южной Ита-
ліи и рано заселенный греческими колонистами, онъ, подобно
другимъ городамъ или подчинившимся греческому вліянію, или
основаннымъ Греками, производилъ свое начало отъ миоче-
скаго аргивскаго героя Діомеда. Счастливыя природныя свой-
ства занимаемой мѣстности и то обстоятельство, что непода-
леку встрѣчались здѣсь главныя дороги, ведшія изъ Рима
Капуи, Террачины и пр. въ Брундузію (нынѣ Brindisi), Та-
рентъ (нынѣш. Taranto), Гидрунтъ (нынѣш. Otranto) и Ре-
гій (нынѣш. Reggio), создали городу раннее и продолжи-
тельное процвѣтаніе.—Изъ рукъ Грековъ онъ затѣмъ пе-
решелъ къ Самнитамъ, спустившимся въ нынѣшнюю про-
винцію Principato Ulteriore подъ именемъ Гирпиновъ. Во
время второй Самнитской войны, въ 440 г. (314 до Р. Хр.),
остатокъ самнитскаго войска, разбитаго при Капуѣ, бро-
сился въ Беневентъ. Въ этотъ ли разъ, при преслѣдованіи
врага, Римляне овладѣли этимъ городомъ или позднѣе, къ
концу этой войны, остается неизвѣстнымъ; но во всякомъ
случаѣ въ 457 г., во время третьей Самнитской войны,
Беневентъ былъ уже въ ихъ рукахъ. Въ 479 г. здѣсь былъ
жестоко разбитъ Пирръ, взявшій на себя защиту интере-
совъ Италійцевъ противъ Рима и семью годами позднѣе
(486 г.) городъ, переименованный *) послѣ побѣды надъ

*) Древнѣйшее, по мнѣнію Моммсена, названіе города было Maloessa,
Maliessa или какъ либо въ этомъ родѣ. Основаніемъ для такого заклю-

Пирромъ изъ Maleventum'a въ Beneventum, снабженъ былъ
римскими колонистами и римскимъ гарнизономъ. Новыя
колоніи выведены были сюда при Августѣ, который нерѣдко
удостоивалъ этотъ городъ своими личными посѣщеніями, и
при Неронѣ.

Богатый и цвѣтущій Беневентъ во время имперіи укра-
шался дорогими и роскошными зданіями, изъ которыхъ три-
умфальная арка, воздвигнутая здѣсь за честь Траяна за
возстановленіе Аппіевой дороги въ 114 г., цѣла и до сихъ
поръ. Несмотря на всѣ поврежденія, которыя неизбежно
должно было принести съ собою время, эти триумфальныя
ворота принадлежатъ къ замѣчательнымъ произведеніямъ
зодчества въ Италіи, и по своимъ несомнѣннымъ достоин-
ствамъ, могли бы занять почетное мѣсто и въ Римѣ. Онѣ
стоятъ на восточной сторонѣ города, на дорогѣ ведущей
въ Римъ. Сложенныя изъ паросскаго мрамора, онѣ по-
крыты множествомъ барельефовъ, относящихся къ жизни
и особенно къ военнымъ подвигамъ Траяна; здѣсь пред-
ставлены триумфы его послѣ войны съ германскими наро-
дами и Даками, съ царемъ ихъ Децебаломъ, его выѣздъ въ
Римъ и на Капитолій, раздача подарковъ народу, твореніе имъ
суда, апоѳеоза Траяна, обрученіе императора Адріана съ Са-
биной и пр. Скульптурная часть исполнена была съ боль-
шимъ стараніемъ и искусствомъ. Изъ фигуръ многія сохра-
нились въ значительной степени и доселѣ; особенно это
нужно сказать объ изображеніяхъ Викторіи, вѣнчающей
побѣдоноснаго императора.

Испытавъ много превратностей въ послѣдующей исто-
ріи,—то разрушаемый врагами, какъ Готами подъ предводи-
тельствомъ Тотилы въ 344 г., то возвышавшійся до рези-

ченія служатъ нумизматическія данныя. См. Pauly's Real-Encyklop. d.
klass. Alterth. s. v. Beneventum; Corp. Inscr. Lat. I n. 18.

денціи Лонгобардскихъ герцоговъ,—Беневентъ съ 1051 г. подчинился папской власти. Долговременный клерикальный режимъ былъ причиной современнаго его состоянія, которое такъ мало гармонируетъ съ его счастливыми судьбами въ эпоху подчиненія языческому Риму.

Явившись сюда за остатками письменности самнитской эпохи этихъ мѣстъ, я долженъ былъ отыскать здѣшняго патриція г. Винченцо Колле де-Вита, родственника и наследника ученаго беневентинца прошлаго столѣтія Джованни де-Вита, съ страстнымъ увлеченіемъ собиравшаго все, что относилось къ освѣщенію древней исторіи Беневента и смежной области. Плодомъ продолжительныхъ изысканій его былъ обширный трудъ *Thesaurus Antiquitatum Beneventanarum*—трудъ, тѣмъ болѣе цѣнный, что многихъ матеріаловъ, которыми могъ располагать авторъ, теперь уже не существуетъ болѣе. Г. Колле де-Вита унаслѣдовалъ если не ученость своего дяди, то, по крайней мѣрѣ, горячую любовь къ древностямъ своего города и своей провинціи, любовь къ собиранію ихъ въ своемъ домѣ. Оттого его палаццо богатъ латинскими надписями времени имперіи, обломками архитектурныхъ украшеній, древними барельефами, вазами и всѣмъ другимъ, что составляетъ принадлежность антикварныхъ коллекцій любителей. Кромѣ монументальнаго матеріала римской древности, археологовъ и историковъ, отечественныхъ и иностранныхъ, привлекаютъ въ домъ г. Колле де-Вита еще и бумаги его ученаго родственника, не успѣвшаго предать печати всего имъ собраннаго. Эти записки служатъ современнымъ изслѣдователямъ беневентской старины какъ для дополненія *Thesaurus'a*, такъ и для провѣрки его показаній.

Благодаря въ высшей степени доброму и любезному характеру владѣльца этой коллекціи, ни одинъ изъ ученыхъ путешественниковъ не минуетъ дома г. Колле де-Виты—и

каждый изъ нихъ встрѣчаетъ здѣсь радушный привѣтъ и удовлетвореніе своихъ научныхъ нуждъ и желаній. Каждый изъ нихъ, оставляя потомъ Беневентъ, уноситъ съ собою благодарное воспоминаніе объ этомъ тихомъ и скромномъ труженникѣ на пользу не только итальянской, но и европейской науки: матеріалами, имъ собираемыми, пользуются и такіе ученые, какъ Моммзенъ и непремѣнные члены Германскаго Археологическаго Института въ Римѣ, считающіе беневентскаго собирателя древностей въ числѣ своихъ корреспондентовъ и друзей.

Тѣмъ большей признательностью обязанъ былъ я этому почтенному беневентинцу, такъ какъ прибытіе мое въ его домъ случилось въ минуту его болѣзни. Разбитый параличемъ и потому лишь съ величайшимъ трудомъ дѣлая передвиженія съ одного мѣста на другое, онъ тѣмъ не менѣе не счелъ возможнымъ отказать пришедшему къ нему иностранцу въ матеріалахъ и бесѣдѣ, которыми онъ могъ служить ему. И собраніе древностей, и труды печатные и рукописные его дяди, и необходимыя для меня нѣкоторыя спеціальныя сочиненія о Беневентѣ, составленныя и изданныя авторами въ своихъ провинціяхъ и вслѣдствіе того малодоступныя—все было предоставлено г. Колле де-Витой въ мое полное распоряженіе. Не имѣя возможности выходить изъ дому и все-таки желая ознакомить меня съ достопримѣчательностями города и ближайшими окрестностями, онъ далъ мнѣ въ руководители одного изъ своихъ сыновей, сказавъ ему при этомъ, чтобы осмотръ города начать прямо съ триумфальной арки Траяна. Прощаясь, больной старикъ любезно предложилъ свои услуги и на будущее время. Что послѣднія слова не были съ его стороны простою любезностью мнѣ пришлось убѣдиться черезъ годъ, когда, въ бытность мою въ Германіи, потребовались нѣкоторыя дополнительныя свѣдѣнія къ собраннымъ мною во время пребыванія въ Бе-

невентъ: г. Колле де-Вита не замедлил своимъ подробными указаніями и высылкой всѣхъ нужныхъ матеріаловъ.

Какъ полезна для науки эта скромная и малоизвѣстная дѣятельность провинціальныхъ любителей и собирателей остатковъ старины, можно видѣть, между прочимъ, въ такомъ незначительномъ городѣ, какъ Васто (Vasto, древ. Histonium), стоящемъ на возвышенномъ берегу Адриатическаго моря и принадлежащемъ къ провинціи Abruzzo Citeriore. Малоизвѣстный и въ древней исторіи, не пользующійся никакимъ значеніемъ и въ новой, этотъ городъ теперь въ отношеніи археологическомъ превосходитъ множество другихъ, болѣе значительныхъ, и въ томъ числѣ только что осмотрѣнный нами Беневентъ, гдѣ предметы древности разсѣяны по частнымъ владѣльцамъ и такимъ образомъ несомнѣнно скорѣе гибнутъ для науки, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда они соединены въ одномъ общественномъ учрежденіи. Это значеніе даетъ городку Васто музей древностей и надписей, помѣщающійся теперь въ зданіи думы (Palazzo del Municipio) и возникшій изъ частной коллекціи любителя, нѣкоего Лунджи Маркезани, въ началѣ пятидесятихъ годовъ пожертвовавшаго свое собраніе городу. Небольшой „Археологическій Кабинетъ коммуны города Васто“, какъ онъ названъ былъ въ началѣ, превратился послѣ въ „Музей“, который и обогащается теперь приношеніями жителей не только этого города, но и всего южно-абруцскаго округа. Примѣръ безкорыстной жертвы Маркезани возбудилъ мѣстный патриотизмъ въ другихъ—и вотъ мало-по-малу составилось учрежденіе, специально служащее для выясненія судебъ этой области. Этого собранія древностей не обойдутъ теперь безъ основательнаго знакомства и наиболѣе видные ученые, занимающіеся римской исторіей. Памятники, хранящіеся

здѣсь, принадлежать не только римской, но и италійской эпохѣ,—эпохѣ существованія здѣсь вѣтви Самнитовъ, спустившихся сюда изъ сѣверныхъ и центральныхъ Абруццъ подъ именемъ Френтановъ.

Существованіе музея въ Васто тѣмъ любопытнѣе, что въ настоящее время здѣсь нѣтъ ни одного археолога, и мѣстные жители свое почтеніе къ древности родного края выражаютъ только приношеніемъ находимыхъ ими предметовъ римско-италійской эпохи въ даръ муниципіи. При такихъ обстоятельствахъ, завѣдываніе музеемъ должно было пасть на самого синдика города. Къ счастью, въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ синдикомъ состоитъ нѣкто Пьетро Романи, человѣкъ, если не занимающійся археологіей, то во всякомъ случаѣ такой, которому, не только въ силу его оффиціального положенія, можно было поручить храненіе общественной собственности такого рода. Недостатокъ археологическихъ свѣдѣній г. Романи восполняетъ добросовѣстностью исполненія обязанностей, какъ хранителя, и любезной готовностью, по мѣрѣ силъ своихъ, служить людямъ науки, посѣщающимъ Васто. Такъ, при его помощи лично я могъ воспользоваться матеріаломъ музея, относившимся къ моей задачѣ. Представитель города не счелъ свои обязанности по отношенію къ путешественнику оконченными съ закрытіемъ дверей муниципальнаго зданія; онъ въ теченіе всего дня моего пребыванія въ Васто оставался моимъ собесѣдникомъ и путеводителемъ по ближайшимъ окрестностямъ, представляющимъ нѣкоторые остатки среднихъ вѣковъ. Спустя годъ, я снова имѣлъ нужду въ надписяхъ здѣшней коллекціи; надѣясь на вниманіе г. Романи, я обратился къ нему съ просьбой о высылкѣ необходимыхъ мнѣ снимковъ: не умѣя сдѣлать этого самъ, онъ воспользовался проѣздомъ одного римскаго ученаго и въ точности исполнилъ мою просьбу. Превосходную копію, имъ

высланную, послѣ я долженъ былъ включить въ составъ моего сборника памятниковъ письменности Самнитовъ.

Съ городомъ Васто кончилось мое счастье по отношенію къ собиранію интересовавшаго меня матеріала. Слѣдуя составленному въ Неаполѣ маршруту, я долженъ былъ посѣтить южно-абруцскаго ученаго г. Карабу, жившаго въ окрестностяхъ Васто, въ селеніи Монтенеро делля-Бизачча, и адвоката Каэтана де-Миничиса, жителя города Фермо (Fermo, древ. Firmum Picenum) въ области Анконы. Тотъ и другой для меня были нужны какъ отличные знатоки мѣстныхъ древностей и какъ владѣльцы нѣкоторыхъ образцовъ надписей собираемаго мною цикла. Но и независимо отъ этого нельзя было обойти города Фермо, потому что археологическая коллекція послѣдняго изъ этихъ ученыхъ славилась не только въ Италиі, но и возбуждала большой интересъ своимъ богатствомъ и разнообразіемъ и за границей, во Франціи и Германіи.

Но г. Караба въ то время лежалъ на смертномъ одрѣ, а г. де-Миничиса уже нѣсколько лѣтъ не было въ живыхъ. Богатый музей наследниками, какъ людьми чуждыми наукѣ, былъ распроданъ по частямъ въ разные руки. Послѣднею по времени была продана коллекція терракоттъ, между которыми были и вещи самнитскаго происхожденія. Покупателемъ оказался одинъ изъ римскихъ антикваріевъ-купцовъ, г. Сантелли.

Желая розыскать этого послѣдняго, я чрезъ Анкону и Фолиньо направился въ Римъ.

VII.

Первыя впечатлѣнія Рима. — Римскія ученые учрежденія. — Нѣмецкій Археологическій Институтъ.

Всѣ значительные города и мѣстности Западной Европы представляютъ намъ съ первой встрѣчи или то, чего мы ожидаемъ отъ нихъ, или, какъ бываетъ не рѣдко, болѣе того, о чемъ мы читали и слышали изъ рассказовъ другихъ. Таковъ былъ, по крайней мѣрѣ, личный опытъ, вынесенный пишущимъ эти строки изъ путешествій по Австріи, Германіи и Италиі. Вы ждете, на примѣръ, отъ Вѣны легкой и красивой архитектуры новыхъ ея зданій, живой промышленности и торговли, веселой уличной жизни, и все это встрѣтите здѣсь тотчасъ по прибытіи сюда; вы ищите въ Лейпцигѣ книжныхъ складовъ и его знаменитаго университета, и организація книжнаго дѣла какъ у главныхъ его представителей, ведущихъ сношенія со всѣмъ цивилизованнымъ міромъ, такъ и у тѣхъ мелкихъ антикваровъ, которымъ здѣсь и числа нѣтъ, въ дѣйствительности превзойдетъ ваши ожиданія, какъ бы ни были они смѣлы. Что касается университета, то вмѣстѣ съ наружной и внутренней бѣдностью онъ поразитъ васъ многолюдствомъ и разноплеменностью слушателей, въ средѣ которыхъ навѣрное найдутся представители всѣхъ странъ Европы и не одинъ десятокъ американцевъ. Въ Мюнхенѣ путешественникъ ждетъ увидѣть искусство, какъ результатъ художественныхъ вѣяній

близкаго юга, и его встрѣчаетъ здѣсь цѣлый міръ художниковъ, начиная съ царственныхъ Людвига и Максимилиана, вздумавшихъ создать пзъ своей столицы новыя Аѳины, и кончая цѣлой арміей разнообразныхъ труженниковъ въ области искусствъ. Галлерей съ ея замѣчательными скульптурами, двѣ громадныя пинакотэки съ картинами старыхъ и новыхъ мастеровъ, національный музей, базилика, дворцы, триумфальныя ворота, пропилеи, студіи художниковъ—все это на первыхъ порахъ, и особенно если вы пріѣхали сюда не изъ Италіи, до того займетъ ваше вниманіе и время, что десяти дней окажется мало даже для поверхностнаго знакомства. Нужно ли говорить, что Флоренція и Неаполь превзойдутъ все, что могли бы мы представить себѣ о нихъ а priori?

Но не то испытываетъ путешественникъ въ первые дни своего пребыванія въ Римѣ. Привыкнуши почти съ дѣтскихъ лѣтъ при имени „вѣчнаго города“ представлять себѣ что-то великое, что-то такое, что сильно дѣйствуетъ на воображеніе, чему нѣтъ ничего подобнаго ни въ Италіи, ни въ другихъ странахъ Европы, онъ ждетъ съ перваго же раза, съ первой же встрѣчи сильныхъ впечатлѣній и... къ своему смущенію, не находитъ ихъ. Прежде всего его поражаетъ здѣсь несоотвѣтствіе размѣровъ и всей вообще внѣшности города тому плану, который онъ заранѣе приготовилъ и привезъ съ собою. Эти кривыя, большею частію узкія и дурно содержимыя улицы, отсутствіе такого пункта, съ котораго Римъ можно было бы наблюдать не только въ общемъ его видѣ, но и въ главныхъ частяхъ (Монте Пинчо оказывается при этомъ недостаточнымъ, а S. Pietro in Montorio узнается только впоследствии); эти прославленные семь холмовъ, которые воображеніе рисовало чуть не горами, теперь до того освѣщенныя и понизившіяся, что о существованіи многихъ изъ нихъ (Эсквилинъ, Вимпналь, Целій)

узнаешь только по указанію гидовъ; этотъ знаменитый Корсо, который представляешь себѣ широкимъ, длиннымъ и красивымъ и который въ дѣйствительности столь узокъ и тѣсенъ, что на Невскомъ проспектѣ уложится пять такихъ улицъ; наконецъ, эти закоптѣлыя и мрачныя, повидимому, съ самаго основанія не знавшіе ремонта и чистки дома Марсова Поля, Гетто и кварталовъ, лежащихъ по ту сторону Тибра—все это нисколько не похоже на Римъ, воображаемый иностранцемъ, и тѣмъ болѣе, что напередъ создаваемые формы въ данномъ случаѣ бываютъ неясны, лишь только рисуясь въ какомъ-то чарующемъ туманѣ.

Въ этомъ недоумѣніи проходятъ первые дни. И нерѣдко случается, что путешественникъ, вздумавшій узнать Римъ въ нѣсколько дней, такъ и оставляетъ городъ съ этимъ неудовлетвореннымъ чувствомъ.

Но не то бываетъ съ человекомъ, усѣвшимъ здѣсь на продолжительное время. Для него за этими первыми днями неминуемо начнется постепенный подъемъ интереса, настанетъ время ежедневныхъ открытій все новыхъ и новыхъ привлекательныхъ сторонъ стараго Рима. Мало-по-малу послѣдній начнетъ выступать изъ подъ разнообразныхъ наслоеній позднѣйшихъ эпохъ то какимъ нибудь портикомъ или фронтономъ, то колонной или стѣной, видѣвшими на своемъ вѣку не одно тысячелѣтіе, то цѣлымъ храмомъ или его остовомъ, уцѣлѣвшими въ грязной и неприглядной части города. Съ каждымъ днемъ, съ каждой недѣлей въ глазахъ его будетъ возрастать теперь значеніе Капитолія, Палатина, Форума, Священной дороги съ аркою Тита и Колизеумъ—этимъ исполиномъ и въ своихъ обломкахъ. Сюда, а не на модное и красивое Монте Пинчо будетъ уходить онъ для прогулокъ; здѣсь, среди этихъ развалинъ, почтенныхъ въ своей ветхости и разрушеніи, онъ станетъ искать отдыха и назиданія; сюда, на дорогу Анпія или куда-нибудь на холмъ

къ S. Pietro in Montorio или къ крѣпости св. Ангела будетъ уходить онъ для уединенныхъ думъ, для удовлетворенія своихъ художественныхъ вкусовъ и исканія отвѣтовъ на запросы историческаго свойства.

За этимъ Римомъ, стоящимъ подъ открытымъ небомъ, Римомъ улицъ, площадей, садовъ и виллъ, скоро возникнетъ для него Римъ музеевъ Ватикана, Капитолія и столькихъ патриціанскихъ и богатыхъ фамилій,—этихъ Боргезе, Людовизи, Альбани, Памфили, Торлонія и др. А тамъ невольно увлечетъ его въ первые вѣка христіанства съ ихъ катакомбами, на далекое пространство обрамляющими городъ, и столькими церквами, возникшими изъ прежнихъ языческихъ храмовъ. Римъ средневѣковой, Римъ всемогущества папскаго мало-по-малу овладѣетъ затѣмъ и самымъ индифферентнымъ иноземцемъ, вызывая его на вниманіе и удивленіе къ своимъ церквамъ, дворцамъ, водопроводамъ, колоссальнымъ фонтанамъ и пр.

И это далеко не все, что предлагаетъ „вѣчный городъ“ любознательности пришельца. Римъ вплоть до нашихъ дней остается художественной студіей, самой большой въ свѣтѣ, студіей, гдѣ кисть, рѣзецъ, напилокъ и циркуль напряженно работаютъ до поздняго часа. Этотъ своеобразный „міръ дарованія, труда и выпачканныхъ глиною и масляною краскою рукъ“ имѣетъ въ себѣ столько обаятельнаго, что втягиваетъ въ себя самаго черстватаго и прозаическаго иноземца.

Проходитъ мѣсяць—и нашъ новый Римлянинъ совсѣмъ незнаваемъ: онъ съ утра до вечера то на улицѣ, то въ церкви, то въ музеѣ, то въ какой нибудь студіи скульптора или живописца. Счастливый и веселый, онъ благодаритъ судьбу за такую долю, выпавшую ему въ жизни. Поздній часъ застаетъ его или на via Condotti въ знаменитомъ Caffè Greco, этомъ классическомъ пріютѣ художниковъ

цѣлаго свѣта, или въ какой нибудь недорогой тракторіи, наиболѣе посѣщаемой тѣмъ же симпатичнымъ народомъ...

Мы не говоримъ объ угрюмой Римской Кампаніи, имѣющей и въ своемъ заустѣннѣ свои притягательныя свойства, не говоримъ объ окрестныхъ Сабинскихъ и Альбанскихъ горахъ съ ихъ живописными городками Тиволи, Субіако, Фраскати, Рокка-ди-Папа, Нэмп, Ариціей, Альбано и др.: это—особая область, полная своихъ волшебныхъ дивъ и чаръ...

Чувство неудовлетворенія, которое испытываешь въ Римѣ на первыхъ порахъ, смѣняется потомъ какой-то разбросанностью: хочешь узнать вдругъ и то, и другое, и третье, и при этомъ оказываешься совершенно неспособнымъ слѣдовать какому-либо опредѣленному плану. Пойдешь изъ дому на древній Форумъ, но вмѣсто того попадешь къ Пантеону и останешься здѣсь, пока не налюбуйешься вдоволь этимъ колоссальнымъ зданіемъ, значеніе котораго тѣмъ выше въ нашихъ глазахъ, что это единственный храмъ, дошедшій до насъ въ цѣломъ своемъ видѣ. Послѣ, забывъ о Форумѣ, мало-по-малу забредешь на окраину города, куда нибудь къ Іоанну Латеранскому, или въ улицы за Тибромъ къ св. Петру, или за Porta S. Sebastiano къ памятнику Цециліи Метеллы и остаткамъ другихъ древнихъ гробницъ, если только не удержишь васъ колоссальныя руины термъ Каракаллы, или не заплутаетесь гдѣ нибудь на пустынномъ Авентинѣ.

Бывало не разъ, что отправляясь изъ квартиры въ одну сторону, возвращался къ вечеру со стороны совсѣмъ противоположной, не видавъ и половины предметовъ, которые намѣтплъ для себя съ утра.

Подобно всякому увлеченію, и эта горячка „проходитъ, наступаетъ пора болѣе осмысленнаго отношенія къ своимъ блужданіямъ и большей требовательности отъ самаго себя. Это — періодъ спеціализаціи интересовъ, періодъ работы.

Отъ церквей, дворцовъ и музеевъ мысль сама собою тогда обращается къ ученымъ учрежденіямъ Рима, къ университету, разнымъ академіямъ и ученымъ обществамъ.

Въ первой половинѣ семидесятыхъ годовъ римскій университетъ въ отдѣлѣ гуманитарныхъ наукъ не могъ представлять особаго значенія для иностранца. Новыя политическія условія страны требовали и сюда новыхъ людей, людей новаго направленія въ наукѣ, а ихъ пока еще не было. Какъ недостаточны были прежнія наличныя силы на филологическомъ факультетѣ и специально по археологін, можно судить по тому, что зимою 1874—75 г. министръ народнаго просвѣщенія Бонги, самъ не задолго передъ тѣмъ избранный въ тотъ же университетъ на кафедру древней исторіи, вынужденъ былъ пригласить секретаря Нѣмецкаго Археологическаго Института, г. Гельбига, для объясненія студентамъ памятниковъ древняго искусства, находящихся въ публичныхъ и частныхъ музеяхъ Рима. Библіотека университета была чрезвычайно бѣдна иностранными книгами и въ указываемую нами эпоху лишь только начинала наполняться нѣмецкой ученой литературой; такъ, по крайней мѣрѣ, мы можемъ сказать объ отдѣлѣ классической филологіи и лингвистики.

Что касаетя до академій и ученыхъ обществъ, то новыя учрежденія только пускали корни въ новой столицѣ объединеннаго королевства, прежнія же, какъ *Accademia Pontificia*, не могли въ ту тревожную для папскаго правительства пору работать спокойно и тѣмъ менѣе были доступны иностранцамъ.

Лучшими пріютами, какъ и всегда, въ этомъ случаѣ были Ватиканская бібліотека, не запиравшая своихъ сокровищъ и въ тѣ тяжелые для папы Пія IX дни, и Нѣмецкій Археологическій Институтъ, прежній *Instituto di Corrispondenza Archeologica*. Первое изъ этихъ учрежденій незамѣнимо для

ученаго рукописями латинскихъ и греческихъ авторовъ, которыхъ здѣсь собрано свыше двадцати двухъ тысячъ, второе важно—своей богатой бібліотекой, легкостью доступа къ ней всѣмъ и каждому и возможностью пользоваться просвѣщеннымъ содѣйствіемъ членовъ и представителей этого Института въ ученыхъ трудахъ.

Никто изъ иностранцевъ, являющихся въ Римъ для научныхъ цѣлей, не проходитъ мимо этого знаменитаго учрежденія, никто не оставляетъ потомъ Италіи безъ благодарности, между прочимъ, и этому Институту.

21 апрѣля 1879 г. бывший *Instituto di Corrispondenza Archeologica* праздновалъ пятидесятилѣтній юбилей своего существованія на Капитолійскомъ холмѣ: такая давность учрежденія, его высокое значеніе для археологической и исторической науки и замѣчательная готовность служить научными средствами всѣмъ и каждому, безъ различія національностей, являются для насъ поводомъ сказать нѣсколько словъ о томъ, какъ учрежденіе началось, какъ долго и упорно боролось за свое незавидное существованіе и какъ изъ первоначальнаго союза двухъ-трехъ ученыхъ выросъ потомъ Институтъ, которому теперь принадлежитъ безспорно одно изъ первыхъ мѣстъ въ цѣлой Европѣ. Само собою разумѣется, что мы должны остановиться здѣсь лишь на главныхъ, наиболѣе выдающихся чертахъ этой поучительной исторіи *).

Богатое наследіе Италіи уже издавно привлекало къ себѣ иностранныхъ ученыхъ и возбуждало въ нихъ желаніе способствовать сохраненію памятниковъ древности отъ грозившей имъ гибели. Въ XVI и XVII-мъ ст. французы Пейрешъ

*) Ad. Michaelis, *Geschichte des Deutschen Archaeolog. Instituts*. Berlin, 1879—*Storia dell'Institut. Archeol. Germanico*. Roma, 1879.

(Peiresc), Спонъ (Spon) и Монфоконъ пользуются своимъ пребываніемъ въ Италиі для занятій античнымъ искусствомъ. Въ началѣ XVII ст. нѣмецъ Георгъ Вальтеръ (G. Gualterus) является сюда съ грандіознымъ планомъ собрать и издать въ одномъ общемъ трудѣ всѣ надписи Италиі. Съ этой цѣлью онъ исходилъ и извѣздилъ всю страну и уже готовъ былъ приступить къ печатанію собранныхъ матеріаловъ, какъ крушеніе корабля на пути его изъ Сициліи положило конецъ всѣмъ его начинаніямъ. Въ томъ же вѣкѣ іезуитъ и извѣстный математикъ своего времени Кирхеръ собираетъ богатую антикварную коллекцію въ Римѣ и передъ смертью даритъ ее своему ордену: это такъ-называемый и доселѣ Museo Kircheriano, котораго не минуетъ ни одинъ любознательный путешественникъ, посѣщающій Римъ.

Эти и другіе ученые, какъ, напр., баронъ Штошъ, котораго большая коллекція античныхъ геммъ составляетъ въ настоящее время одно изъ украшеній берлинскаго Antiquarium'a, по справедливости должны быть названы пионерами французской и нѣмецкой археологіи на итальянской почвѣ. Къ числу ихъ долженъ быть отнесенъ и человекъ, которому суждено было сдѣлаться отцомъ классической археологіи въ Европѣ. Это былъ Іоганнъ Винкельманъ, сынъ бѣднаго башмачника, уроженецъ небольшого городка Штендаля въ Пруссіи, сначала деревенскій учитель, потомъ бібліотекаръ въ имѣніи барона Бюнау, близъ Дрездена, и, наконецъ, антикварій папскаго двора въ Римѣ, ученый собесѣдникъ римской духовной и свѣтской знати и другъ извѣстнаго любителя искусствъ кардинала Алессандро Альбани. Ради научныхъ цѣлей пожертвовавши религіозными убѣжденіями, Винкельманъ, съ принятіемъ католичества, въ 1756 г. переселился въ Римъ и здѣсь, подъ непосредственнымъ изученіемъ сокровищъ Ватикана и частныхъ музеевъ, задумалъ написать первую исторію древняго искусства. Его Geschichte

der Kunst des Alterthums (Dresden, 1764) тотчасъ же переведенная на итальянскій и французскій языки, равно какъ и другое капитальное сочиненіе, вышедшее двумя годами позднѣе, „Неизданные памятники древности“ (Monumenti antichi inediti) и переведенное на французскій и нѣмецкій языки, были своего рода откровеніемъ и главнымъ источникомъ, откуда долго черпали объясненія и взгляды на античное искусство послѣдующіе ученые. Гёте и Гердеръ смотрѣли на древнія сокровища Италиі глазами Винкельмана и его толкованію не мало обязаны были своимъ вдохновеніемъ.

Извѣстна трагическая смерть этого труженника нѣмецкой науки: какъ Вальтеръ погибъ въ морѣ, такъ Винкельманъ палъ подъ ножомъ злодѣя, задумавшаго овладѣть тремя золотыми медалями, которыя онъ получилъ отъ австрійскаго правительства и везъ съ собой въ Римъ. Это произошло въ Триестѣ 8 іюня 1768 г.

Винкельманъ служилъ посредникомъ между Италией и за-альпійскими странами не только своими сочиненіями, но и личнымъ руководствомъ всѣмъ иностранцамъ, искавшимъ его наставленій въ Римѣ. Слава его какъ ученаго и вдохновеннаго члччере не была такъ велика, что его руководства искали и ученые, и иностранная знать—принцы и государи.

Между тѣмъ, число путешественниковъ къ концу прошлаго столѣтія стало увеличиваться все болѣе, и естественно, что они, съ прибытіемъ въ Римъ, нуждались въ опытномъ руководителѣ. Такимъ въ теченіе четверти вѣка (1784—1809) и былъ для всѣхъ иностранцевъ датскій посланникъ Георгъ Цёга (Zoega), человекъ замѣчательной учености и знатокъ археологіи. Домъ его былъ открытъ всякому, кто любилъ античный міръ, и всякій встрѣчалъ у него любезный пріѣтъ и необходимую помощь. Въ его обществѣ и не безъ его вліянія возникла мысль объ учрежденіи какимъ-либо сѣвернымъ правительствомъ въ Римѣ археологической ака-

деміи для образованія иностранцевъ. Мысли этой, хотя и въ иной формѣ, суждено было осуществиться нѣсколькими десятками лѣтъ позднѣе.

Другимъ сборнымъ пунктомъ служилъ для ученыхъ иностранцевъ въ началѣ настоящаго столѣтія домъ Вильгельма Гумбольдта, бывшаго здѣсь посломъ отъ прусскаго двора. Занимаясь философіей, поэзіей и филологіей, Гумбольдтъ, конечно, не могъ устоять предъ величіемъ историческихъ воспоминаній Рима, предъ его художественными памятниками и повсюду виднѣвшимися руинами, и потому онъ не могъ не войти въ соприкосновеніе съ археологами. Въ гостеприимномъ его салонѣ вмѣстѣ съ римской знатью, Луціаномъ Бонапартомъ, Ажинкуромъ, г-жей Сталь, Августомъ Шлегемъ, Тикомъ, Торвальдсеномъ и пр. являются желанными гостями Цѣга, молодой Велькеръ, шведскій ученый Акерبلادъ и другіе археологи. Благоприятное вліяніе этого кружка для людей, являвшихся въ Римъ съ научными цѣлями, было тѣмъ сильнѣе, что самъ вѣчный городъ представлялъ послѣ наполеоновскихъ посѣщеній тяжелую картину. Общественныя и частныя собранія предметовъ древняго искусства были разорены и лучшіе предметы увезены въ Парижъ *), куда по приглашенію французскаго правительства послѣдовали и нѣкоторые изъ лучшихъ археологовъ, число которыхъ въ Римѣ было и безъ того не велико, какъ Гаэтано Марини, Висконти и др. Въ виду общаго разоренія и упадка археологическаго интереса, старикъ Цѣга имѣлъ полное право грустить и жаловаться, что „Римъ пересталъ быть Римомъ“.

Гумбольдта на дипломатическомъ поприщѣ смѣнилъ исто-

*) Такъ продолжалось дѣло до заключенія Парижскаго трактата, по которому главнѣйшія произведенія древней скульптуры возвращены были изъ Франціи и снова поставлены на своихъ мѣстахъ.

рикъ Нибуръ, который также составилъ у себя, хотя и болѣе тѣсный, кружокъ людей, занимавшихся археологіей. Здѣсь создалась первая ученая ассоціація Нѣмцевъ на римской почвѣ: Нибуръ, живописецъ Платнеръ и attaché прусскаго посольства Бунзенъ задались мыслию составить подробное описаніе Рима. На долю перваго естественно выпалъ древній Римъ, Бунзенъ долженъ былъ описать Римъ средневѣковый, Платнеръ, какъ художникъ, взялъ на себя музеи и галереи новаго Рима.

Нѣтъ нужды, что предпріятіе это не увѣнчалось успѣхомъ, такъ какъ въ 1823 г. Нибуръ долженъ былъ оставить Италію: дѣло, начатое имъ, было продолжено послѣ совокупными силами Бунзена, Платнера и знаменитаго впоследствии археолога Гергарда.

Ученикъ Бѣка и Фр. Августа Вольфа, послѣдній явился въ Италію уже страстнымъ поклонникомъ классическихъ сокровищъ той страны. Обладая замѣчательнымъ художественнымъ вкусомъ и хорошо подготовленный къ археологическимъ трудамъ, онъ охотно принялся за составленіе подробнаго каталога скульптуръ Ватикана и къ 1826 г. окончилъ эту работу, съ большими жертвами для своего всегда крайне слабаго зрѣнія.

Одновременно съ кружкомъ Бунзена, собиравшимся на Капитоліѣ, въ Римѣ существовалъ другой, который группировался около ганновернаго посланника Кестнера на Монте Пинчо. Главнымъ предметомъ ученыхъ бесѣдъ здѣсь служила міеологія, и само общество скоро назвало себя именемъ сѣвернаго народа Гипербореевъ, отличавшагося, по древнимъ преданіямъ, особеннымъ поклоненіемъ Апполону, который оставлялъ своихъ почитателей каждую весну, чтобы свѣтитъ и согрѣвать земли юга. Гаргардъ не замедлилъ войти съ этимъ кружкомъ въ самыя тѣсныя сношенія и послѣ сдѣлался его душою и руководителемъ.

Эти „Iperborei-Romani“ съ 1824 г. вмѣстѣ изучаютъ Римъ и его окрестности, вмѣстѣ посѣщаютъ публичные и частные музеи, вмѣстѣ собираются по вечерамъ для чтенія Павзанія, Гигина и другихъ писателей важныхъ при изученіи міеологіи и религиозныхъ обычаевъ древнихъ, сообща слѣдятъ за болѣе замѣчательными произведеніями древняго искусства, появившимися въ антикварной торговлѣ, и пр. Каждое лѣто Гергардъ, Панофка и баронъ Штакельбергъ, два другіе болѣе видные члены этого кружка, ѣздятъ въ Неаполь и иногда въ Сицилію, преслѣдуя тѣ же антикварныя и художественныя цѣли. Мысль о необходимости научнаго описанія и составленія инвентарей главныхъ итальянскихъ музеевъ укореняется въ средѣ ихъ всё болѣе и болѣе и уже лѣтомъ 1825 г. Гергардъ и Панофка работаютъ надъ каталогомъ скульптуръ, древнихъ вазъ и мелкихъ бронзъ Бурбонскаго музея въ Неаполь; въ 1827 г. тѣ же ученые составляютъ указатель предметовъ частнаго музея Бартольди въ Римѣ. Эти статическіе труды заслуживаютъ тѣмъ большаго уваженія, что только съ помощью подобныхъ залоговъ можно было знакомиться съ подавляющимъ богатствомъ итальянскихъ хранилищъ остатковъ искусства древнихъ. А между тѣмъ ни одно большое собраніе въ Европѣ, за исключеніемъ Луврскаго, не имѣло тогда систематическихъ указателей и каталоговъ.

„Римскіе Гипербореи“ задаются, далѣе, планомъ изданія большого художественнаго труда, который долженъ былъ состоять изъ рисунковъ съ предметомъ древняго искусства, дотолѣ неизданныхъ. Ради этой цѣли Гергардъ вербуетъ сотрудниковъ не только между нѣмецкими учеными и художниками, но и всѣми иностранцами. Предпріятіе не удалось, по винѣ издателя-книгопродавца, отказавшагося, съ появленіемъ первой тетради, отъ контракта, когда потрачены были цѣлыя годы на пригото-

тельные работы; когда масса рисунковъ вмѣстѣ съ объяснительнымъ текстомъ были уже готовы для дальнѣйшихъ выпусковъ. Но неудача нисколько не подорвала энергіи Гергарда. Заручившись нѣкоторымъ пособіемъ отъ прусскаго правительства, пожелавшаго приобрѣсти коллекцію рисунковъ съ памятниковъ античнаго искусства, онъ разъѣзжаетъ съ художниками по всей Италіи и при этомъ обращаетъ особенное вниманіе на южную Этрурію, гдѣ, послѣ долгаго застоя, раскопки были возобновлены вновь и сопровождались блестящими результатами. Въ этихъ путешествіяхъ неутомимый Гергардъ пользовался всякимъ случаемъ расширить свои сношенія съ итальянскими учеными и любителями древности. Его горячая любовь къ странѣ, близкое знакомство съ характеромъ ея жителей, вмѣстѣ съ замѣчательной легкостью его разговорнаго языка, скоро доставили ему извѣстность не только въ большихъ городахъ, но и въ глухихъ провинціяхъ. На этого „signor Odóardo“ скоро стали смотрѣть по всей Италіи какъ на первостепенный авторитетъ въ археологической наукѣ.

При такихъ успѣхахъ, „Римскимъ Гиперборейамъ“ естественно было подумать объ упроченіи своего научнаго союза, о созданіи изъ него настоящаго ученаго общества съ своимъ литературнымъ органомъ. Проходятъ однако, четыре года предварительныхъ работъ и въ теченіе этого времени иностранные археологи успѣваютъ приготовить лишь одинъ выпускъ таблицъ къ „Monumenti antichi inediti della Società Iperboreo-Romana“. Новый отказъ издателя отъ продолженія дѣла въ такую минуту, когда нужно было приступить къ печатанію объяснительнаго текста повлекъ за собою новые планы въ средѣ сотрудниковъ. Французы, входившіе въ составъ общества „Римскихъ Гипербореевъ“, предлагали изданіе сдѣлать общедоступнымъ по характеру содержанія и стояли естественно за свой языкъ для таого

органа—проектъ, который не могъ нравиться Нѣмцамъ, желавшимъ имѣть вмѣстѣ съ „Monumenti“ еще „Hyperbo-reisch-Römische Studien“.

Эти переговоры шли, безъ видимаго успѣха, до осени 1828 года, когда приѣздъ прусскаго наслѣднаго принца далъ всему этому дѣлу новое направленіе. Во время прогулокъ по Риму, Неаполю и его окрестностямъ Гергарду и Панофкѣ удалось склонить высокаго гостя въ пользу новаго общества и тѣмъ упрочить работы нѣмецкихъ ученыхъ въ Италіи. Принцъ Вильгельмъ не только одобрилъ мысль основанія Археологическаго Института въ Римѣ, но и принялъ будущее учрежденіе подъ свое покровительство.

Зима 1828—29 г. ушла на составленіе устава и на другія подготовительныя работы для новаго Института, открытіе котораго назначено было на 21 апрѣля—день празднованія Римомъ своего основанія. Главныхъ вопросовъ, которые должны были занимать вниманіе Гергарда, Бунзена, ставшаго, по желанію наслѣднаго принца, во главѣ этого дѣла, и другихъ членовъ-учредителей, было три: установленіе отношеній къ папской академіи наукъ и искусствъ, Accademia Pontificia, отношенія къ другимъ національностямъ и, въ третьихъ, вопросъ финансовый.

Предчувствуя естественную ревность со стороны туземныхъ ученыхъ и въ особенности официальныхъ представителей археологической науки, основатели Института всѣми мѣрами старались создать такую программу, которая показывала бы, что иностранные ученые далеки отъ мысли о соперничествѣ съ почтенной папской академіей. Въ уставѣ говорилось, что новоучреждаемый Институтъ имѣетъ въ виду собраніе археологическихъ фактовъ, а не печатаніе академическихъ мемуаровъ, что корреспонденціи и засѣданія его будутъ отличаться чисто дѣловымъ характеромъ, что здѣсь не будетъ торжественныхъ и публичныхъ собра-

ній съ обычнымъ чтеніемъ ученыхъ рѣчей и трудовъ, какъ это дѣлается въ папской академіи, что Институтъ не болѣе какъ смѣшанный кружокъ дилеттантовъ, художниковъ и ученыхъ, а не избранное общество именитыхъ специалистовъ, подобно академіямъ, что сюда могутъ поступать членами всѣ, безъ различія національностей. Словомъ, было сдѣлано всё, чтобы отвести глаза мѣстнымъ ученымъ и не возбуждать ихъ легко понятной ревности. Послѣдняя не замедлила, однако, проявить себѣ въ лицѣ президента академіи монсиньора Николаи и извѣстнаго въ исторіи римской филологіи Анджело Маи, которые на первыхъ порахъ открыто протестовали противъ чужеземнаго общества.

Но дипломатическимъ тактомъ и умѣньемъ пользоваться обстоятельствами нѣмецкіе ученые какъ въ этотъ разъ, такъ и во многихъ другихъ случаяхъ умѣли ослаблять это, невыгодное для нихъ, чувство римскихъ академиковъ. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ Феа и Нибби, вступаютъ въ ихъ среду съ самаго начала, другіе, какъ тотъ же Анджело Маи, присоединяются къ нимъ позднѣе.

Что руководители Института не упускали случая ограждать свое учрежденіе отъ посягательствъ враждебной стороны, доказательствомъ тому служить, между прочимъ, слѣдующее. Въ началѣ 1838 г. произошелъ разрывъ Пруссіи съ Ватиканомъ, и Бунзень былъ отозванъ правительствомъ съ своего дипломатическаго поста. Вслѣдствіе этого и Археологическому Институту стала грозить неминуемая опасность быть закрытымъ. Нѣмецкіе ученые воспользовались прибытіемъ въ Италію нашего покойнаго государя Александра Николаевича. Секретарь Института и преемникъ Бунзена, Эмиль Браунъ, по приглашенію нашего посла кн. Потемкина, прибылъ въ Флоренцію для встрѣчи и сопутствія царственному гостю по музеямъ Италіи. „Наслѣдникъ русскаго престола, — читаемъ въ

исторіи Института,—живо интересовался искусствомъ какъ новымъ, такъ и древнимъ, и онъ имѣлъ по этой части хорошаго совѣтника въ скульпторѣ Лаунитцѣ. Для Брауна не представляло затрудненія заинтересовать великаго князя своимъ Институтомъ. 8 января 1839 г. происходило торжественное засѣданіе въ честь высокаго гостя. Папское правительство съ своей стороны позаботилось исправить крутую и узкую дорожку, ведущую съ Капитолія на Тарпейскую скалу; недавно нареченный кардиналъ Анджеоло Маи явился на засѣданіе. Кестнеръ сказалъ привѣтственную рѣчь, Браунъ изложилъ цѣль Института и ходъ дѣлъ его. Событіе это надѣлало шума въ городѣ и помогло Институту избавиться отъ большихъ непріятностей.“

Съ самаго начала Нѣмцы стремились создать изъ Института международное учрежденіе, стараясь привлечь сюда прежде всего Итальянцевъ, Французовъ, Англичанъ и Австрійцевъ. Такъ, еще ранѣе торжественнаго открытія Бунзенъ, Гергардъ и ихъ ближайшіе товарищи предложили званіе президента извѣстному любителю античнаго міра, герцогу де-Блакà (duc de Blacas d'Aulps), жившему тогда въ Римѣ въ качествѣ французскаго посланника. Не много спустя образовались здѣсь секція французскихъ археологовъ съ герцогомъ де-Люинъ во главѣ, и секція англійскихъ ученыхъ, представителемъ которой былъ Миллингенъ. Долѣе не ладилось дѣло съ Австріей, находившейся тогда подъ желѣзною рукою Меттерниха, не позволявшаго Австрійцамъ вступать въ иностранныя учрежденія; но дипломатическій тактъ и здѣсь помогъ руководителямъ Института, потому что въ 1841 г. того же Меттерниха мы видимъ на мѣстѣ умершаго герцога де-Блакà, въ званіи президента.

Труднѣе этихъ двухъ вопросовъ былъ вопросъ экономической, вопросъ о средствахъ Института. Какъ увидимъ ниже, онъ не разъ причинялъ много горя и непріятностей этому ученому учрежденію.

21 апрѣля 1829 г., въ день, когда съ незапамятныхъ временъ Римъ празднуетъ начало своего существованія, происходило первое торжественное засѣданіе новаго Института. Прочитанъ былъ и подписанъ членами уставъ, произнесены соотвѣтственныя рѣчи и—*Instituto di Corrispondenza Archeologica* началъ свою жизнь.

Особенность такого названія Института объясняется тѣмъ, что по первоначальному плану не предполагалось никакихъ ученыхъ засѣданій членовъ, послѣдніе должны были сносятся съ дирекціей Института только письменно: эти корреспонденціи, по усмотрѣнію редакціоннаго комитета, послѣ и печатались въ институтскихъ изданіяхъ.

Литературный органъ составляли три части: во-первыхъ, ежемѣсячный *Bullettino*, который, при всей ограниченности размѣровъ, долженъ былъ заключать извѣстія о всѣхъ существенныхъ новостяхъ въ области классической археологій; во-вторыхъ, атласъ рисунковъ изъ двѣнадцати таблицъ большого *in-folio*, гдѣ должны были помѣщаться копіи и планы съ памятниковъ неизданныхъ, вслѣдствіе чего и самое изданіе называется „*Monumenti Inediti*“; и, въ-третьихъ, тѣсно связанный съ этимъ послѣднимъ томъ „*Annali*“ для объясненія памятниковъ, представленныхъ въ атласѣ, и для ученыхъ статей бóльшаго объема, чѣмъ помѣщаемыя въ „*Bullettino*“, и пр. Языкъ изданій—итальянскій, французскій и, въ крайнемъ случаѣ, латинскій. Корреспонденція, равно какъ и всѣ дѣла въ Институтѣ, ведется по-итальянски; исключеніе сдѣлано для сношеній съ иностранными корреспондентами, гдѣ долженъ былъ употребляться французскій языкъ.

Управленіе дѣлами сосредоточено въ особой центральной коммисіи, состоящей изъ главнаго секретаря, двухъ секретарей Института и секретарей каждой иностранной секціи. Послѣдніе могутъ жить гдѣ угодно и письменно сносятся

съ дирекціей Института. Впрочемъ, такая организація членовъ этого учрежденія продержалась не долго.

Существеннымъ вопросомъ для новаго учрежденія былъ вопросъ о денежныхъ средствахъ. Они были необходимы какъ для печатанія трудовъ Института, такъ и на вознагражденіе двухъ секретарей центрального управленія, на которыхъ падала вся тяжесть труда по веденію дѣлъ. Между тѣмъ, единственнымъ источникомъ служила продажа институтскихъ изданій. Оттого дирекція употребляла всѣ усилія для приобрѣтенія возможно бѣльшаго числа подписчиковъ на свой литературный органъ (стоившій въ общей сложности 42 фр. въ годъ). Дипломатическимъ путемъ она обращалась ко всѣмъ дворамъ Европы и личными знакомствами привлекала сюда состоятельныхъ любителей древности. Въ этомъ направленіи особенно работали Бунзенъ между своими многочисленными знакомыми въ Англии, Панофка, распространявшій кругъ подписчиковъ во Франціи, и Гергардъ, полемъ котораго была хорошо извѣстная ему Италія. И во время частыхъ путешествій, и во множествѣ писемъ Гергардъ старался расположить Итальянцевъ въ пользу своего Института.

Кромѣ этого дипломатическаго пути, основатели старались дѣйствовать на образованный міръ и авторитетомъ ученыхъ, обѣщавшихъ свое сотрудничество: первый томъ „Annali“ блещитъ именами Бѣка, Гергарда, К. О. Мюллера, Велькера и др. нѣмецкихъ ученыхъ; Италію представляютъ Авеллино, Ориоли, Боргези, Цаннони и др.; Францію—Ленорманъ, Летроннь, де-Люинь, Рауль-Рошеттъ и др., Англию—Миллингенъ.

Труды членовъ Института отличались съ перваго раза чрезвычайнымъ оживленіемъ и разнообразіемъ; отъ ихъ наблюденія не ускользалъ ни одинъ изъ элементовъ археологической науки. Гергардъ разработывалъ матеріалъ этрусскихъ раскопокъ, Бѣкъ печаталъ статьи по греческой эпи-

графикѣ, Боргези открывалъ рядъ изслѣдованій по латинскимъ надписямъ; архитектура циклопическихъ стѣнъ, топографія древнихъ городовъ, нумизматика, древнія геммы и пр.—все это входило въ область изученія новаго Института.

Впечатлѣніе этихъ первыхъ дебютовъ было таково, что не далѣе какъ чрезъ два года, вопреки первоначальному плану, потребовалось учредить еженедѣльные публичные собранія Института, потому что прежній способъ корреспонденцій былъ для многихъ обременителенъ, а исключительно печатные труды не удовлетворяли любознательности римской ученой публики. Эти засѣданія пришлось сдѣлать открытыми для всѣхъ и каждаго интересующаго археологіей. Они продолжаются и до сихъ поръ, начинаясь 9 декабря, въ день рожденія Винкельмана, и заканчиваясь торжественнымъ актомъ 21 апрѣля. И можно сказать съ полною увѣренностью, что ни одно ученое учрежденіе Рима не пользуется такою популярностью, какъ эти пятничныя засѣданія Нѣмецкаго Археологическаго Института.

Судя по началу, все обѣщало счастливую будущность иностраннымъ археологамъ, основавшимся на Капитолійскомъ холмѣ. Членовъ Института было много и между ними всѣ современныя знаменитости археологической и исторической науки; вниманіе къ публичнымъ засѣданіямъ было такъ велико, что въ теченіе зимы 1831—32 г. было показано и объяснено болѣе восьмисотъ разныхъ предметовъ древности, принесенныхъ сюда антикваріями и владѣльцами художественныхъ коллекцій и музеевъ. Первоначальная зала оказалась мала и потому Бунзенъ долженъ былъ отвести для Института новое, болѣе просторное помѣщеніе. Недостатокъ въ иностранной, не-итальянской литературѣ въ значительной степени восполнился щедрымъ даромъ нѣмецкихъ книгопродавцевъ-издателей, выславшихъ сюда цѣлую бібліотеку.

Въ виду всего этого, можно было предполагать процвѣтаніе новаго Института, годъ отъ года сильнѣе и сильнѣе пускавшаго свои корни на Капитоліѣ. Но не такъ вышло на дѣлѣ: за счастливымъ началомъ наступили долгіе годы тяжелой и упорной борьбы за существованіе—и пужна была вся энергія Нѣмцевъ, чтобы спасти это высокополезное учрежденіе отъ ликвидаціи своихъ дѣлъ вслѣдствіе полного банкротства, къ каковой мысли не разъ по неволѣ приходило большинство сотрудниковъ.

Средства Института, какъ мы сказали выше, состояли въ подписной платѣ на его изданія. Но уже на третьемъ году редакціонныя издержки превысили подписной сборъ болѣе, чѣмъ на 2,500 фр., не считая при этомъ безмездной службы секретарей Института Гергарда и Панофки, такъ какъ гонораръ за редакціонныя и другіе труды имъ слѣдовало, по уставу, только изъ остаточныхъ суммъ. На первыхъ порахъ кое-какъ избѣжали огласки и личными пожертвованіями дирекціи покрыли этотъ долгъ; но дѣло такъ не могло продолжаться долго.

Къ этому скоро присоединились національныя распри и ревнивое соперничество между руководителями французской и нѣмецкой секцій Института.

Французы уже съ самыхъ первыхъ поръ не дружелюбно смотрѣли на протекторатъ прусскаго наслѣднаго принца и лишь до нѣкоторой степени были утѣшены тѣмъ, что президентомъ этого учрежденія былъ ихъ посланникъ при папскомъ дворѣ, герцогъ де-Блака. Новымъ поводомъ ко взаимному недовѣрію служила разница взглядовъ на характеръ изданій Института. По свойственному Французамъ эстетическому чутью, герцогъ де-Люинъ и прочіе парижскіе ученые требовали, чтобы рисунки атласа были изящны, чтобы текстъ Анналь отличался разнообразіемъ и легкостью изложенія, такъ какъ безъ этого послѣдняго условія изданія Ин-

ститута не могли получить распространенія въ публикѣ; Гергардъ между тѣмъ заботился лишь о точности копій и объ ученой основательности текста, не стѣсняясь слишкомъ большими размѣрами статей.

Эта вражда и взаимныя пререканія партій тянутся цѣлыя годы, и ходъ дѣлъ 1832—37 годовъ представляетъ печальную и скучную страницу въ исторіи этого международного учрежденія. Для сокращенія издержекъ и въ видахъ взаимнаго примиренія испытываются разныя средства—и одно непрактичнѣе другого: печатаніе „Annali“ и „Monumenti“ переносятъ то въ Парижъ, то въ Римъ, то, наконецъ, въ Берлинъ, причемъ случалось, что одна часть одного и того же тома печаталась во Франціи, другая—въ Германіи, третья—въ Италіи. Французы не разъ грозили удаленіемъ и учрежденіемъ своего отдѣльнаго Института или, по крайней мѣрѣ, своихъ „Лѣтописей“—обстоятельство, котораго не могли желать руководители нѣмецкой партіи, потому что съ этимъ Институтъ лишился бы многихъ незамѣнимыхъ ученыхъ членовъ и значительнаго числа подписчиковъ.

Впрочемъ, при такомъ разладѣ двухъ наиболѣе сильныхъ фракцій Института и безъ того число подписчиковъ годъ отъ году становилось меньше и денежный дефицитъ угрожалъ не разъ банкротствомъ всему издательскому дѣлу. Напрасны оказались при этомъ надежды Гергарда на прусское правительство, предъ которымъ онъ ходатайствовалъ о субсидіи и о подпискѣ на большее число изданій Института, ссылаясь на примѣръ Гизо, который для французскаго министерства народнаго просвѣщенія подписался на десять экземпляровъ этихъ изданій. Только благодаря настоянію Александра Гумбольдта, министерство финансовъ согласилось, послѣ долгихъ проволочекъ, на жалкую сумму въ 420 талеровъ и притомъ съ условіемъ, чтобы Институтъ высылалъ даромъ десять экземпляровъ своихъ трудовъ,

годовая стоимость которых для Института равнялась 420 фр. Не оправдались расчеты Гергарда и на успех популярного *Archaeologisches Intelligenzblatt*, который он издавал в течение шести лет—с целью расширения интереса к археологии и вместе с тем к изданиям Римского Института.

Уменьшение числа подписчиков и незначительность розничной продажи выпусков прежних лет привели к тому, что не раз и в Париже, и в Риме толковали о необходимости сократить до *minimum*'а размеры печатания, ограничившись одним „*Bullettino*“ или уменьшивши формат издания *Monumenti*. Эти и подобные проекты ясно говорят, в какой нужде очутился Капитольский Институт, — и потому-то заказ на десять экземпляров всех трудов его, сделанный нашим правительством через неутомимаго Гергарда в 1834 г., был событием, которое спасло Институт от ликвидации его дела, как узнаем мы об этом из сообщения его официального историка *).

Недостаток средств, между тем, только усиливал неприязненные отношения между Парижем и Берлином, куда в 1835 г. немцы перенесли печатание „*Annali*“ и „*Monumenti*“. Дело доходило до полного отречения от Французов от солидарности с Институтом (1836 г.)—и только неизбежные уступки с той и другой стороны, вместе с некоторой материальной помощью прусского правительства и переменной в организации управления, положили конец этим продолжительным пререканиям. Решено было, между прочим, несколько возвысить цену изданий, и заключив Берлин всецело, разделить печатание выпусков „*Annali*“ между Римом и Парижем. Это продержалось не-

*) См. *Michaelis, Storia*, стр. 51.

сколько лет, но потом Рим стал единственным центром всего издательского дела.

Но и в эти годы печального разлада и национальных притязаний на руководящую роль, Институт не переставал трудиться ради своей главной цели. Издания выходили, по возможности, своим чередом; в Риме для усиления средств библиотеки был предпринят демонстративный курс лекций по классической археологии, а позднее и по археологии востока. Эти лекции, читавшиеся Бунзеном, Гергардом, Брауном, Каниной, Лепсиусом и др. в течение зимних месяцев 1834—39 гг., дали библиотек Института до 8,000 фр. Пятничные собрания Института происходили правильно и привлекали как Римлян, так и иностранцев; 21 апреля, день основания Института, был праздником для всех любителей античного мира, наконец даже и для тех из местных ученых, которые сначала относились к этому иностранному учреждению враждебно. Бунзен, не смотря на долги по изданиям, предпринимает постройку на Тарпейской скале особаго дома для Института, нашедши на стороне нужные для этого 8,000 фр., и дает ему просторное и светлое помещение с окнами, выходящими в тот тихий, уютный и вечно зеленый садик, который конечно памятен всем, кто являлся сюда работать в зимний сезон. Это здание, приютившееся о-бок с Протестанским госпиталем, служило послѣ Институту в течение сорока лет.

Вообще нельзя не удивляться энергии немцев в проведении своей идеи и укреплении раз созданнаго дела. Они не упускают ни одного благоприятнаго случая, не щадят ни сил, ни времени, ни своих личных интересов. Уладив и устранив одно препятствие, они сейчас же обращаются к обеспечению себя с другой стороны. Помнившись с Французами, они в 1838 г., по смерти первого

президента герцога де-Блакá, избираютъ себѣ Меттерниха, перехитривъ въ концѣ-концовъ и этого хитраго дипломата. Неутомимый Гергардъ нашелъ себѣ сначала пособниковъ, а потомъ и преемниковъ въ Эмплѣ Браунѣ и Рихардѣ Лепсиусѣ, которые также изумляютъ насъ своей неустанной дѣятельностью. Благодаря такимъ руководителямъ, значеніе Института все болѣе и болѣе растетъ въ глазахъ итальянцевъ. Мало по малу онъ становится уже главнымъ научнымъ центромъ, куда со всѣхъ концовъ Италіи посылаются извѣстія о всевозможныхъ археологическихъ находкахъ и новостяхъ. Въ „Bullettino“ Института пишутъ Бартоломео Боргези изъ Санъ-Марино, Авеллино, Фиорелли, Минервини изъ Неаполя, Каваллари изъ Сициліи, Вермильори изъ Перуджин, Каведони изъ Модены и пр., не говоря о множествахъ другихъ менѣе извѣстныхъ провинціальныхъ ученыхъ и антикваріевъ, которые считались корреспондентами этого учрежденія и сообщали сюда о приращеніи археологическаго матеріала въ ихъ родныхъ мѣстахъ. Итакъ, усилія Гергарда и потомъ столь же энергическаго преемника его Брауна сдѣлать популярнымъ имя Института не только въ Римѣ, но и въ отдаленныхъ и глухихъ провинціяхъ страны, теперь увѣнчались полнымъ успѣхомъ: до 1847—48 г. у Римскаго Археологическаго Института нѣтъ соперниковъ, и научныя силы всѣхъ областей Италіи принадлежатъ ему почти безраздѣльно.

Къ той же эпохѣ относится и приливъ молодыхъ научныхъ силъ изъ Германіи. Отто Янъ, Бруннъ, Стефани, Геттнеръ, Моммсенъ, Юл. Фридлендеръ, Лершъ, Генценъ и пр. одинъ за другимъ являются на Капитолій для продолженія своихъ занятій классическою древностію. Группируясь сначала около Эмпля Брауна и потомъ работая совместно съ Брунномъ, превосходившимъ перваго большей широтою взгляда на задачи археологій, эти молодые ученые всѣми

зависящими отъ нихъ средствами поддерживаютъ значеніе Института. Здѣсь, между прочимъ, кладется основаніе колоссальной вполнѣ дѣятельности Моммсена и Генцена въ области латинской эпиграфики. Первый изъ этихъ ученыхъ въ ту пору, подъ вліяніемъ бесѣдъ Бартоломео Боргези, величайшаго знатока эпиграфическаго дѣла, рѣшился на составленіе полнаго свода всѣхъ надписей Неаполитанскаго королевства. Путешествіе по южной Италіи, предпринятое имъ съ этой цѣлю, доставило ему не только матеріалъ для его огромнаго изданія *Inscriptiones Regni Neapolitani* (Lips. 1851), но и для его знаменитаго сочиненія по языкамъ древне-италійскихъ народовъ, Мессапцевъ, Самнитовъ, Вольсковъ и пр. *). Вильгельмъ Генценъ приступаетъ къ пополненію Ореліевскаго сборника латинскихъ надписей третьимъ томомъ. Здѣсь полагается зародышъ знаменитаго изданія *Corpus Inscriptionum Latinarum*, задуманнаго сначала французскимъ министромъ народнаго просвѣщенія Вильмэномъ и исполняемаго въ послѣднія два десятилѣтія берлинской академіей наукъ, при содѣйствіи Римскаго Археологическаго Института.

Такъ продолжалось дѣло до конца 1847 г., когда въ Римѣ, какъ и повсюду, политика поглотила всѣ остальные интересы. Особенно это нужно сказать о Франціи, гдѣ занятіямъ археологіей не могло быть болѣе мѣста. Изъ прежнихъ семидесяти подписчиковъ на изданія Института остались теперь лишь шесть; въ маѣ 1848 г. послѣдовало закрытіе парижскаго издательскаго комитета и, вмѣстѣ съ тѣмъ, уничтоженіе французской секціи Римскаго Института. И щедрый меценатъ археологій герцогъ де-Люинъ, какъ легитимистъ по убѣжденіямъ, долженъ былъ стать во главѣ батальона національной гвардіи для подавленія іюньской революціи.

*) Die Unterital. Dialekten. Leipz. 1850.

Удаление французских археологов из среды Института нанесло послѣднему сильный ударъ какъ въ научномъ, такъ и въ финансовомъ отношеніи. Частыя и щедрыя жертвы герцога де-Люиня пошли теперь вмѣсто археологій на госпитали, на бѣдныхъ и увѣчныхъ и на другія дѣла милосердія. Послѣдующій ходъ событій навсегда оторвалъ его отъ страстно любимаго имъ древняго міра, и только черезъ девятнадцать лѣтъ онъ могъ посѣтить Римъ и его ученый Капитолій. Но это было уже за нѣсколько дней до его смерти, постигшей его 15 декабря 1867 г.

Счастливая пора, которой Институтъ наслаждался съ 1838 г. смѣнилась теперь новыми заботами—и цѣлыхъ восемь лѣтъ онъ еле влачитъ свое существованіе. Осада Рима французскими войсками прежде всего заставила мирныхъ археологовъ облечься въ доспѣхи Марса. И потому, кассиръ Института Фортунато Ланци фигурируетъ теперь въ званіи капитана римской гражданской стражи, а главный секретарь Э. Браунъ служить здѣсь сначала простымъ солдатомъ и послѣ возведенный въ чинъ капрала маршируетъ мимо вѣковыхъ памятниковъ древняго Рима, которые передъ тѣмъ онъ обходилъ столько разъ въ кругу молодыхъ археологовъ совсѣмъ съ иными цѣлями. А когда въ началѣ 1849 г. ему за политическія корреспонденціи въ нѣмецкія газеты, пришлось покинуть на нѣкоторое время Римъ, то на Капитолій остался единственнымъ представителемъ Института Вильгельмъ Генценъ. Но, къ великому счастью для археологической науки, этотъ человѣкъ проявилъ въ эту трудную годину такую колоссальную энергію, которая изумляла какъ нѣмецкихъ, такъ и иностранныхъ ученыхъ. Подъ грохотъ канонады, раздававшейся съ французскихъ и римскихъ фортовъ, онъ невозмутимо велъ редакцію *Анналь Института*; чередной томъ ихъ былъ исполнѣ готовъ уже въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, и если книга не была

своевременно напечатана, то единственно по отсутствію рабочихъ рукъ и по недостатку бумаги въ правительственныхъ складахъ. Кончивъ этотъ томъ, Генценъ принимается за составленіе другого.

О засѣданіяхъ Института теперь конечно не могло быть и рѣчи; они возобновились было зимою 1850 г., но безъ всякаго успѣха и потому прекратились сами собою. Этотъ очевидный застой въ дѣлахъ археологій продолжался до 1856 г. О прежнемъ оживленіи существовало развѣ одно преданіе. Число подписчиковъ на изданія Института упало до цифры 140.

21 апрѣля 1854 г. Институтъ въ тѣсномъ кружкѣ праздновалъ свой двадцати-пятилѣтній юбилей. Праздникъ прошелъ тихо, какъ въ малочисленной семьѣ, безъ пѣсенъ и кликовъ. Друзья Института могли грустить въ виду современнаго положенія вещей, въ виду умаленія интереса къ его дѣятельности; но они были бы неправы, если бы не цѣнили значительныхъ заслугъ, оказанныхъ этимъ учрежденіемъ наукѣ за первую четверть вѣка своего существованія.

Когда основывался Институтъ, въ Европѣ не было ни одного періодическаго органа для археологій и классической эпиграфики—и потому-то изданія его привѣтствованы были признательностью и сочувствіемъ всѣхъ любителей древности. И въ теченіе болѣе чѣмъ десяти лѣтъ они не имѣли себѣ никакихъ соперниковъ. Только съ начала сороковыхъ годовъ появляются одно за другимъ періодическія изданія, посвященные исключительно археологій, какъ въ Италіи—*Bullettino Archeologico Napoletano*, въ Германіи—*Jahrbücher des Vereins Rheinischer Alterthumsfreunde* (1842) и *Archaeologische Zeitung* (1843); во Франціи—*Revue Archéologique* (1843), органъ обнимающій не только всю древность вообще, но и Средніе вѣка. На всѣ эти изданія Институтъ по праву могъ смотрѣть,

какъ на результатъ своего вліянія, какъ то же самое вліяніе его несомнѣнно отразилось и въ устройствѣ по Германіи нѣсколькихъ археологическихъ кружковъ, изъ которыхъ послѣ развилось именитое Берлинское *Archaeologische Gesellschaft*.

Новое вліяніе Римскаго Института замѣчается въ преподаваніи археологій въ нѣмецкихъ университетахъ: прежніе его питомцы О. Янъ, Виселеръ, Урликсъ, Э. Курціусъ и др. вносятъ свѣжую струю въ это академическое преподаваніе. При университетахъ устраиваются музеи гипсовыхъ слѣпковъ съ произведеній древняго искусства, примѣръ чему данъ былъ Велькеромъ, создавшимъ такой музей въ Боннѣ. Благотворное значеніе этихъ музеевъ для учащагося юношества было чрезвычайно велико. Хорошія гипсовыя копіи вполне знакомятъ съ оригиналами, — оттого-то нѣмецкіе археологи новаго поколѣнія являются въ Италію такъ хорошо подготовленными для продолженія своихъ занятій древнимъ искусствомъ. — Нужно ли повторять, что въ нѣдрахъ Римскаго Института создалась возможность такого колоссальнаго предпріятія, какъ *Corpus Inscriptionum Latinarum*?

Тяжелыя испытанія Института кончаются 1859 годомъ, когда ему, по опредѣленію прусскаго парламента, назначено была ежегодная субсидія въ 4500 талеровъ. Съ этой поры онъ не только уже не боится за судьбу своихъ изданій, но и значительно расширяетъ кругъ своей дѣятельности. Здѣсь учреждаются двѣ стипендіи для молодыхъ ученыхъ, посвящающихъ себя археологій, снаряжаются ученые экспедиціи какъ внутрь, такъ и за предѣлы Италіи; секретари Института Генценъ и Бруннъ обязательно ведутъ теперь демонстраціонныя курсы по археологій для пріѣзжихъ ученыхъ, число которыхъ съ конца пятидесятихъ годовъ стало увеличиваться болѣе и болѣе. Пятичленные собранія, почти совсѣмъ

забывшіяся въ послѣднее время управленія Э. Брауна, оживились снова. Бруннъ учреждаетъ у себя археологическій семинарій. Генценъ учитъ читать, списывать и интерпретировать латинскія надписи и съ этой цѣлю обходитъ въ теченіе зимы съ молодыми людьми эпиграфическія галлерей Ватикана, собранія Капитолія и многіе частныя музеи. Какъ-бы въ подражаніе имъ, извѣстный знатокъ Рима и его окрестностей, сенаторъ Пьетро Роза съ 1860 г. открываетъ экскурсіи въ римскую Кампанію и тамъ, на мѣстѣ излагаетъ болѣе замѣчательныя моменты исторіи; съ того же времени Дж. Баттиста де-Росси, первоклассный авторитетъ по христіанскимъ древностямъ Рима, не рѣдко руководилъ интересующихся археологіей по катакомбамъ и латеранскому музею.

Молодые археологи, болѣею частію ученики Велькера, Риччи, Отто Яна, Гергарда, Бѣка, Моммсена, Курціуса и др., являлись въ Италію хорошо подготовленными и почти всегда имѣли въ виду спеціальныя тѣмы для своихъ работъ. Между послѣдними особенно выдѣляются разнаго рода каталоги предметовъ древняго искусства, цѣлю которыхъ было приведеніе въ извѣстность разсыпаннаго по всей Италіи научнаго матеріала. Таковы труды Гельбига по живописи Геркулана и Помпей *), Гейдемана — по вазамъ неаполитанскаго музея **), Бенндорфа и Шёне — по древностямъ латеранскаго музея ***), и пр. Это каталогизированіе художественныхъ сокровищъ Италіи нѣмецкими молодыми учеными, болѣею частію стипендіатами Института, продолжается и до сихъ поръ ****). — Не довольствуясь прежними

*) *Wandgemälde der Städte Campaniens*. Leipz. 1868.

**) *Heydemann, Die Vasensamml. des Museo Nazion. zu Neapel*. Berl. 1872.

***) *O. Benndorf u. R. Schöne, Die antik Bildwerke d. Lateran. Museums*. Leipz. 1867.

****) См. *Dütschke, Zerstreute Bildwerke in Florenz*. Leipz. 1876; его же

периодическими изданиями, Институтъ публикуетъ отдѣльно труды и, при содѣйствіи берлинской академіи наукъ, учреждаетъ особый органъ, посвященный римской эпиграфикѣ. *).

Средства его постоянно растутъ, особенно съ 1874 г., когда онъ сталъ учрежденіемъ Германской имперіи и изъ прежняго *Institutato di Corrispondenza Archeologica* превратился въ *Institutum Archaeologicum Germanicum*. Для него теперь выстроено на Капитоліѣ превосходное большое зданіе. Здѣсь помѣщаются богатая бібліотека, архивъ, квартиры для секретарей и прочихъ лицъ служебнаго персонала. Цѣлый этажъ отведенъ подъ помѣщенія стипендіатовъ и гостей Института.

Во главѣ этого учрежденія—не говоря о центральной дирекціи, находящейся въ Берлинѣ и вѣдающей дѣла какъ Римскаго, такъ и Аѳинскаго Археологическаго Института, основаннаго германскимъ правительствомъ въ 1874 г.—въ настоящее время стоятъ два секретаря, Вильгельмъ Генценъ и Вольфганъ Гельбигъ. Первый изъ этихъ ученыхъ принадлежитъ Институту, какъ мы видѣли, съ половины сороковыхъ годовъ, когда онъ еще молодымъ человѣкомъ, прямо послѣ университетскаго курса, явился въ Римъ для занятій археологіей; съ 1856 г. онъ состоитъ первымъ секретаремъ. Люди, занимающіеся римскою древностію, всѣ безъ исключенія его цѣнятъ высоко, какъ автора дополнительнаго тома къ Ореліевскому собранію латинскихъ надписей, какъ одного изъ первостепенныхъ сотрудниковъ *Corpus Inscriptionum Latinarum*—какъ издателя протоколовъ римской коллегіи Арвальскихъ Братьевъ и пр.

Die antiken Marmorbildwerke der Uffizien in Florenz. Leipz. 1878. R. Schöne. Le Antichità del Museo Bocchi di Adria. Roma 1878; Rohden, Die Terracotten von Pompeji. Stuttg. 1880; Schreiber, Die antik. Bildwerke der Villa Ludovisi in Rom. Leipz. 1880 и др.

*) *Ephemeris Epigraphica, Corp. Inscr. Lat. Supplementum. 1872 и слѣд.*

И кто изъ иностранцевъ, посѣщающихъ Римъ и Нѣмецкій Археологическій Институтъ, не убѣждался въ несравненныхъ качествахъ этого неимовѣрно добраго, ласковаго, всегда готоваго къ услугамъ ученаго старца? Кто не уносилъ съ собою благодарной памяти объ этомъ человѣкѣ, умѣвшемъ соединить глубокую ученость съ той истинной простотою, которой такъ часто не достаетъ людямъ науки?

Такова, въ краткихъ чертахъ, исторія этого учрежденія, съ которымъ въ области классической археологіи едва-ли поспорить теперь какое-либо другое въ Европѣ. Счастливо задуманное и съ изумительной энергіей проведенное въ трудные годы, оно въ послѣднія двадцать пять лѣтъ достигло такого вѣса, что значеніе его для науки упрочено навсегда, если только можно говорить вообще о вѣчности какого нибудь дѣла, созданнаго человѣческими усилями....

VIII.

Римъ въ 1880 г.—Главное управление по дѣламъ археологическихъ раскопокъ и музеевъ Италіи.—Встрѣчи съ римскими учеными.—Сборы въ догору.—Посѣщеніе города Чивита-Кастеллана.—Терни.

Въ началѣ семидесятыхъ годовъ, политическое преобразование Италіи еще не успѣло сильно измѣнить старой, тысячелѣтними созданной наружности Рима; но по мѣрѣ того какъ ненавистные Ватикану „узурпаторы“ укрѣплялись въ Римѣ, физіономія города стала измѣняться съ поразительной быстротою. Всего пять лѣтъ прошло между моимъ первымъ и вторымъ посѣщеніемъ Италіи, а какъ многого уже нѣтъ теперь въ Римѣ изъ того, что мы видѣли раньше, и какъ поразительно-много новаго появилось здѣсь въ этотъ короткій промежутокъ времени! Королевская резиденція быстро сбрасываетъ съ себя неприглядныя лохмотья папскаго Рима и спѣшитъ хотя до нѣкоторой степени приблизиться къ другимъ столицамъ Европы въ отношеніи блеска, красоты и богатства своихъ формъ.

Не говоря о тѣхъ, кто еще на долгихъ вѣзжалъ изъ Флоренціи въ Римъ чрезъ Porta del Popolo, даже путешественники, не бывшіе здѣсь лѣтъ десять, съ изумленіемъ встрѣтятъ теперь этотъ новый городъ, эту Roma Nuova, какъ называютъ въ настоящее время цѣлый рядъ кварталовъ, возникшихъ на Эсквилинѣ и на смежныхъ съ нимъ возвышеніяхъ и долинахъ. На мѣстѣ прежнихъ овощныхъ огородовъ, ви-

ноградниковъ и большихъ пустырей, по которымъ бывало спокойно прогуливались коровы и козы, на мѣстѣ этой захолустной деревни, существовавшей въ стѣнахъ большого города, теперь стелются широкія, правильныя, по строго выдержанному плану вытянутыя улицы, выведены колоссальныя дома съ зеркальными окнами, устроены изящныя кафе, рестораны, магазины и проч. Смотри на постоянное движеніе по новорожденной Via Nazionale, идущей теперь по этимъ прежде пустыннымъ мѣстамъ вплоть до Корсо, едва вѣришь своимъ глазамъ: какихъ-нибудь пять-шесть лѣтъ назадъ здѣсь ничего этого не было, работы по разчисткѣ Эсквилина только начинались и лишь кое-гдѣ возводились остовы нынѣшнихъ корпусообразныхъ, много-этажныхъ и много-оконныхъ громадъ.

Несомнѣнно, что никакой другой городъ не преобразовывался такъ быстро, и едва-ли въ какомъ-либо другомъ мѣстѣ строительныя компаніи отличались такой лихорадочной послѣшностью въ своихъ операціяхъ, какъ въ этомъ Новомъ Римѣ.—Не столь радикально и не такъ скоро, но измѣняется внѣшность и прочихъ окраинъ города.

Полицейскія правила, едва извѣстныя въ старомъ Римѣ, начинаютъ теперь входить въ силу и налагать печать однообразія и порядка повсюду, причиняя этимъ много горя большинству природныхъ Римлянъ и тѣмъ изъ иностранцевъ-художниковъ, которые, живя здѣсь давно, привыкли считать Римъ своимъ городомъ и гдѣ теперь стало и шумно, и тѣсно, и дорого, и далеко не такъ свободно какъ прежде. Многіе изъ нихъ, говорятъ, не вынесли новаго режима и навсегда выѣхали отсюда, переселившись въ Брюссель, Парижъ, Мюнхенъ или же въ глухія провинціи Италіи. Мы видѣли одного нѣмецкаго живописца, который, послѣ многихъ лѣтъ жизни въ Римѣ, перенесъ свою студию на островъ Капри.

Новыя времена, естественно, должны были отозваться
Путеш. по Италіи.

большими переменами въ ходѣ римскаго просвѣщенія, римской науки и, что лично насъ интересовало болѣе, въ характерѣ римской археологіи. Изъ очерченной нами выше исторіи Нѣмецкаго Археологическаго Института видно, что это учрежденіе было главнымъ центромъ учености этого рода,—центромъ, съ которымъ не могли соперничать ни Папская Академія, ни какое другое ученое общество. Съ водвореніемъ здѣсь новаго правительства, археологія получаетъ характеръ государственной науки: теперь учреждается главное управленіе по дѣламъ археологическихъ раскопокъ и музеевъ Италіи (*Direzione Generale degli Scavi di Antichità e de' Musei*), вся страна дѣлится на множество мелкихъ округовъ съ правительственными инспекторами, на обязанности которыхъ лежитъ слѣдить за ходомъ раскопокъ и за всѣми открытіями и доводить о нихъ до свѣдѣнія главнаго управленія. Послѣднее въ свою очередь помѣщаетъ эти отчеты въ спеціальному ежемѣсячному изданіи *Notizie degli Scavi di Antichità*, служащемъ органомъ для всей Италіи, подобно тому какъ для раскопокъ собственно Рима служитъ *Bulletino della Commissione Municipale di Roma*. Учреждены новые штаты служебнаго персонала по вѣдомству государственныхъ древностей и музеевъ, составлены и изданы новыя правила относительно метода раскопокъ и пр. Все это потребовало новыхъ издержекъ, и потому правительство обложило всѣ музеи и собранія древностей, составляющія собственность государства, пошлиной—по франку съ каждаго посѣтителя *). Свободный входъ отнесенъ теперь лишь на воскресенья и нѣкоторые большіе праздники. Исключеніемъ пользуются только ученые и художники, которые по прежнему имѣютъ право посѣщать всѣ учрежденія подобнаго рода безъ всякой платы.

*) Посѣтители Помпей вносятъ два франка.

Во главѣ этого вѣдомства сталъ уже извѣстный намъ сенаторъ Джузеппе Фиорелли, переселившійся изъ Неаполя въ Римъ. Лѣтомъ 1880 г. намъ довелось видѣть его и на этомъ новомъ постѣ: онъ—все тотъ же неутомимый труженникъ, не знающій, не смотря на высоту своего официального положенія и значительное матеріальное обезпеченіе, что такое дачная жизнь и что такое деревня лѣтомъ. И здѣсь, въ этомъ раскаленномъ Римѣ, онъ первымъ является въ свою археологическую канцелярію, и здѣсь, какъ бывало въ неаполитанскомъ національномъ музеѣ, послѣднимъ оставляетъ свой служебный постъ: сношенія съ провинціальными археологическими комиссіями, чтеніе отчетовъ о ходѣ раскопокъ, редактированіе вышеупомянутаго журнала *Notizie degli Scavi*, переписка съ министерствомъ народнаго просвѣщенія, общее руководство раскопками, производящимися въ стѣнахъ Рима,—все это лежитъ на его прямой отвѣтственности. Мы не говоримъ уже объ отношеніяхъ его къ туземнымъ и иностраннымъ археологамъ и ученымъ, изъ которыхъ рѣдкій, попавши въ прежній монастырь *Sopra Minerva* (гдѣ помѣщается главное управленіе) за полученіемъ билета на бесплатное посѣщеніе археологическихъ собраній и богатствъ Рима, удовольствуется бесѣдой съ немногочисленными чиновниками канцеляріи г. Фиорелли и не посѣтитъ самого директора въ его рабочемъ кабинетѣ.

Новую заслугу г. Фиорелли составляютъ усилія пробудить отъ продолжительнаго летаргическаго сна одну изъ римскихъ академій, такъ-называемую *Accademia dei Lincei*. Съ его появленіемъ въ Римѣ, это учрежденіе имѣетъ правильныя засѣданія, у него существуетъ теперь свой дѣйствительный литературный органъ, *Atti*.

Былъ даже слухъ, что Фиорелли вмѣстѣ съ другими итальянскими учеными намѣренъ былъ создать изъ этого учрежденія соперника Нѣмецкому Археологическому Институту, и моти-

вомъ этого выставлялась національная ревность къ научнымъ успѣхамъ иноземцевъ въ ихъ странѣ. Не знаемъ, насколько справедливы эти толки, потому что слышать ихъ намъ пришлось къ кругу молодыхъ нѣмецкихъ археологовъ, путешествовавшихъ по Италіи; но сомнѣваемся въ успѣхѣ такого начинанія, по крайней мѣрѣ для ближайшаго будущаго. Для дѣйствительнаго соперничества нужно располагать такимъ же количествомъ превосходныхъ силъ, какимъ владѣетъ археологическая наука Германіи, не говоря уже о другихъ, иностранныхъ членахъ этого знаменитаго Института. А этого не создашь въ такое время, когда, для объясненія сокровищъ римскихъ музеевъ студентамъ римскаго университета, министерство народнаго просвѣщенія вынуждено приглашать нѣмецкаго археолога.

Но что успѣхи Капитолійскаго Института симпатичны не всѣмъ мѣстнымъ ученымъ, стало для насъ яснымъ изъ недавней встрѣчи съ однимъ изъ наиболее видныхъ представителей итальянской археологій, извѣстнымъ писателемъ іезуитомъ, отцомъ Раффаэле Гарруччи. Считаю своимъ долгомъ сказать объ этомъ ученомъ здѣсь нѣсколько словъ.

Продолжая изданіе памятниковъ письменности древнихъ Италійцевъ, весною 1880 г. мы должны были снова отправиться въ Италію. На этотъ разъ главнымъ полемъ нашего посильнаго изученія была центральная полоса Апеннинскаго полуострова, съ ея Сабинянами, Марсами, Вольсками и прочими древними обитателями этой страны, изъ которыхъ каждый нѣкогда имѣлъ свою культуру, свою исторію, свой языкъ. Въ числѣ этихъ народовъ намъ необходимо было обратить вниманіе и на небольшую группу Фалисковъ съ ихъ главнымъ городомъ Falerii (нынѣ Civitá-Castellana), жившихъ верстахъ въ сорока пяти на сѣверъ отъ Рима, на

границѣ Этруріи, Сабинской земли и Лація. Незначительный по своей численности, не игравшій видной роли въ древней исторіи страны и доселѣ представлявшій интересъ для историковъ Рима лишь своей крайней приверженностью къ Этруріи, сторону которой онъ обыкновенно принималъ въ войнахъ ея съ Римлянами,—этотъ народъ возбудилъ особенное вниманіе ученыхъ лѣтъ двадцать назадъ, съ открытіемъ ряда могилъ на пространствѣ между нынѣшнимъ городомъ Чивита-Кастеллана и селеніемъ Санта-Марія ди-Фаллери. Эти могилы были высѣчены въ скалистыхъ холмахъ и внутри по стѣнамъ представляли ряды нишъ, какія въ римскихъ катакомбахъ служили для погребенія умершихъ. Каждая ниша была закрыта нѣсколькими плитами изъ обожженной глины,—вотъ эти-то плиты, покрытыя надписями, вмѣстѣ съ другими остатками письменности Фалисковъ, найденными въ тѣхъ же мѣстахъ, и привлекли интересъ специалистовъ. Надписи знакомили съ языкомъ, вѣрованіями и политической жизнью этого народа.

Честь открытія этихъ памятниковъ принадлежитъ о. Гарруччи, несомнѣнно лучшему знатоку археологическихъ богатствъ итальянскихъ провинцій, въ которыхъ онъ путешествовалъ много разъ и подолгу. Онъ первый изъ ученыхъ обратилъ вниманіе на землю Фалисковъ и убѣдилъ ея нынѣшнихъ владѣльцевъ возобновить раскопки, начатыя въ пятидесятыхъ годахъ съ корыстной цѣлью и неумѣлою рукой. Раскопки дали должные результаты, и заслуга открытія вмѣстѣ съ посильнымъ объясненіемъ фалискихъ текстовъ остается безспорно за этимъ ученымъ *).

*) См. его статьи въ *Annali dell'Inst. di corrisp. Arch.* 1860, стр. 211 и слѣд., въ его сборникѣ *Dissertaz. Archeol. Roma* 1865, стр. 59 и слѣд., въ журналѣ *Civiltà Cattolica*, ser. VII, vol. IX, 478 и слѣд., въ англійской *The Archaeologia*, t. XL, III p. 43 и слѣд., и его книгѣ *Sylloge Inscript. Latin. Aug. Taurinorum* 1875, p. 194 и слѣд.

Къ нему посовѣтовали намъ обратиться нѣмецкіе археологи, когда въ Римѣ мы стали наводить справки о мѣстѣ нахождения этихъ памятниковъ и о настоящемъ ихъ владѣльцѣ. Но при этомъ они пожелали намъ особеннаго счастья въ сношеніяхъ съ ученымъ, который, по ихъ словамъ, не любитъ дѣлиться своими свѣдѣніями съ иностранцами. Подробности, сообщенныя при этомъ, были таковы, что я въ невеселомъ настроеніи духа вступалъ въ калитку дома іезуитовъ за Тибромъ, неподалеку отъ площади св. Петра, и не ожидалъ ничего хорошаго для успѣха моего дѣла. Черный крестъ Распятія, висящій надъ входомъ, темная и узкая лѣстница, ведшая въ одинъ изъ верхнихъ этажей, гдѣ находилась квартира о. Гарруччи, и мертвая тишина, царившая во всемъ конвентѣ, только усиливали во мнѣ внутреннее стѣсненіе. Меня ввели въ крошечную приемную залу и заставили подождать выхода почтеннаго отца. Это ожиданіе почему-то затянулось, такъ что я уже начиналъ тяготиться своимъ положеніемъ. Наконецъ, за дверью послышались чьи-то быстрые шаги и въ залу вошелъ сѣдой старикъ въ черномъ полукафтанѣ и треугольномъ своеобразнаго покроя беретѣ. Необычная живость движеній, быстрота рѣчи и блестящіе черные глаза сразу показывали въ немъ уроженца неаполитанской провинціи.

Съ первыхъ же словъ, однако, стало для меня ясно, что мои страхи были ложны и что всѣ полученныя мною свѣдѣнія объ этомъ ученомъ по меньшей мѣрѣ односторонни. Узнавъ о моихъ отношеніяхъ къ московскому университету, о. Гарруччи повелъ рѣчь о Москвѣ, о московскомъ археологическомъ обществѣ, о гр. Уваровѣ и ученыхъ трудахъ послѣдняго. Въ концѣ концовъ, онъ не только заявилъ сочувствіе моимъ цѣлямъ, но и выразилъ полную готовность содѣйствовать мнѣ всѣмъ, чѣмъ только можетъ. А это содѣйствіе было для меня тѣмъ важнѣе, что большая часть

надписей, сверхъ ожиданія, оказалась у него, въ его личномъ владѣніи, чего доселѣ не зналъ ни одинъ изъ ученыхъ, къ которымъ я обращался въ Римѣ, и поэтому я могъ приступить къ изслѣдованію оригиналовъ сейчасъ же.

Нуждаясь въ помощи рисовальщика, я попросилъ у о. Гарруччи позволенія привести съ собою моего соотечественника, художника Реймана. При звукѣ этого не-русскаго имени, лицо почтеннаго археолога вдругъ приняло суровое выраженіе и затѣмъ послѣдовалъ вопросъ: „да это Русскій, а не Нѣмецъ?“ Я долженъ былъ объяснить, что не-русскаго здѣсь одно имя, что онъ дѣйствительно мой соотечественникъ, давно живущій въ Римѣ, и проч. Первый мой визитъ кончился приглашеніемъ придти вмѣстѣ съ моимъ товарищемъ въ тотъ же день, часовъ около пяти, послѣ ихъ братскаго обѣда и обычной итальянской сьесты (послѣобѣденный сонъ).

Въ назначенное время мы звонили въ ворота конвента, и минутъ черезъ пять послѣ экзамена, даннаго г. Рейману относительно его національности, о. Гарруччи повелъ насъ въ самый верхній этажъ зданія, туда, гдѣ, по его словамъ, хранились фалисскіе оригиналы. Зная этого ученаго, какъ владѣльца многихъ археологическихъ цѣнностей, мы ожидали, что сейчасъ увидимъ его частный музей; но каково же было наше удивленіе, когда вмѣсто того мы очутились на чердакѣ, подъ самой кровлей, гдѣ въ беспорядкѣ валялись поломанная мебель, лохмотья монашескихъ одеждъ, старыя шляпы, пустыя бутылки и прочій домашній скарбъ. Отворивши маленькую дверь и введши насъ въ такую обстановку, о. Гарруччи не безъ смѣха замѣтилъ: „вотъ вамъ музей мой!“ Тутъ онъ съ грустью рассказалъ намъ, какъ сильно пострадали его собранія древностей при конфискаціи Collegio Romano и всей прежней резиденціи іезуитовъ въ Римѣ, въ пользу новаго правительства.

— „Предметы мелкіе и рѣдкіе,—между прочимъ говорилъ онъ,—я еще храню кое-какъ у себя, въ моей комнатѣ, большіе же камни частью здѣсь на чердакѣ, частью на лѣтней нашей дачѣ въ Кастель-Гандольфо, близъ Альбано. Что дѣлать? времена переменчивы“.

Около десяти дней провели мы затѣмъ подъ слуховымъ окномъ этого чердака, читая и калькируя фалисскіе камни, и хозяинъ, усердно въ ту пору работавшій надъ своимъ монументальнымъ трудомъ *Storia dell'arte Cristiana*, по нѣскольку разъ въ день приходилъ къ намъ и помогалъ своими указаніями, совѣтами и книгами *). Познакомившись ближе, онъ пригласилъ насъ и въ свою личную квартиру: не безъ удивленія мы смотрѣли на эту единственную комнатку, занимаемую семидесятилѣтнимъ ученымъ, котораго знаетъ всякій, имѣющій соприкосновеніе съ римской исторіей и археологіей. Та маленькая гостинная, въ которой мы видѣли его въ первый разъ, оказалась общей при-

*) Черезъ его посредство мы имѣли счастливую возможность познакомиться и съ нашимъ соотечественникомъ, о. П. О. Пирлингомъ, принадлежащимъ тому же католическому ордену. Уроженецъ Петербурга и воспитанникъ петербургской гимназіи, онъ еще въ ранніе юношескіе годы уѣхалъ въ Римъ слушать лекціи въ знаменитомъ Collegio Romano и, поступивъ здѣсь въ орденъ іезуитовъ, уже не имѣлъ возможности вернуться въ Россію. Въ о. Пирлингъ орденъ имѣетъ теперь виднаго и дѣятельнаго ученаго. Специальность его—исторія и преимущественно русская въ ея сношеніяхъ съ Римомъ. Лѣтомъ 1880 г. онъ много работалъ въ архивахъ и бібліотекахъ Рима. Изъ печатныхъ трудовъ пользуются извѣстностью 1) его большая монографія: *Rome et Démétrius—d'après des documents nouveaux*. Paris 1878; 2) *La Sorbonne et la Russie* (1717—1747); 3) *Antonii Possevini Missio Moscovitica*. Paris 1882 и 4) общана монографія: *Rome et Moscou* (1547—1579). Изъ центра Россіи, изъ той самой Москвы, миновавшая судьбу которой онъ такъ усердно изучаетъ вдали отъ насъ, теперь мы шлемъ ему сердечную благодарность за устройство нашихъ научныхъ дѣлъ въ римскомъ іезуитскомъ конвентѣ въ такую минуту, когда въ авторитетной помощи мы сильно нуждались.

емной для цѣлаго этажа; изъ живущихъ же здѣсь никто не имѣетъ болѣе одной комнаты. Тутъ у нихъ помѣщаются книги, рабочіе столы и конторки, гардеробъ и постель. Въ этой комнатѣ о. Гарруччи держитъ свою бібліотеку, нумизматическія и другія археологическія коллекціи. Смотри на такую тѣсноту квартиръ и бѣдность обстановки, нельзя было не убѣдиться въ чрезвычайной скромности ученыхъ ордена, денежные средства котораго, какъ говорятъ, не оставляютъ желать ничего лучшаго.

Неоднократныя бесѣды о. Гарруччи ясно показали намъ, что этотъ ученый—не сторонникъ нѣмецкихъ археологовъ, работающихъ на Капитоліѣ, особенно тѣхъ молодыхъ докторовъ, которые являются въ Италію на короткое время и спѣшать, по его словамъ, заявить свою эрудицію полемикой съ итальянскими авторитетами... *).

— „Эти ребята (*ragazzi*)—говорилъ онъ—каждый годъ пріѣзжаютъ сюда цѣлыми компаніями и, не успѣвъ осмотрѣться во всемъ разнообразіи сокровищъ, представляемыхъ нашей страной, хватаются за первый попавшійся вопросъ; дѣлая здѣсь свою ученую карьеру, они стараются удивлять своихъ профессоровъ отрицаніемъ нашихъ авторитетовъ и грубымъ обращеніемъ съ нашей итальянской наукой. Я прежде ревностно посѣщалъ собранія этого Прусскаго Института и печаталъ свои изслѣдованія въ его органахъ, но послѣ увидѣлъ, что въ мои лѣта не стоитъ ломать перьевъ и тратить времени на препирательства съ этими ребятами“.

Мы не будемъ вдаваться въ какую либо критику приведенныхъ здѣсь словъ; для ясности скажемъ только, что

*) Впрочемъ, кто читалъ его сочиненіе: *De'Canoni Epigrafici di Federico Ritschl* (Roma 1870) и знакомъ съ его *Sylloge Inscription. Latina*, тотъ знаетъ отношеніе его и къ корифеямъ нѣмецкой науки.

этому ученому, писавшему въ теченіе пятидесяти лѣтъ литературной дѣятельности чрезвычайно много и касавшемуся въ своихъ многочисленныхъ монографіяхъ, мемуарахъ, замѣткахъ, большихъ и малыхъ сборникахъ всевозможныхъ вопросовъ италійской, классической и христіанской археологіи, естественно приходилось потомъ болѣе всѣхъ другихъ, нынѣ дѣйствующихъ, италійскихъ ученыхъ подвергаться нападкамъ и полемикѣ молодыхъ нѣмецкихъ археологовъ, изъ которыхъ каждый избираетъ для своихъ изслѣдованій обыкновенно вопросы спеціальные и небольшіе по объему и потому имѣетъ возможность разрабатывать задачу со всею обстоятельностью и полнотою—до самыхъ мелкихъ деталей.

Съ окончаніемъ римскихъ работъ, мы должны были приготовиться къ путешествію внутрь Апеннинскаго полуострова, въ прежнія земли Фалсковъ, Сабинянъ, Пелигновъ, Марсовъ и пр. Всѣ эти мѣста лежатъ въ сторонѣ отъ дороги обычныхъ путешественниковъ, и потому необходимо было собрать предварительныя свѣдѣнія о характерѣ жителей и заранѣе намѣтить археологическія станціи. Здѣсь оказали намъ любезное содѣйствіе два римскіе ученые: чиновникъ главнаго управленія по дѣламъ раскопокъ, Ф. Барнабен и членъ Нѣмецкаго Археологическаго Института, Генрихъ Дрессель.

Зная близко тѣ провинціи, по которымъ долженъ былъ проходить мой путь, они снабдили меня подробнымъ маршрутомъ, указали мнѣ мѣстныхъ ученыхъ и антикваріевъ, помощь которыхъ могла быть для меня особенно полезной, обозначили наиболѣе интересныя въ археологическомъ отношеніи пункты, которыхъ я не долженъ былъ забывать или игнорировать, и т. п. Эти подробныя указанія, вмѣстѣ съ рекомендательными письмами и визитными карточками къ

правительственнымъ инспекторамъ раскопокъ и начальникамъ музеевъ, такъ облегчили мою задачу, что почти все дальнѣйшее путешествіе было уже скорѣе пріятной прогулкой, чѣмъ дѣломъ болѣе или менѣе тяжелаго труда. Сверхъ всего этого, чтобы сберечь время въ предстоявшей поѣздкѣ, гг. Барнабен и Дрессель посовѣтовали мнѣ предварительно списаться съ лицами, наиболѣе для меня нужными, и просить ихъ содѣйствія въ розысканіи надписей какъ уже изданныхъ и извѣстныхъ филологической наукѣ, такъ и матеріаловъ новыхъ, почему либо еще не появившихъ въ печать. Скорость полученія отвѣтовъ и обязательный тонъ ихъ напередъ говорили намъ, что мы будемъ имѣть дѣло съ учеными, любезными и готовыми на помощь иноземцу. Но, какъ увидимъ дальше, дѣйствительность далеко превзошла мои ожиданія.

Оставалось обойти въ послѣдній разъ главные пункты древняго Рима, сдѣлать нѣсколько прощальныхъ визитовъ и отправиться въ дальнѣйшій путь. Кто бывалъ здѣсь самъ и успѣлъ ознакомиться съ характеромъ города, гдѣ что ни шагъ, то достояніе исторіи, тотъ навѣрно знаетъ, какъ трудно разставанье съ Римомъ, какъ выѣздъ обыкновенно откладывается со дня на день и какъ въ эти послѣдніе дни овладѣваетъ вами та же безпомощность, которую вы испытывали здѣсь въ первыя недѣли вашихъ антикварскихъ и художественныхъ увлеченій... Хочется при этомъ окинуть прощальнымъ взглядомъ и Капитолій, и древній Форумъ, разрытый теперь почти во всемъ его быломъ объемѣ—съ остатками храмовъ, колоннъ, базиликъ, торговыхъ и административныхъ зданій; хочется обѣжать Палатинъ съ его колоссальными руннами цезарскихъ дворцовъ и величавыми воспоминаніями республиканскаго и царскаго періода Рима; кажется неизбѣжнымъ побывать еще разъ въ Коллизеѣ и Пантеонѣ, обойти церковь св. Петра,

галереи Ватикана, виллы Боргези и Памфили и т. д. и т. д.— чѣмъ дальше, тѣмъ больше такихъ жгучихъ желаній...

Но время не ждало и оставить великій городъ было необходимо.

Слѣдуя маршруту, мы должны были отправиться прежде всего въ землю Фалисковъ, лежавшую между горою Сорактомъ на В. и Циминскимъ озеромъ (теперь Lago di Vico) на З. и занимаемую нынѣ городомъ Чивита-Кастеллана и окрестными селеніями, принадлежащими къ Римской провинціи. Между разными путями, ведущими въ эту мѣстность, наиболѣе короткій—по римско-флорентинской желѣзной дорогѣ до станціи Боргетто и оттуда влѣво—съ почтой.

Городъ расположенъ на высокой волнообразной равнинѣ; бѣдный на видъ, онъ представляетъ для ученаго интересъ болѣе окружающими его холмами, которые въ своихъ могиллахъ должны скрывать остатки давняго прошлаго этихъ мѣсть. Но, къ сожалѣнію, матеріальная скудость и недостатокъ мѣстныхъ интеллигентныхъ силъ до сихъ поръ препятствуютъ не только дальнѣйшему археологическому изученію этихъ холмовъ, но и служатъ причиной нерадѣнія къ тому, что уже открыли случай и счастье чужихъ ученыхъ, въ родѣ о. Гарруччи.

Сидиель города, къ которому мы обратились за содѣйствіемъ въ указаніи могилъ, разрытыхъ двадцать лѣтъ назадъ, вынужденъ былъ сознаться, что едва-ли кто-нибудь изъ мѣстныхъ жителей способенъ помочь мнѣ въ этихъ поискахъ... „Наша муниципія, замѣтилъ онъ, употребляетъ всѣ усилія на то, чтобы имѣть исторію своего города, но доселѣ существуетъ одна брошюра г. Тарквини, написанная диллеттантомъ и весьма поверхностно“. Справка съ этой по-

пыткой на исторію *) хотя и не привела насъ ни къ чему, такъ какъ, повидимому, виѣ цѣлей автора было заниматься подробно вопросомъ объ интересовавшихъ насъ фалисскихъ гробницахъ, но все же нельзя отрицать относительныхъ достоинствъ и этой книжки, написанной человѣкомъ, не принадлежащимъ къ классу ученыхъ и руководившимся въ своемъ трудѣ любовью къ отечественному городу и уваженіемъ къ его многолѣтней исторіи.

Впрочемъ, какъ бы то ни было, но намъ пришлось отыскивать фалисское кладбище самимъ, при помощи лишь карабиньера, даннаго синдикомъ въ наше распоряженіе, и одного молодого человѣка, г. дель-Фрате, учителя рисованія мѣстной школы, приглашеннаго нами для сниманія рисунковъ.

Фалисскія могилы найдены въ полуверстѣ отъ Чивита-Кастеллана за мостомъ Террано (ponte Terrano) по обѣимъ сторонамъ дороги, ведущей въ Санта-Марія-ди-Фаллери. Слѣдуя топографическому описанію, составленному о. Гарруччи, мы долго ходили по указанной мѣстности и, въ концѣ концовъ, нашли здѣсь утѣшительнаго весьма мало. Половина могилъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ была употреблена на починку шоссеиной дороги, при чемъ, разумѣется, погибли и надписи, высѣченныя и нарисованныя по стѣнамъ усыпальницъ. Другія служатъ для пригона козъ и овецъ въ холодное время года: загрязненныя и темныя, эти могилы не представляли для изслѣдованія никакой возможности. Третьи—сыры и поросли ползучими растеніями, такъ что оставаться въ нихъ долго было не безопасно. Четвертыя обращены во временные сараи и служатъ для храненія соломъ и сноповъ не задолго передъ тѣмъ сжатаго хлѣба.

*) Francesco Tarquini, Notizie Istoriche e Territoriali di Cività Castellana 1874.

Наконецъ, нѣкоторыя изъ нихъ находились въ состояніи полнѣйшаго разрушенія.

При такихъ обстоятельствахъ, работа была невозможна и потому найденное нами на этомъ кладбищѣ было столь мало по своему числу и такъ незначительно въ качественномъ отношеніи, что едва-ли стоитъ и упоминанія.

Будущій изслѣдователь древности этихъ мѣстъ, если таковой найдется между нашими молодыми археологами, долженъ будетъ остаться здѣсь на болѣе продолжительное время, чтобы прислушаться къ толкамъ простолюдиновъ о разныхъ случайныхъ находкахъ, выслѣдить мѣсто ихъ открытія и пр. Это чисто народное руководство приводитъ въ Италиі нерѣдко къ поразительнымъ результатамъ.

Дѣлаемъ это замѣчаніе потому, что и два наши вышеуказанные спутника, карабиньеръ и учитель элементарной школы, послѣ неудачныхъ поисковъ въ сторону route Tergano, указывали намъ на необходимость обслѣдованія холмовъ, съ другихъ сторонъ обрамляющихъ городъ: по ихъ словамъ, тамъ на разныхъ высотахъ существуютъ начертанія, похожія на буквы. Тщательному изученію должна быть подвергнута и территорія селенія Санта-Марія ди-Фаллери, находящагося на мѣстѣ Aequum Faliscum, употребленнаго Римлянами (въ 513 г. города) съ цѣлью выселенія покоренныхъ Фалисковъ изъ ихъ неприступной твердыни Фалерій, которую съ тѣхъ поръ они заняли своими колонистами. Обстоятельства отзывали насъ въ Аbruццы и затѣмъ въ Россію, и потому мы не имѣли возможности провѣрить эти сообщенія, основанныя очевидно на народной молвѣ.

Археологическія богатства Италиі неистощимы, и оттого нечего удивляться, что кто-либо изъ отечественныхъ ученыхъ, хотя бы изъ сосѣдняго Рима, не поселится здѣсь на достаточно продолжительный срокъ и не откроетъ для науки тайнъ этихъ любопытныхъ холмовъ. Случайность въ ходѣ архео-

логическихъ открытій продолжаетъ тамъ играть роль и до сихъ поръ, не смотря на всѣ посильныя страданія правительства регулировать это дѣло на пользу родной литературы и славу страны... Иностранцы и притомъ нерѣдко простые туристы случайно дѣлаютъ здѣсь такія пріобрѣтенія, которыя могли бы служить вознагражденіемъ продолжительныхъ исканій специалистовъ и которыя послѣ пополняютъ значительные пробѣлы науки. Что же касается собственно земли Фалисковъ, то ученые несомнѣнно будутъ съ теченіемъ времени знать о ней гораздо болѣе, чѣмъ знаютъ о небольшомъ народѣ, ея населявшемъ, теперь. И источникомъ такихъ откровеній послужатъ могилы съ ихъ надписями. Утверждаемъ такъ между прочимъ и по новѣйшей находкѣ нѣсколькихъ надписей близъ селенія Карбоньяно (Carrignano), опубликованныхъ въ прошломъ году г. Дреселемъ *).

Дальнѣйшій путь нашъ лежалъ въ страну народовъ сабинскаго происхожденія—Сабинянъ, Пелинговъ, Марсовъ и Пицентовъ, жившихъ въ центральныхъ и сѣверныхъ Аbruццахъ. Наиболѣе удобнымъ способомъ сообщенія было доѣхать до станціи Терни по вышеназванной желѣзной дорогѣ, и оттуда съ почтовымъ omnibusомъ отправиться въ Аbruццы до города Аквилы, нашей первой археологической станціи тѣхъ мѣстъ.

Терни, древняя Interamna, предполагаемая родина историка Тацита, расположена въ живописной долинѣ, обильно орошаемой двумя рукавами рѣки Неры. Своимъ внѣшнимъ видомъ этотъ городъ производитъ чрезвычайно пріятное впечатлѣніе. Роскошныя поля, обширныя виноградники, апель-

*) Bull. dell'Inst. di corrisp. Arch. 1881, стр. 151 и слѣд.

синные и лимонные сады, поросли маслинъ и аллеи пирамидальныхъ тополей и кипарисовъ окружаютъ его съ разныхъ сторонъ. А шумъ знаменитыхъ водопадовъ сосѣдней рѣки Веллио, наполняющій собою въ вечернюю и ночную пору весь городъ невольно вызываетъ въ путешественникѣ, ѣдущемъ изъ Рима, живое воспоминаніе о волшебномъ Тиволи и о всемірно-прославленныхъ каскадахъ его бурныхъ, пѣнящихся водъ. Печать обезпеченности и довольства лежитъ на всемъ населеніи, источники доходовъ котораго составляютъ винодѣліе и богатые сборы съ хорошо обработанныхъ полей. Положеніе на большомъ римско-флорентинскомъ трактѣ отразилось, повидному, и значительной облагороженностью формъ жизни. Чистота улицъ, опрятное содержаніе общественныхъ зданій и частныхъ домовъ, изящная обстановка кофеенъ и ресторановъ,—все эти, далеко незаурядныя свойства для обыкновеннаго провинціального города Италіи здѣсь бросаются въ глаза сами собою. Сборными пунктами въ вечернюю и праздничную пору служатъ такъ-называемая Piazza и бульваръ, съ отличнымъ видомъ на городъ, долину и окрестныя горы съ ихъ водопадами. Кромѣ удовольствія прогулокъ, публику привлекаетъ сюда еще и разнообразная музыка, играющая въ кофейняхъ и остеріяхъ, обыкновенно переполненныхъ тогда посѣтителями: тутъ услышите вы и шарманку съ неизмѣнной аріей изъ „Лючіи“, и мандолину съ гитарой, и романсы, исполняемые хоромъ и соло. Мѣстная аристократія по вечерамъ собирается въ опрятномъ и богато освѣщенномъ Caffè Americano на piazzę и здѣсь за чашкой кофе или мороженымъ и газетой слушаетъ игру на фортепьяно. Любители упражняются въ кости и шахматы. Вечеръ здѣсь оканчивается поздно, за-полночь.

Такимъ показался намъ уютный городокъ Терни въ теченіи нѣсколькихъ часовъ, проведенныхъ здѣсь нами въ ожиданіи отхода почты въ сторону Абрुццъ.

Къ двумъ часамъ по-полуночи пассажиры, ѣхавшіе по одному съ нами направленію, собрались въ конторѣ дилижансовъ—и чрезъ нѣсколько минутъ омнибусъ, запряженный сытымъ восьмерикомъ, двинулся въ путь. Проѣхавъ долину, на значительномъ пространствѣ представлявшую собою сплошной садъ изъ оливокъ и винограда, дилижансъ началъ понемногу подниматься вверхъ. Этотъ подъемъ становился затѣмъ все замѣтнѣе и не смѣнялся никакимъ спускомъ. Какъ это обстоятельство, такъ и свѣжесть воздуха, не смотря на начало іюля, заставлявшая ежиться чувствительныхъ къ холоду Итальянцевъ, показывали, что мы вступили въ горную область.

Этими горами были Абрुццы.

IX.

Дорога до Аввилы.—Аввила.—Экскурсія въ Амитернъ.—Мѣстные ученые.

Съ именемъ Аbruццъ обыкновенно возникаетъ представленіе о странѣ дикой, о грубыхъ нравахъ, о разбойничествѣ, которымъ прославили себя жители этихъ горъ въ былую пору. Отправляясь сюда, почему-то не ждешь ни хорошихъ путей сообщенія, ни прочихъ удобствъ, всегда возможныхъ въ другихъ путешествіяхъ. Разказы объ абруццскихъ разбойникахъ, читанные въ давніе годы и также давно забытые, сами собою выступаютъ теперь наружу и сильно дѣйствуютъ на воображеніе. Въѣзжая въ эти горы, въ первое время не можешь отвязаться отъ мысли, что настоящее путешествіе не похоже на всѣ остальные, что оно не обойдется безъ неприятныхъ встрѣчъ и лишеній. Успокоительныя рѣчи вашихъ итальянскихъ знакомыхъ, съ которыми вамъ раньше приходилось говорить объ Аbruццахъ, кажутся при этомъ не болѣе какъ любезнымъ желаніемъ ободрить незнающаго мѣстности иностранца. А присутствіе въ омнибусѣ вооруженнаго карабиньера и шашка, лежащая вблизи кучера, только усиливаютъ это ожиданіе чего-то недобраго въ пути, по которому рѣдко проходятъ иностранцы и о которомъ они знаютъ такъ мало.

Но по мѣрѣ того, какъ утро начинало становиться яснѣе, эти мрачныя мысли разсѣивались сами собою. Такъ, прежде всего должна была остановить наше вниманіе широкая и

гладкая дорога, которая поднималась разнообразными зигзагами все выше и выше. Это шоссе, съ которымъ по исправности и гладкости не можетъ сравниться ни одна большая дорога Россіи, не исключая и окрестныхъ мѣстъ Петербурга, Москвы, Кіева, Варшавы и другихъ видѣнныхъ нами большихъ городовъ *), свидѣтельствовало о громадной затратѣ труда, употребленнаго на проложеніе его среди скаль и часто на такихъ крутизнахъ, что спиральная форма пути оставалась единственно возможной. Впрочемъ свойства почвы Апеннинскаго полуострова приучили его жителей издавна къ обращенію съ камнемъ, и потому, можетъ быть, нѣтъ другого народа въ Европѣ, столь способнаго къ миннымъ и инженернымъ работамъ, какъ Итальянцы. Кто ѣзжалъ по желѣзнымъ дорогамъ Италіи и бывалъ около Болоньи съ ея сорока-шестью туннелями или на линіи Спеція-Генуя съ ея ста-тремя туннелями, изъ которыхъ иные тянутся на два—на три километра,—тотъ знаетъ, сколько они должны были долбить свои горы и какого страшнаго труда должно было это имъ стоить. Итальянецъ, не находя земляныхъ работъ дома, уходитъ далеко за-границу: такъ въ 1874 г. мы видѣли большую партію землекоповъ-итальянцевъ въ Тюрингіи, которые работали здѣсь на строившейся тогда желѣзной дорогѣ. Несомнѣнно также, что Итальянцамъ принадлежитъ первенствующая роль и въ дѣлѣ прорытія С. Готардскаго и другихъ швейцарскихъ туннелей. Но мы уклонились въ сторону.

Хотя тихо, но безостановочно взбирался нашъ дилижансъ вглубь Аbruццъ. Города Ріэти, Читтадукале, Антродоко, Коппито и нѣкоторые другія селенія проходили предъ нами одинъ за другимъ, и такъ какъ наша дорога постоянно дѣ-

*) Исключеніе составляетъ наша военно-грузинская дорога, принадлежащая къ числу замѣчательнѣйшихъ созданій инженернаго искусства.

лала неизбежные повороты, то мы могли любоваться ихъ видами по нѣскольку разъ, съ различныхъ сторонъ и высотъ. Большинство этихъ городковъ и селеній, за исключеніемъ Ріэти, смотрятъ такъ бѣдно, что Терни предъ ними могъ считаться столицей. Скучность этихъ мѣстъ должны были чувствовать особенно тѣ изъ насъ, кто не запасся ничѣмъ съѣстнымъ на дорогу и потому долженъ былъ платить за плохую ветчину, дурно приготовленный сыръ и вино—единственные продукты, которые можно было достать на этомъ пути—тройныя цѣны противъ дѣйствительной стоимости ихъ въ большихъ городахъ.

Съ города Коппито дорога стала ровнѣе, и мы скоро выѣхали въ горную долину рѣки Атерна. Эта равнина, послѣ нѣсколькихъ часовъ ѣзды, закончилась высокимъ холмомъ съ большимъ городомъ на его вершинѣ. То была ближайшая цѣль нашей поѣздки—Аквила, главный городъ провинціи этого имени.

При видѣ всякаго большаго города Италіи, уже напередъ ждешь, что вотъ снова охватитъ васъ тотъ нескончаемый шумъ и гамъ, который возможенъ только въ этой странѣ и нигдѣ болѣе въ Европѣ,—странѣ, гдѣ на улицахъ не просто говорятъ, а непремѣнно кричатъ, не просто бесѣдуютъ и толкуютъ о своихъ обыденныхъ интересахъ, но какъ будто всѣ горячо спорятъ и ссорятся до готовности вступить каждую минуту въ рукопашный бой, гдѣ торговцы вмѣсто печатныхъ и всевозможными способами размалеванныхъ рекламъ и объявленій, пускаютъ въ ходъ свое крѣпкое горло и несказанной звучностью голосовъ привлекаютъ вниманіе публики къ своимъ товарамъ. Всего этого ожидали мы, приближаясь къ широко и живописно разстилавшейся передъ нами Аквилѣ.

Ничего подобнаго, однако, здѣсь не оказалось. Городъ, при своемъ значительномъ населеніи, необыкновенной ти-

шиной сдѣлалъ бы честь любой захолустной мѣстности Германіи. Мы не встрѣтили ни этихъ надобдливыхъ зазываній въ свои лавки со стороны торговаго люда, ни пронзительныхъ выкрикиваній по поводу чудесныхъ свойствъ тросточекъ, спичекъ, ваксы, водъ, овощей и фруктовъ,—ничего, что неизбежно для всякаго другого города Италіи и что тамъ носится и гудитъ около васъ съ ранняго утра и до глубокой ночи.

Аквила—городъ исключительно земледѣльческій и служитъ главнымъ хлѣбнымъ рынкомъ провинціи, вслѣдствіе чего въ день нашего приѣзда, оказавшійся кануномъ педѣльнаго базара, вся площадь была выстлана цыновками съ разнымъ зерномъ. Стояли первыя числа іюля и потому изъ всѣхъ окрестностей съѣзжались сюда торговать новымъ, только что снятыхъ хлѣбомъ. Вокругъ этихъ рогожъ и цыновокъ толпились продавцы и покупатели и толковали о товарѣ тихо, безъ криковъ и спора, точно въ какомъ-нибудь укромномъ уголкѣ Баваріи. Непохожа была Аквила на итальянскій городъ и на другой, базарный день недѣли. За ночь навезли хлѣба столько, что площадь и сосѣднія центральныя улицы представляли сплошную житницу: зерно лежало на возахъ, въ куляхъ, разсыпано было по цыновкамъ и рогожамъ. Около ходилъ и толпился народъ, собравшійся сюда изъ сосѣднихъ горныхъ селеній—и опять тѣни сходства не было съ обычнымъ итальянскимъ рынкомъ: торговля шла совершенно тихо и спокойно. Покупали и продавали хлѣбъ, косы, серпы, плуги, топоры, прялки и прочія орудія, необходимыя въ сельско-хозяйственномъ быту.

Необыкновенной сдержанностью и приличіемъ тона отличаются здѣсь и кофейни съ простонародными остеріями: ни пьяныхъ, ни безобразнаго галдѣнья и ругательствъ, безъ чего не обходится, къ нашему стыду, ни одинъ русскій провинціальный базаръ и безъ чего немислмы наши мрачныя и грязныя трактиры, харчевни и питейные дома...

Смотря на это повсюду разсыпанное зерно, на эти сельскохозяйственные орудия и на эту массу черных, загорьлых хлѣбопашцевъ, единственную заботу которыхъ составляли, повидимому, хлѣбъ и поле, трудно было предполагать, чтобы въ этомъ земледѣльческомъ городѣ существовали другіе, высшіе интересы науки, литературы и искусства. А между тѣмъ ничего не могло быть обиднѣе такого предположенія для города, о которомъ идетъ рѣчь.

Не говоря о высшемъ техническомъ училищѣ, гимназій, нормальной школѣ, нѣсколькихъ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, каковы городскія школы, о мѣстной провинціальной газетѣ, муниципія Аквилы въ послѣдніе годы приступила къ постройкѣ огромнаго зданія для помѣщенія гимназій, музея мѣстныхъ древностей и картинной галлерей, находящейся теперь, вмѣстѣ съ большою коллекціей портретовъ „знаменитыхъ аквиланцевъ“, въ зданіи думы. Въ числѣ двигателей этого дѣла видную роль играетъ нѣкто Раффаэле Каварокки, одинъ изъ чиновниковъ мѣстной префектуры. Филологъ по образованію, штудировавшій въ молодости въ пизанскомъ университетѣ, онъ много работаетъ теперь для собиранія разбѣянныхъ памятниковъ сабинской земли во-едино. Мечту его жизни, по его словамъ, составляетъ тотъ день, когда будетъ открытъ новый, просторный и удобный музей, въ который потекутъ приношенія владѣльцевъ антикварныхъ коллекцій и отдѣльных предметовъ классической древности. Съ этою онъ цѣлью ведетъ обширную переписку со всѣми, кто только можетъ быть полезенъ для этого дѣла, склоняя ихъ на пожертвованіе своихъ, часто безъ всякой пользы и невѣдомо для науки лежащихъ, остатковъ римской и италійской старины. Онъ слѣдитъ за народной молвою о случайныхъ археологическихъ находкахъ и всячески пропагандируетъ необходимость правильныхъ раскопокъ на территоріи сосѣдняго Амперна, который былъ главнымъ городомъ

сабинской земли и, по преданію, метрополіей многихъ народовъ сабелло-самнитскаго корня. Имя г. Каварокки въ настоящее время неразрывно связано съ успѣхами аквиланской археологіи. Страстно увлеченный „величіемъ и трудностью“ своей добровольной задачи, онъ представляетъ собою своеобразный и въ высшей степени симпатичный типъ любителя-антикварія своихъ мѣсть. Горячность темперамента, направляющаяся у него на столь почтенныя цѣли, дѣйствуетъ заражающимъ образомъ на собесѣдника, и потому воодушевленная его пропаганда конечно не останется безъ благотворныхъ результатовъ для науки. Камни съ надписями, предметы домашней утвари древнихъ обитателей этихъ мѣсть и разные архитектурные фрагменты, въ томъ или другомъ отношеніи представляющіе интересъ для исторіи римскаго зодчества, мало-помалу поступаютъ уже и теперь въ магазины строящагося музея.

Предварительными свѣдѣніями объ этомъ археологѣ-любителѣ мы обязаны были гг. Барнабен и Дресселю, отзывавшимся о благородныхъ чертахъ его характера съ большимъ сочувствіемъ. Отвѣтъ его на наше письмо, посланное ему изъ Рима, тоже говорилъ намъ, что въ Аквилѣ мы найдемъ любезнаго и надежнаго руководителя по этой полосѣ абруццской территоріи. И личная встрѣча съ нимъ убѣдила насъ, что мы далеко не ошиблись въ нашихъ скромныхъ ожиданіяхъ.

Стоило мнѣ показаться въ префектурѣ и заявить одному изъ чиновниковъ о своемъ прибытіи сюда ради г. Каварокки, какъ послѣдній сейчасъ же оставилъ свою службу и повелъ меня въ магазинъ древностей, приготовляющихся для музея. Надписи, о которыхъ мы просили его раньше, были готовы и лежали на виду, готовы были и матеріалы, неизбежныя для сниманія копій. Вслѣдствіе этого мы могли приступить къ работѣ, не теряя ни минуты.

Пока бумажные слѣпки съ надписей должны были сохнуть, г. Каварокки предложилъ отправиться въ зданіе муниципіи для осмотра хранящейся тамъ издавна коллекціи римскихъ древностей и для ознакомленія съ двумя картинными галлереями. Одна изъ нихъ состоитъ изъ произведеній туземныхъ живописцевъ и уже этимъ однимъ должна будетъ привлекать вниманіе историка итальянской живописи. Вторая заключаетъ въ себѣ длинный рядъ портретовъ знаменитыхъ Аквиланцевъ, когда-либо прославившихъ отечественный городъ своей дѣятельностью на различныхъ поприщахъ службы. Эти портреты заслуживаютъ вниманія какъ со стороны художественной, такъ и въ особенности по тѣмъ благороднымъ и на невольное уваженіе называющимъ мотивамъ, которые заставляли жителей этого города чувствовать лучшихъ своихъ гражданъ увѣковѣченіемъ ихъ изображеній.

Любовь Аквиланцевъ къ искусствамъ доказывается существованіемъ здѣсь и частныхъ галлерей, каковы картинная галлерея такъ назыв. палаццо Торресъ съ нѣсколькими произведеніями Доменикино, Тиціана, Паоло Веронезе, Гвидо Рени, и коллекція картинъ въ палаццѣ маркиза Драгонетти, интересъ которой составляютъ произведенія Спльвестро и Помпео д'Аквила, Кола д'Аматриче, Риберы, Доменикино, Вивіани и др.

Желая сдѣлать мое пребываніе въ Аквилѣ наиболее приятнымъ, г. Каварокки представилъ меня семейству попечителя учебныхъ заведеній округа г. Ребеккини, состоящему изъ мужа и жены, нашей соотечественницы, урожденной баронессы фонъ-Штейнъ *).

*) Имя г-жи Ребеккини извѣстно въ итальянской литературѣ между прочимъ по переводу историческаго труда, появившемуся въ прошломъ году подъ заглавіемъ „La Letteratura Italiana alla corte d'Austria del Dr.

Эти любезные и просвѣщенные люди сдѣлали все, чтобы показать намъ свое радушное гостепріимство: оказалось, что моего прибытія они уже ждали нѣсколько дней. Здѣсь, между прочимъ, на слѣдующее утро назначена была поѣздка на развалины древняго города Амитерна и послѣ въ пять часовъ пополудни обѣдъ въ тѣсномъ дружескомъ кружкѣ у г-жи Ребеккини.

Вечеръ этого дня мы провели въ семьѣ самого г. Каварокки. Чрезвычайная скромность тѣсной квартиры и полки съ книгамъ, между которыми особенно выдавались волюминозныя и дорого стоящія собранія латинскихъ и италійскихъ надписей, какъ *Corpus Inscriptionum Latinarum*, изданія берлинской академіи наукъ, и *Corpus Inscriptionum Italiae* Фабретти, кромѣ всего остального, говорили объ ограниченности матеріальныхъ средствъ и о научности стремленій этого захолустнаго и малозвѣстнаго труженика. Присматривая вмѣстѣ съ нимъ его археологическіе инвентари, мы имѣли замѣчательной случай убѣдиться, между прочимъ, въ томъ, съ какою любовью слѣдитъ онъ за остатками древней письменности своей и смежныхъ провинцій.

Любезность хозяина и его многочисленной семьи, собравшейся въ полномъ составѣ въ крошечной гостиной, ихъ рассказы о родныхъ Абруццахъ, разпросы о Россіи, посвященіе насъ самимъ г. Каварокки въ его разнообразныя научныя планы,—все это вызываетъ теперь свѣтлое и благо-

Marco Landau. Aquila 1880. Въ текущемъ году профессоръ болонскаго университета, Francesco Acri посвятилъ ей свой прекрасный переводъ діалога Платона: *Il Critone ovvero di Quello che si dee fare Dialogo di Platone Bologna 1882*. Въ посвященіи авторъ называетъ г-жу Ребеккини „Donna meravigliosa quanto niuna Tedesca fu mai per dottrina in Filosofia e in Lettere“. Въ честь этой замѣчательно ученой женщины мѣстный поэтъ филологъ E. Casti сложилъ и напечаталъ хвалебный латинскій гимнъ, „Phaleucium“ (Aquila 1882).

дарное воспоминаніе. Около полуночи хозяинъ проводилъ меня до моей квартиры и обѣщалъ явиться завтра въ пять часовъ утра, чтобы затѣмъ вмѣстѣ поѣхать на территорію Амитерна.

И дѣйствительно, въ указанное время почтовая коляска уносила гг. Каварокки, Ребеккини и меня изъ города по направлению къ бывшей столицѣ древнихъ Сабинянъ и родинѣ Саллюстія. Дорога пролегала по долинѣ, культура которой сдѣлала бы честь подгородной мѣстности любой изъ европейскихъ столицъ. При видѣ этихъ зеленѣвшихъ луговъ съ роскошной, сочной травой, этихъ превосходно распашанныхъ и выхоженныхъ полей съ занимавшейся вторичной нивой въ однихъ мѣстахъ и золотистой, снимавшейся въ другихъ, трудно было воздержаться отъ невольнаго восторга, и краска стыда выступала сама собою при мысли, что не далѣе какъ три-четыре дня назадъ эти Абрुццы представлялись мнѣ странюю чуть не дикой, крайне бѣдной и небезопасной для путешествія...

Черезъ часъ мы были на мѣстѣ древняго Амитерна. Въ настоящее время здѣсь разстилаются поле и обширный лугъ съ остатками большого амфитеатра и нѣсколькими другими незначительными руинами, да на сосѣдномъ холмѣ стоитъ церковь въ честь св. Викторина, мѣстнаго епископа, стяжавшаго себѣ мученическій вѣнецъ въ правленіе императора Траяна. Когда мы подъѣзжали сюда, на колокольнѣ звонили къ обѣднѣ. Въ храмѣ находились двѣ-три поселянки изъ ближайшей деревни и преклонныхъ лѣтъ старикъ-священникъ, готовившійся приступить къ богослуженію. Увидя въ нашихъ спутникахъ своихъ знакомцевъ, онъ сейчасъ же вызвался показать намъ достопримѣчательности своего мѣста и въ особенности небольшія катакомбы, находящіяся на пятнадцать ступеней ниже храма. Со свѣчами въ рукахъ мы спустились въ подземелье и здѣсь подлѣ саркофага

св. Викторина выслушали рассказъ о главныхъ чертахъ жизни и мученичествѣ покровителя этой церкви.

Тутъ же почтенный старецъ повелѣлъ рѣчь о себѣ самомъ, о своей болѣе чѣмъ пятидесятилѣтней службѣ въ званіи священника этой деревни и... въ заключеніе, пригласилъ къ себѣ—отвѣдать вина его собственныхъ лозъ и попробовать его домашнего сыра. Въ виду ранняго времени и особенно того, что маленькая паства любезнаго патера еще ждала своей мессы, мы поспѣшили отказать отъ такого неожиданнаго гостепріимства.—Подобно многимъ деревенскимъ священникамъ Абруццъ, и этотъ преклонный старикъ, кромѣ средствъ съ бѣднаго прихода, живетъ своимъ садомъ и маленькой остеріей, которую онъ держитъ въ своемъ домѣ. Въ воскресные и праздничные дни богомольцы, собирающіеся изъ сосѣднихъ селеній, послѣ обѣдни обыкновенно завертываютъ къ батюшкѣ и здѣсь за ничтожную плату получаютъ вино, сыръ, ветчину, яйца и тому подобные продукты. Духовный пастыръ превращается теперь въ простаго хозяина сельской рестораціи и самъ прислуживаетъ гостямъ. Наши спутники серьезно завѣряли, что при этомъ не бываетъ никакихъ злоупотребленій ни со стороны хозяевъ, ни со стороны всегда почтительныхъ и пристойно держащихъ себя гостей, а потому ни населеніе, ни власти не заявляютъ протеста противъ этого давняго, съ незапамятныхъ поръ укоренившагося народнаго обычая.

Какъ церковь св. Викторина, такъ и въ особенности подлѣ стоящая колокольня (такъ назыв. Torre d'Amiterno) выстроены изъ какого-то общественнаго зданія города Амитерна. Камни съ большими и длинными надписями при этомъ шли въ работу, какъ простой кирпичъ, и клались въ стѣны, какъ приходились удобнѣе, вслѣдствіе чего надписи теперь лежатъ то бокомъ, то вверхъ ногами. Изученіе ихъ, которымъ занимались здѣсь не разъ пріѣзжавшій сюда профессоръ

Моммсенъ и нѣкоторые изъ многочисленной фаланги его молодыхъ учениковъ, возможно только съ лѣстницы. Эти исписанные камни да развалины вышеупомянутаго амфитеатра, стоящаго въ долину, до самаго послѣдняго времени, служили единственными свидѣтелями существованія здѣсь большого города, исчезнувшаго подъ полемъ, ничѣмъ неотличающимся теперь отъ всѣхъ остальныхъ полей. Нива съ него еще не вся была снята въ ту пору, когда мы ходили по этимъ мѣстамъ. Какъ и когда былъ окончательно разрушенъ этотъ городъ и вслѣдствіе какихъ причинъ развалины его ушли впослѣдствіи такъ глубоко въ землю, что на новомъ словѣ земли уже давно спокойно пахутъ и сѣютъ, нѣтъ и ничто не дастъ теперь должнаго отвѣта....

Археологическія раскопки начались здѣсь только съ недавняго времени и главнымъ образомъ по настоянію г. Каварокки. Доселѣ открыто зданіе публичныхъ термъ и въ концѣ 1880 года найдены остатки значительнаго по своимъ размѣрамъ театра. „Касательно Амитерна,—пишетъ намъ г. Каварокки отъ 21 января 1881 г.—снѣшу сообщить, что недавно, подъ моимъ руководствомъ и съ помощью одного изъ начальниковъ помпейскихъ раскопокъ, произведены здѣсь раскопки, давшія намъ поразительные результаты. Мы открыли театръ, который по размѣрамъ гораздо больше геркуланскаго. Нижнія ступеньки хорошо сохранились и представляютъ нумера мѣстъ. При этомъ найдены большая герма Геркулеса, значительный фрагментъ гермы какой-то богини и сверхъ этого въ одномъ изъ внутреннихъ крытыхъ ходовъ большое число человѣческихъ костей,—обстоятельство, наводящее меня на мысль, что этотъ театръ служилъ кладбищемъ, послѣ того какъ языческій городъ сдѣлался христіанскимъ,—и повсюду масса архитектурныхъ украшеній, замѣчательныхъ своимъ большими размѣрами. Все это я храню для будущаго музея. Окончивъ дѣло съ театромъ,

приступлю къ разрытію мѣстности, которая была несомнѣнно кладбищемъ Амитерна“.

Около пяти часовъ пополудни, въ домѣ г-жи Ребеккини собрался тѣсный кружокъ знакомыхъ. Скоро завязавшаяся и быстро достигшая, какъ это обыкновенно бываетъ у итальянцевъ, сильнаго оживленія бесѣда имѣла своимъ предметомъ вопросы народнаго просвѣщенія Италіи, тамошнія среднія и высшія учебныя заведенія, сельскія школы и проч. Экономическая бѣдность страны, низкая степень многихъ существенныхъ отраслей отечественной промышленности и, какъ неизбежное слѣдствіе этого, постоянная зависимость отъ иностранцевъ, не говоря уже о глубокой умственной тѣмѣ сельскаго люда Италіи, заставляли аквиланскихъ педагоговъ желать своему отечеству большаго развитія техническихъ и реальныхъ знаній, умноженія элементарныхъ школъ по всѣмъ провинціямъ и вообще поднятія народнаго образованія надъ тѣмъ уровнемъ, на которомъ оно стоитъ здѣсь въ настоящее время.

При этихъ горячихъ рѣчахъ, высказывавшихся съ силой полнаго убѣжденія людьми, уже пожилыми и близко знающими свой народъ, невольно отзывались въ душѣ и наши родные дебаты о тѣхъ же народныхъ нуждахъ, той же общей бѣдности, о нашихъ народныхъ и общественныхъ язвахъ. Одинаковое горе и одинаковыя нужды и здѣсь, и тамъ ставятъ ребромъ однѣ и тѣже вопросы: „что дѣлать? гдѣ искать средствъ для лучшаго будущаго?“

На другой день, съ раннимъ поѣздомъ Аbruцской желѣзной дороги, мы отправились въ сторону древнихъ Пелигновъ съ ихъ городами Корфиніемъ и Сульмоной. Ближайшей нашей станціей была Сульмона, древ. Sulmo, родина поэта Овидія.

X.

Сульмона.—Ея ученье.—Корфинийская долина.—Повздка въ сѣверныя
Абруццы

Шесть лѣтъ назадъ центральная полоса Абруццъ прорѣзана желѣзной дорогой, идущей отъ станціи Пескара адриатической линіи до города Аквилы. Это—первая вѣтвь, проведенная въ страну, считавшуюся наиболѣе обособленной и уединенной. Въ скоромъ времени предполагается проложить здѣсь и другой путь, который будетъ соединять эти горы прямо съ Римомъ. Дорога пойдетъ отъ Сульмоны окрестностями Фуцинскаго озера къ Тиволи, съ которымъ у Рима уже и теперь есть конно-желѣзное сообщеніе.

Желѣзныя дороги, какъ извѣстно, болѣе всего остального способствуютъ нивелировкѣ народной жизни въ разныхъ областяхъ страны, и потому не подлежитъ сомнѣнію, что, съ появленіемъ локомотивовъ въ этихъ своеобразныхъ горныхъ кантонахъ, будутъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе испаряться вѣковые обычаи и всѣ тѣ оригинальныя формы народной жизни, которыя рѣзко отличали Абруццанина отъ всѣхъ другихъ жителей Италіи; эти стародавнія формы будутъ теперь уступать мѣсто новымъ, заимствуемымъ отъ сосѣдей, близкихъ и дальнихъ. Въ виду этой неизбежной реформы, предстоящей Абруццамъ, этнографы должны скорѣе знакомиться съ этой, доселѣ мало извѣстной и нетрону-

той чужимъ вліяніемъ, областью—собирать народныя пѣсни и легенды, записывать обычаи и преданія Абруццанъ.

Важность такой задачи раньше другихъ понялъ учитель технической школы и овидіевской коллегіи города Сульмоны, г. Антоніо де-Нино. Ученый-самоучка, исключительно себѣ обязанный всѣмъ образованіемъ, не бывшій ни въ гимназій, ни въ университетѣ и добившійся диплома гимназическаго преподавателя собственными успіями, онъ представляетъ собою одинъ изъ благородныхъ и наиболѣе замѣчательныхъ типовъ провинціальной интеллигенціи Италіи. Почтенная его литературная дѣятельность, выражающаяся цѣлымъ рядомъ трудовъ, относящихся къ поэзіи, лингвистикѣ, педагогикѣ, этнографіи и мѣстной археологіи, принесла бы должную пользу любой изъ болѣе просвѣщенныхъ странъ Европы *).

Глубокій почитатель своей родины, онъ исходилъ Абруццы вдоль и поперекъ съ цѣлью изученія нравовъ и обычаевъ своихъ земляковъ. Каждая каникулы употребляетъ онъ на такія этнографическія экскурсіи. Издавна занятый мыслью опубликовать сборникъ народныхъ обычаевъ Абруццъ, онъ записываетъ все нужное для такого труда—обычаи и обряды свадебные, крестинные, похоронные, разныя религіозныя суевѣрія и пр. Вмѣстѣ съ тѣмъ, рука объ руку шло у него и составленіе этнографическаго музея той же мѣстности. Недавняя выставка этого богатаго и единственнаго въ своемъ родѣ собранія въ Миланѣ по достоинству оцѣнена была знатоками дѣла и отечественной литературой.

Успѣшный собиратель-этнографъ, г. де-Нино необыкновенно счастливъ и на полѣ археологіи, къ которой онъ обратился въ послѣдніе годы. Окрестности Сульмоны, по его

*) Перечень его сочиненій и нашъ отчетъ объ его новѣйшемъ трудѣ „Usi Abruzzesi“, см. „Истор. Вѣстн.“ 1881, № 3.

словамъ, издавна поражали обиліемъ разныхъ античныхъ руинъ: тамъ выглядывалъ изъ земли высѣченный и обдѣланный камень, въ другомъ мѣстѣ виднѣлся какъ бы остатокъ стѣны, въ третьемъ существовали несомнѣнные признаки кладбищъ съ ихъ могилами и т. д. Число такихъ остатковъ древности увеличивалось, на его взглядъ, по мѣрѣ приближенія къ нынѣшнему селенію Пентима, расположенному, по народному преданію, на мѣстѣ древняго Корфинія.

Но все это, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ Италіи, не обращало ничьего вниманія серьезно. Древніе камни и здѣсь шли на разныя постройки, переносились съ одного мѣста на другое, разбивались и т. д. О раскопкахъ никто не заботился, между прочимъ, и потому, что каждый аршинъ здѣшней земли цѣнится чрезвычайно высоко по причинѣ ея необычайнаго плодородія и по особенному свойству почвы, дающей одинъ изъ лучшихъ сортовъ винограда страны. Вино, производимое здѣсь, идетъ за-границу, — преимущество, которымъ пользуются сравнительно весьма немногія мѣстности Италіи.

Антоніо де-Нино первый поднялъ передъ правительствомъ вопросъ о необходимости правильнаго и продолжительнаго археологическаго изслѣдованія территоріи Корфинія, города, игравшаго столь видную роль въ войнѣ Италійцевъ противъ Рима (такъ-называемая Союзническая война) въ 90—88 г. до Р. X. Въ виду убѣдительности доводовъ, главное управление по дѣламъ археологіи назначило г. де-Нино инспекторомъ раскопокъ этой мѣстности и даетъ ему небольшую субсидію на производство этихъ работъ.

Съ 1877 г. начались здѣсь методическія раскопки, и не смотря на краткость времени и неизбѣжную экономію въ наймѣ рабочихъ, усилія страстнаго искателя вѣнчаются замѣчательными результатами. Напавши на нѣсколько кладбищъ въ корфинійской долинѣ, онъ вырылъ на ряду со

многимъ другимъ нѣсколько десятковъ исписанныхъ камней, цѣнность которыхъ тѣмъ выше въ глазахъ специалистовъ, что вмѣстѣ съ ними является новый, доселѣ неизвѣстный діалектъ древней Италіи. Это такъ-называемый діалектъ Пелигновъ (Peligni), по грамматическому строю близко примыкающій къ осскому, но уклоняющійся отъ него, какъ и отъ всѣхъ другихъ италійскихъ нарѣчій, своимъ лексическимъ составомъ.

Появленіе ученаго, посвящающаго свои досуги на археологическое изслѣдованіе этой почвы, стало вызывать вниманіе къ остаткамъ древности и со стороны мѣстнаго населенія. Встрѣчая въ стѣнахъ своихъ домовъ, въ огородахъ или просто на своихъ поляхъ камни, носящіе признаки письма, или какіе-либо архитектурные орнаменты, жители этой провинціи теперь приобрѣтаютъ обычаемъ доводить объ всемъ этомъ до свѣдѣнія г. де-Нино и нерѣдко отдаютъ свои, ненужныя для нихъ, находки въ его личное распоряженіе. Вслѣдствіе всего этого, дворикъ дома гимназическаго учителя мало-по-малу превращается теперь въ цѣнный эпиграфическій музей, достойный лучшей участи, лучшаго помѣщенія.

Независимо отъ домашней коллекціи, у г. де-Нино существуетъ складъ древностей на мѣстѣ самого Корфинія, въ селеніи Пентима. Исписанные камни тамъ сложены пока рядами на дворѣ дома коммунальнаго правленія, вещи же мелкія, какъ монеты, вещи изъ стекла, лампочки, вазочки и тому подобные предметы, обыкновенно находимые въ древнихъ могилахъ, хранятся въ одной изъ комнатъ, гдѣ все это расположено въ большемъ порядкѣ старательною рукою собирателя. Г. де-Нино уже мечтаетъ о постройкѣ спеціального Корфинійскаго музея, — и дальнѣйшія открытія на этой территоріи несомнѣнно заставятъ правительство и мѣстную общину исполнить его справедливое желаніе.

Въ заключеніе, скажемъ нѣсколько словъ объ отношеніи сульмонскаго археолога къ иностранцамъ, посѣщающимъ эти мѣста съ ученой цѣлью, насколько мы можемъ судить объ этомъ по личному опыту и рассказамъ другимъ очевидцевъ. Имѣя рекомендательныя письма къ г. де-Нино отъ его неаполитансенхъ и римскихъ знакомыхъ, я тотчасъ, по прибытіи въ Сульмону, отправился разыскивать его по городу. Начальникъ мѣстной почтовой конторы, къ которому мы обратились съ просьбой указать намъ адресъ г. де-Нино, далъ мнѣ въ проводники почтальона—и черезъ какихъ-нибудь пять минутъ мы уже входили въ небольшой дворикъ, похожій на мастерскую каменныхъ дѣлъ мастера. Здѣсь всюду лежали мраморы и куски песчаника, расположенные и симметрично, и какъ попало: тутъ были и правильные квадраты, и треугольники, и безформенные фрагменты, остатки статуй, и архитектурныя украшенія въ родѣ карнизовъ, капителей колоннъ и пр. Только темный и желтый цвѣтъ всего этого да сами собой бросавшіяся въ глаза надписи говорили, что это—коллекція антикварія.

Хозяинъ былъ дома и сидѣлъ за работой въ своей библиотекѣ, численность и разнообразіе которой сдѣлали бы честь и не ученому мало кому извѣстной Сульмоны. Мы познакомились и разговорились о цѣли моего путешествія по провинціямъ Италіи. Матеріалы, о которыхъ я просилъ его прежде, были имъ осмотрѣны, выдѣлены изъ массы другихъ и приготовлены для моего пользованія; составленъ былъ и списокъ всѣхъ камней, которые имѣли для меня специальный интересъ, обозначены мѣста первоначальнаго находженія этихъ надписей и имена ихъ нынѣшнихъ владѣльцевъ, и пр. Словомъ, сульмонскій любитель археологіи сдѣлалъ въ этомъ случаѣ все, что было необходимо въ интересахъ науки и что, вмѣстѣ съ тѣмъ, ясно указывало на значительную опытность г. де-Нино въ обхожденіи съ эпиграфическимъ матеріаломъ.

Узнавъ, что я могу пробыть въ этихъ мѣстахъ лишь самое короткое время, онъ сейчасъ же отдалъ приказаніе привести почтовый экипажъ и предложилъ мнѣ отправиться съ нимъ на мѣсто древняго Корфинія и въ его окрестности. Надписи, ради которыхъ я прибылъ въ эту провинцію, находились въ нѣсколькихъ рукахъ, а потому намъ пришлось объѣхать всю долину, бывшую въ Союзническую войну сборнымъ пунктомъ Италійцевъ, поднявшихъ знамя противъ Римскаго деспотизма.

Долина Корфинія или, какъ она называется нынѣ, la Valle di Solmona, окружена плотнымъ кольцомъ Абруццскихъ горъ и имѣетъ около двѣнадцати итальянскихъ миль (около осмнадцати верстъ) въ длину и отъ четырехъ до пяти миль въ ширину. Въ общемъ видѣ она представляетъ собою сплошной, громадный виноградникъ, по мѣстамъ прерываемый широкими площадями полей, гдѣ въ изобиліи растутъ пшеница, рисъ, кукуруза, бобы, фасоль и пр. Хлѣбъ здѣсь родится самъ—двѣнадцать и въ хорошіе годы самъ—пятнадцать; въ теченіе года съ одного и того же поля бываютъ два сбора: за сборомъ пшеницы сейчасъ же сѣется фасоль, послѣ кукурузы непосредственно идетъ посѣвъ бобовъ и т. д. По словамъ г. де-Нино, въ послѣднее время размѣры виноградія расширяются все болѣе и болѣе, такъ какъ дознано, что виноградники еще лучше вознаграждаютъ труды земледѣльца, чѣмъ даже два сбора съ полей *). Каждый собственникъ имѣетъ здѣсь свой погребъ съ чаномъ вина. Размѣры этихъ чановъ, само собою разумѣется, бываютъ различны, но обыкновенная вмѣстимость ихъ начинается отъ сорока и доходитъ до двухсотъ гектолитровъ (болѣе

*) Таково же свойство этой почвы было и въ древности, какъ видимъ изъ свидѣтельства Овидія, говорившаго о своей родинѣ:

Terra ferax Cereris, multoque feracior uvae.

320—1600 ведеръ). Въ самой Сульмонѣ, въ одномъ изъ такихъ погребовъ (detta di Granata) этотъ чанъ заключаетъ въ себѣ четыреста девяносто гектолитровъ (болѣе 3,920 ведеръ) и считается самымъ большимъ въ Абруццахъ. Вино вывозится за-границу чрезъ посредство комиссіонеровъ сѣверной Италіи. Въ послѣдніе годы стали вывозить въ огромномъ количествѣ и самый виноградъ.

Чрезвычайное богатство почвы съ ея роскошными садами и нивами, красота горъ, облегающихъ эту благодатную долину, легкость и дешевизна жизни для владѣльцевъ этихъ мѣстъ и отдаленность отъ Рима дѣлаютъ и теперь понятными патриотизмъ и любовь къ свободѣ древнихъ обитателей этой страны и ихъ горячую ненависть къ деспотизму Римлянъ, налагавшихъ на всю Италію свою желѣзную руку. Смотри на эти горы и на эту долину, легко представить себѣ этотъ центръ революціи Италійцевъ 90-го года до Р. Х., съ крайнимъ возбужденіемъ умовъ, пламенными рѣчами и военными приготовленіями въ походъ противъ Рима.

Съ тѣхъ поръ много воды утекло и смѣнили другъ друга многія сотни здѣсь жившихъ поколѣній. Теперь въ этомъ мѣстѣ все тихо и спокойно. Богатая земля принадлежитъ нѣсколькимъ крупнымъ владѣльцамъ и обрабатывается множествомъ мелкихъ арендаторовъ-колонистовъ, спускающихся сюда со всѣхъ Абруццъ. Главными центрами населенія служатъ Сульмона, Пополи и Пратола-Пелинья; нѣсколько деревень и сотни отдѣльныхъ виллъ покрываютъ это обширное поле, отъ котораго, между прочимъ, и археологическая наука ждетъ себѣ богатой добычи.

Г. Антонио де-Нино выводилъ меня по всѣмъ вилламъ, представлявшимъ какой-либо интересъ для моего собранія и самъ принималъ въ заготовленіи снимковъ съ надписей живое участіе. Работа производилась на дворахъ, въ садахъ и въ полѣ, прилегающемъ къ этимъ вилламъ; жаркое іюль-

ское солнце давало при этомъ чувствовать себя во всей своей силѣ—и любезный археологъ то держалъ зонтъ надо мною въ то время, когда производились очистка и снимки съ надписей, то принимался обмывать и облѣплять бумагой камни и дѣлать все нужное для того, чтобы слѣпокъ выходилъ отчетливѣе и яснѣе.

На мой вопросъ, почему онъ не соединитъ въ одномъ мѣстѣ и эти разсѣянные по разнымъ владѣльцамъ камни, представляющіе такой же интересъ какъ и всѣ другіе, которые находятся какъ въ его личномъ собраніи, такъ и въ селеніи Пентима, въ этомъ будущемъ Museo Corfiniese, онъ не безъ хитрой усмѣшки сказалъ мнѣ:

„Необходимо терпѣнье, будетъ срокъ—и всѣ эти надписи займутъ мѣсто въ нашей коллекціи; но для этого нужно выждать время и умѣть пользоваться обстоятельствами. Жителя Абруццъ ничѣмъ нельзя такъ вооружить противъ себя, какъ назойливостью; лаской же сдѣлаешь изъ него все. Что касается до этихъ камней, то они найдены недавно: хозяева ихъ теперь пока любятъ своей находкой и слишкомъ высоко ее цѣнить. Но пройдетъ годъ-другой, интересъ ихъ къ этимъ „сокровищамъ“ ослабѣетъ—и тогда уже ничего не будетъ стоить получить ихъ въ даръ для музея. Нѣкоторые камни лежатъ по вилламъ еще и потому, что богатые владѣльцы ихъ живутъ далеко отсюда. Переписываться съ ними не стоитъ труда: не выдавши предметовъ сами, они возмечтаютъ на счетъ ихъ большой цѣнности и распорядятся перевести ихъ въ мѣсто своего постоянного жительства, а тогда простись уже съ этой находкой навсегда. Нужно поэтому дожидаться приѣзда этихъ господъ сюда, и тогда мы уже безъ труда выпросимъ ихъ для здѣшняго или какого-нибудь другаго общественнаго собранія. Dunque, pazienza, signore: senza pazienza non si fa niente,—заклучилъ онъ.

Въ этомъ путешествіи по Корфинійской долині прошелъ

весь день—и какимъ же вкуснымъ показался послѣ этого обѣдъ изъ баранины и голубей, которымъ угощались мы въ сельской тракторіи! Когда подали фрукты, г. де-Нино поднялся съ мѣста и провозгласилъ тостъ за союзъ итальянскихъ и русскихъ ученыхъ и за нашу личную дружбу... Послѣдствія показали, что это не было простой любезностью и что лишній стаканъ выпитаго мѣстнаго вина былъ здѣсь ни при чемъ.

Было уже темно, когда мы воротились изъ Пентимы въ Сульмону. Обстоятельства не позволяли мнѣ оставаться здѣсь долѣе завтрашняго дня, и потому намъ необходимо было сейчасъ же приступить къ снимкамъ съ камней, находившихся во дворикѣ дома г. де-Нино. Всѣ нужныя надписи заранѣе были отобраны и лежали вмѣстѣ. При свѣчахъ и лампахъ его домашніе вымыли камни, и мы облѣпили ихъ бумагой, оставивъ просушиваться эти слѣпки до завтра.

Около 11 часовъ вечера г. де-Нино предложилъ мнѣ отправиться къ ректору овидіевской коллегіи, отцу Дорруччи. Зданіе этой гимназій было близко, и чрезъ нѣсколько минутъ мы уже входили въ обширный залъ бібліотеки, гдѣ почтенный ректоръ сидѣлъ за какой-то книгой. Отецъ Леопольдо Дорруччи принадлежитъ къ вымирающему теперь типу филологовъ добраго стараго времени, когда занимавшіеся классической древностью изучали только латинскихъ и греческихъ писателей, умѣли мастерски говорить по-латыни и мало интересовались археологіей, не знали ни науки о надписяхъ, ни сравнительнаго языкознанія, ни другихъ обязательныхъ теперь дисциплинъ. Ограничивши кругъ своего изученія нѣкоторыми излюбленными авторами, они за то знали ихъ до мельчайшихъ деталей. Такимъ любимцемъ отца

Дорруччи явился его соотечественникъ, уроженецъ той же Сульмоны, поэтъ Овидій. Болѣе тридцати лѣтъ занимаетъ его этотъ писатель, вызывая время отъ времени на исправленіе стихотворнаго перевода его произведеній, сдѣланнаго имъ еще въ концѣ сороковыхъ годовъ. Опубликовать этотъ трудъ онъ рѣшился только въ самое недавнее время. Первый томъ его перевода вышелъ во Флоренціи въ 1879 г. подъ заглавіемъ: *Opere di P. Ovidio Nasone tradotte da Leopoldo Durrucchi Sulmonese.*

Поучительна многолѣтняя преданность разъ избранной задачѣ въ ученомъ, живущемъ въ большомъ умственномъ центрѣ страны, но тѣмъ болѣе достойна уваженія эта упорная энергія въ преслѣдованіи научно-художественной цѣли въ безвѣстномъ учителѣ и потомъ ректорѣ захолустной гимназій. Въ самомъ дѣлѣ, кто же знаетъ Сульмону и каково значеніе этого города въ сравненіи съ Римомъ, Неаполемъ, Флоренціей, Миланомъ и другими большими городами Италіи? А между тѣмъ, здѣсь въ этихъ кругомъ облегающихъ и отдѣляющихъ отъ всего цивилизованнаго міра горахъ простой школьный учитель посвящаетъ свои досуги отъ тяжелаго труда на художественную передачу произведеній знаменитаго согражданина—и въ такой работѣ проходятъ многіе, долгіе годы... Какъ въ этой привязанности къ научному труду, такъ и въ самомъ выборѣ произвольной задачи есть что-то глубоко симпатичное и вызывающее на невольное удивленіе.

Въ полночь мы отеланялись сульмонскому педагогу и уже не ожидали встрѣтиться съ нимъ болѣе, такъ какъ нашъ выѣздъ былъ назначенъ на шесть часовъ утра слѣдующаго дня. Но сверхъ всякаго чаянія, въ половинѣ шестого часа, когда весь городъ еще спалъ, у нашей гостиницы стояла коляска отца Дорруччи, явившагося вмѣстѣ съ г. де-Нино отдать мнѣ визитъ и проводить до вокзала желѣзной дороги, ко-

торый находится приблизительно въ верстѣ отъ Сульмоны. Дорогой добродушный филологъ указывалъ на одномъ изъ окрестныхъ холмовъ виллу, которую народное преданіе зоветъ Овидіевой...

„Здѣсь,—сказалъ онъ намъ,—подъ журчанье свѣтлыхъ струй нашего Fonte d'Amore и подѣ тихій шелестъ маслинъ я перевелъ всего моего Овидія. Вмѣстѣ съ народной молвою я вѣрилъ, что это мѣсто дѣйствительно принадлежало нѣкогда Овидію и подѣ вліяніемъ этой вѣры мой бѣдный переводъ нигдѣ не слался удачнѣе, какъ здѣсь“.

Но вотъ подошелъ желѣзно-дорожный поѣздъ, и мы должны были разстаться. Г. де-Нино, при прощаньи, напомнилъ о вчерашнемъ тостѣ въ сельской тавернѣ и первый обѣщалъ писать намъ въ Россію. Дальнѣйшія обстоятельства показали, что обѣщаніе абруцскаго ученаго не было пустымъ звукомъ. Не прошло и мѣсяца послѣ этого, какъ въ Москвѣ нами полученъ былъ цѣлый свертокъ бумажныхъ слѣпковъ съ новыхъ и нигдѣ еще не изданныхъ надписей. Изъ длиннаго и обстоятельнаго письма его было видно, что г. де-Нино только-что открылъ ихъ при раскопкахъ Корфинія и, въ силу даннаго слова, счелъ нужнымъ послать копію съ нихъ въ Россію одновременно съ отправленіемъ оффиціального отчета въ Римъ. Эта услуга была только началомъ его ученой и дружеской корреспонденціи: нужно ли навести справку о какой-нибудь частности, касающейся древностей его мѣсть, требуется ли знакомство съ кѣмъ-либо изъ другихъ владѣтелей антиварныхъ коллекцій центральной полосы Италіи, г. де-Нино служитъ всегда вѣрнымъ и въ высшей степени аккуратнымъ посредникомъ. И это послѣ одного дня нашего личнаго знакомства!

Уѣзжая изъ Сульмоны, мы еще разъ имѣли случай опи-

нуть взглядомъ мѣста, гдѣ родился и выросъ знаменитый римскій поэтъ. Какъ видѣ этихъ родныхъ ему горъ и долинъ, такъ и неожиданная встрѣча съ новѣйшимъ его переводчикомъ невольно вызвали въ нашей памяти его воспоминанія объ отечественномъ городѣ и о годахъ его ранней юности. Вотъ одно изъ таковыхъ (Trist. IV, 10, ст. 3 и слѣд.):

Sulmo mihi patria est, gelidis uberrimus undis
Milia qui novies distat ab Urbe decem.
Editus hinc ego sum, nec non ut tempora noris,
Cum cecidit fato consul uterque pari:
Si quid id est, usque a proavis vetus ordinis heres,
Non modo fortunae munere factus eques.
Nec stirps prima fui. Genito sum fratre creatus,
Qui rtibus ante quater mensibus ortus erat.

.....
Protinus excolimur teneri, curaque parentis
Imus ad insignes Urbis ab arte viros.

т. е.

Городъ родной мнѣ Сульмонъ, обильный студеной водою;
Ровно отъ Рима къ нему миль девяносто пути.
Здѣсь началась моя жизнь и притомъ, чтобы зналъ ты и
время,

Въ годъ, какъ кончину нашли консулы оба одну *).
Если то стоитъ вниманья, потомокъ я длиннаго ряда
Всадниковъ, а не на дняхъ ставшій случайно таковымъ.
Не былъ я старшимъ въ семьѣ и, родившись, засталъ уже
брата;

За годъ всего до меня онъ появился на свѣтъ.
.....

*) Здѣсь разумѣется 711 г. города (43 до Р. Х.), когда пали оба консула Гирцій и Панса въ битвѣ съ Антоніемъ при Моденѣ.

Рано насъ стали учить, и родитель, намъ пользы желая, Въ Римъ насъ обоихъ послалъ къ славнымъ въ наукѣ мужамъ *).

Поѣздъ по направленію къ восточной линіи двигался быстро, и черезъ два часа мы увидѣли издали голубья и свѣтлыя воды Адриатики.

Въ нашемъ маршрутѣ далѣе стояло имя сѣверно-абруцскаго археолога, барона Гуидобальди. Отъ соединительной станціи Пескара нужно было подняться на сѣверъ до Торторето и оттуда проѣхать съ почтой до Нерето, мѣстопробыванія этого ученаго.

Нерето—маленькій и бѣдно высматривающій городокъ провинціи Терамо. По наружности его трудно отличить отъ мѣстечка или деревни. Главнымъ занятіемъ его населенія служить земледѣліе: въ тотъ часъ, когда нашъ почтовый фургончикъ понемногу поднимался къ этому городу, жители или снимали ниву на ближайшемъ полѣ, или же молотили цѣпами пшеницу на своихъ гумнахъ. Путешественники заходятъ сюда, вѣроятно, рѣдко, да если бы и явились они, то вопросъ о помѣщеніи и ночлегѣ долженъ былъ бы рѣшаться развѣ любезностью кого-нибудь изъ мѣстныхъ обывателей. На весь городъ одна локанда—родъ меблированныхъ комнатъ, которыхъ всего три, но и тѣ при нашемъ прибытіи были заняты постоянными жильцами, такъ что хозяева, послѣ долгаго размышленія и оживленныхъ толковъ, очистили для меня какой-то верхній чуланъ, находившійся подъ самой крышей, безъ потолка и мебели.

Но послѣ нѣсколькихъ бессонныхъ ночей и усиленныхъ передвиженій эта бѣдная квартирка была дороже и удобнѣе

*) Этимъ стихотворнымъ переводомъ мы обязаны проф. О. Е. Коршу, которому и приносимъ здѣсь сердечную благодарность.

всякаго отѣя. Старушка-хозяйка достала курицу, вина и фруктовъ—и свой веусный обѣдъ приправляла большою словоохотливостью, ни мало не стѣсняясь тѣмъ, что двухъ третей ея своеобразнаго жаргона я понять былъ не въ состояніи. Помню только, что она благодарила Бога за богатый урожай хлѣба въ нынѣшнемъ (1880) году, хвалилась прекраснымъ видомъ изъ ихъ дома на вдали синѣвшее море, высказывала сожалѣніе, что я пріѣхалъ въ такое время, когда всѣ ея три комнаты заняты и что поэтому она не можетъ дать мнѣ помѣщенія съ этимъ прекраснымъ видомъ. Чтобы, однако, показать мнѣ панораму, открывавшуюся изъ оконъ ея дома, она повела меня въ комнату жившаго здѣсь учителя мѣстной школы и въ то время находившагося на службѣ. Когда я спросилъ ее о баронѣ Гуидобальди, она разсыпалась въ похвалахъ его благородству и знатности и нашла мнѣ мальчика, который долженъ былъ довести меня до его дома.

Доменико Гуидобальди, нынѣшній инспекторъ раскопокъ и древностей провинціи Абруццо Терамано, болѣе сорока лѣтъ трудится на полѣ итальянской археологической науки. Въ настоящее время это уже преклонный старикъ, вступившій въ восьмое десятилѣтіе своей дѣятельной жизни. Труды его разсѣяны по разнымъ археологическимъ журналамъ и выходили во множествѣ мелкихъ брошюръ, печатавшихся частью въ Неаполѣ, частью въ родной его провинціи. Читая его почтенную по размѣрамъ книгу „Александръ и Буцефалъ“ (Alessandro e Bucefalo. Napoli, 1851) и разнообразныя его изслѣдованія, касающіяся латинскихъ и диалектическихъ надписей, нельзя не убѣдиться въ обширной и разносторонней начитанности его какъ въ древнихъ текстахъ, такъ и въ новой археологической и филологической литературѣ.

Эта энергія и страсть къ прогрессу любимой науки не

оставляютъ его и до сихъ поръ. Не далѣе какъ шесть лѣтъ назадъ лингвисты получили отъ него изданіе п объемистый комментарий одной надгробной надписи древнихъ Пицентовъ, народа сабинскаго происхожденія, населявшаго эту область *), комментарий, который представляетъ всѣ обычные свойства его большой и разнородной начитанности.

Правда, современный ученый не найдетъ въ его трудахъ достаточной критики, не встрѣтитъ должнаго разграниченія между дѣйствительнымъ научнымъ фактомъ и неимѣющей значенія догадкой иногда незрѣлаго, лишь только начинающаго автора, и потому самую начитанность и эрудицію сочтетъ какой-то хаотической и конфузной, самыя изданія его латинскихъ и другихъ текстовъ недостаточно точными... Именно по поводу ученой дѣятельности барона Гундобальди профессоръ неаполитанскаго университета г. Франческо д'Овидіо, воспитанный уже при другихъ условіяхъ и требующій отъ научнаго изслѣдованія прежде всего точности сообщаемыхъ фактовъ и строгости выводовъ, съ грустью говорилъ намъ о существованіи въ Италіи цѣлаго класса ученыхъ, которые въ большомъ количествѣ прочитанныхъ книгъ полагаютъ всю свою заслугу и для которыхъ „всякое печатное слово“ имѣетъ одинаковое серьезное и научное значеніе: оттого, по словамъ г. д'Овидіо, въ ихъ сочиненіяхъ всегда масса цитатъ изъ самыхъ разнообразныхъ и иногда по направленію и внутреннему достоинству взаимно себя исключаютъ книгъ, а въ передачѣ существенно важныхъ фактовъ весьма частая неточность рядомъ съ поспѣшностью заключеній, основанныхъ на матеріалѣ, имп же самими невѣрно сообщенномъ.

*) Breve Commentario di una iscrizione arcaica rinvenuta in Castel S. Andrea di Bellante. Torino 1876. Ср. также у Fabretii, въ его Terzo Suppl. al Corp. inscr. Ital. p. 147.

Лично мы не можемъ вполне раздѣлить этихъ сѣтованій молодаго неаполитанскаго профессора. Люди, о которыхъ идетъ рѣчь, принадлежатъ къ поколѣнію уже сходящему со сцены, и потому несправедливо было бы требовать отъ нихъ той строгости къ самимъ себѣ, какая становится неизбежной для ученаго послѣдняго времени, и было бы совсѣмъ неумѣстно прилагать къ нимъ мѣрку, о которой въ провинціяхъ Италіи, въ цвѣтущую пору жизни этихъ труженниковъ, не могло быть и рѣчи. Всему своя пора и свой образъ дѣйствій... Правда, графъ Бартоломео Боргези, работая въ своей маленькой республикѣ Санъ-Марино, умѣлъ и тогда царить въ археологической наукѣ Европы и своей истинно научной эрудиціей заставлялъ приходиться къ себѣ для поученія современныхъ вождей латинской эпиграфики и археологіи, Моммсена и Генцена, не говоря о многихъ другихъ нѣмецкихъ и французскихъ ученыхъ; но этотъ человекъ по своему общественному положенію, по матеріальнымъ средствамъ и по дарованіямъ составляетъ исключительное явленіе и, какъ блестящее исключеніе, не можетъ идти здѣсь въ счетъ. Мы говоримъ въ данномъ случаѣ только о скромныхъ любителяхъ науки, о захолустныхъ ученыхъ и антикваріяхъ, которые никогда о видной роли и не мечтали.

При сужденіи о людяхъ этой категоріи, необходимо брать во вниманіе не то, чего они не имѣли, чего у нихъ никогда не было, нужно не высчитывать отрицательныя стороны ихъ дѣятельности, а напротивъ постоянно имѣть въ виду ихъ цѣли, которыя всегда были благородны и научны. Живя въ провинціяхъ, глушь и разъединенность которыхъ въ былое время не можетъ идти ни въ какое сравненіе съ тѣмъ, что мы тамъ видимъ теперь, когда весь полуостровъ покрывается сѣтью желѣзныхъ дорогъ, они сумѣли воспитать въ себѣ любовь и уваженіе къ наукѣ, никогда ничего

имъ не дававшей кромѣ нравственнаго удовлетворенія. А между тѣмъ, благодаря усиліямъ этихъ мало кому извѣстныхъ антикваріевъ, многое спасено для науки отъ невѣжества темнаго люда, многое избавлено отъ неизбежнаго разрушенія. Ватиканъ и Капитолій, музеи Неаполя, Парижа, Лондона, Берлина и другихъ большихъ городовъ многими своими сокровищами обязаны не кому иному, какъ этимъ захолустнымъ археологамъ.

Именно съ этой точки зрѣнія нужно смотрѣть и на благородную дѣятельность барона Доменико Гуидобальди. Любя свои сѣверныя Абруццы, онъ съ давнихъ поръ, время отъ времени, доводилъ до свѣдѣнія ученаго міра о разныхъ случайныхъ находкахъ археологическаго характера, подобно тому какъ тоже самое дѣлалъ на югѣ Абруццъ Амброджо Караба. Они, по мѣрѣ силъ и знаній, слѣдили за открытіемъ всякаго новаго замѣчательнаго камня римско-италійской эпохи и давали объ этомъ знать въ Римъ или Неаполь. Такъ, между прочимъ, этимъ антикваріямъ наука обязана нѣсколькими драгоцѣнными остатками самнитской и сабинской письменности; они первые обращали вниманіе специалистовъ на эти рѣдкіе отзвуки давно минувшей жизни: профессоръ Моммсенъ и другіе, свои и иностранные, филологи ходили къ этимъ памятникамъ уже по ихъ указаніямъ.

Когда мы явились въ старыи и весьма скромный домикъ неретинскаго ученаго, хозяинъ былъ дома. Черезъ какіе нибудь полчаса времени онъ уже подробно и съ большимъ увлеченіемъ рассказывалъ намъ объ археологическихъ достопримѣчательностяхъ сѣверной полосы Абруццъ и, между прочимъ, объ одномъ сабинскомъ камнѣ, который онъ открылъ около тридцати-пяти лѣтъ назадъ и который доселѣ находится во владѣніи сосѣдняго помѣщика, синьора Спиноцци. И когда г. Гуидобальди узналъ, что именно этотъ

то камень и былъ главной причиной моего прибытія въ сѣверныя Абруццы, то онъ сейчасъ же предложилъ мнѣ отправиться вмѣстѣ съ нимъ для осмотра этой интересовавшей меня надписи. Спустя двадцать минутъ, мы втроемъ въ прежнемъ почтовомъ фургончикѣ катились по ровной горной долинѣ по направленію къ помѣстью г. Спиноцци. Старога барона сопровождалъ его молодой племянникъ.

Рекомендація г. Гуидобальди широко открыла намъ двери богатаго землевладѣльца этихъ мѣстъ. Не только предоставленъ былъ въ наше полное распоряженіе нужный намъ камень, но и вся семья вышла на улицу принять участіе въ оживленной бесѣдѣ, которая сейчасъ же завязалась вокругъ насъ у барона съ хозяиномъ. Древняя надпись лежитъ въ домашней церкви и хранится какъ драгоцѣнность, за которую этотъ помѣщикъ не хочетъ взять никакихъ денегъ. Неаполитанскій музей, по его словамъ, уже предлагалъ ему тысячу лиръ; но напрасно: своеобразный патриотизмъ препятствуетъ этому владѣльцу уступить непонятный ему камень ученому учрежденію, въ которомъ онъ приносилъ бы несравненно болѣе пользы для науки и гдѣ этотъ сабинскій текстъ конечно не остался бы безъ специальныхъ изслѣдованій болѣе двадцати-пяти лѣтъ, какъ это случилось теперь.

Пока заготавливался снимокъ, наступилъ вечеръ, и потому необходимо было отложить окончаніе работы до завтра. Любезные хозяева принесли къ дверямъ церкви вина своихъ лозъ и домашняго сыру. Откланиваясь, я просилъ позволенія явиться снова завтра часовъ въ семь утра, и когда баронъ замѣтилъ, что въ это время едва-ли можно будетъ достать почтовый фургонъ, то все семейство начало просить остаться и переночевать у нихъ. Дорожа бесѣдой съ г. Гуидобальди, я вынужденъ былъ отказаться отъ этого гостеприимства, сказавши, что отсутствіе почтовыхъ лошадей не помѣшаетъ мнѣ завтра придти сюда пѣшкомъ. Эти послѣд-

нія слова произвели эффектъ, какого я и предположить не могъ: всѣ, и мужчины, и особенно дамы, засыпали насъ вопросами и восклицаніями: „какъ, пѣшкомъ въ этотъ жаръ, такую даль!“ и пр. Особенной жары въ шесть часовъ утра въ этой горной мѣстности быть не могло, даль же равнялась всего какимъ нибудь пяти-шести верстамъ.

Но дѣло въ томъ, что Итальянцы вообще боятся и не любятъ ходьбы. Тамъ послѣдній бѣднякъ сколачиваетъ средства для того, чтобы избавиться отъ этой неприятности и станеть виснуть у самага колеса несчастной таратайки, вынося при этомъ какія угодно неудобства, а пѣшкомъ не пойдетъ. Тѣмъ менѣе понятны здѣсь удовольствія пѣшеходовъ людямъ состоятельнымъ и синьорамъ.

Свою роль играло въ этомъ изумленіи гг. Спиноцци моему намѣренію и абруццское гостепріимство. Оттого-то на слѣдующее утро хозяинъ не утерпѣлъ и выѣхалъ намъ на встрѣчу.

Этотъ день былъ базарнымъ въ Нерето: здѣсь уставлялись на рынкѣ первыя цѣны на новый хлѣбъ, и потому синьоръ Спиноцци, какъ одинъ изъ главныхъ землевладѣльцевъ этой провинціи, долженъ былъ отправиться туда вмѣстѣ съ другими братьями. Дома оставались лишь однѣ дамы—старушка мать, ея замужняя дочь и гостившій у нихъ зять. Хозяйки не хотѣли отпереть мнѣ своей церкви, гдѣ лежала наша надпись раньше, чѣмъ былъ конченъ утренній кофе, который онѣ затягивали какъ можно долѣе своими разспросами о Россіи. Эта своеобразная бесѣда продолжалась и послѣ, когда все семейство, включая и женскую прислугу, перебралось въ капеллу и усѣлось здѣсь на полу. Каждое новое свѣдѣніе приводило моихъ собесѣдницъ, повидимому, въ большую радость и потому-то громкій смѣхъ и ихъ жаргонныя восклицанія такъ сильно оглашали своды церкви. Любопытство ихъ касалось всего и, между прочимъ, нашихъ

деревянныхъ домовъ, существованія которыхъ допустить онѣ никакъ не хотѣли, и названій домашнихъ животныхъ, и въ этомъ послѣднемъ случаѣ не могли понять, почему ихъ gallo называется по-русски пѣтухомъ, gallina курицей, asino осломъ, cavallo лошадыю, почему нашъ языкъ нисколько не похожъ на ихъ итальянскій и пр. Чтобы удовлетворить ихъ разспросамъ, я долженъ былъ рассказывать, во что одѣваются наши синьоры, синьорины и крестьянки и т. д. Описание костюма нашихъ дамъ, должно быть, задѣло моихъ любезныхъ хозяекъ за живое, потому что сейчасъ же сообщено было гостю, что онѣ не всегда носятъ такое платье, въ которомъ онѣ застали ихъ теперь, что, напротивъ, бывая въ городѣ, онѣ надѣваютъ шелковые и дорогіе костюмы, сшитые у модистокъ, что у нихъ много колець, серегъ и пр., а что если теперешнее ихъ одѣяніе не похоже на платье синьоръ, то это происходитъ отъ того, что теперь лѣто, онѣ у себя дома, въ деревнѣ, гдѣ онѣ желаютъ пользоваться полной свободой. Все это говорилось по той простой причинѣ, что костюмъ моихъ собесѣдницъ ни качествомъ бумажной матеріи, ни покроємъ, ни опрятностью не отличалъ ихъ отъ собственныхъ служанокъ.

Чтобы убѣдить въ своемъ богатствѣ, онѣ повели насъ смотрѣть ихъ новый, только что отдѣлывавшійся тогда домъ. Палаццо выведенъ въ нѣсколько этажей, большой и свѣтлый, со множествомъ комнатъ. Все указывало на значительныя средства хозяина и на желаніе обставить себя возможной роскошью. Стѣны выкрашены были внутри пестрыми и яркими красками, потолки расписаны въ мѣологическомъ стилѣ, много денегъ положено на раскраску половъ и пр. Купидоны, нимфы и всѣ другія аллегорическія фигуры плафоновъ и картинъ по стѣнамъ бросались въ глаза своей необычайной дородностью и яркостью красокъ; стиль живописи говорилъ, что мѣстный художникъ, расписывавшій

этотъ домъ, отличался болѣе смѣлостью, чѣмъ мастерствомъ. Но... вѣжливость требовала все это находить хорошимъ и хвалить талантъ ихъ „знаменитаго“ живописца...

Любезность матери этого семейства простерлась до того, что она начала совѣтовать намъ приостановить путешествіе на недѣлку и остаться погостить у нихъ.

— „На дняхъ я жду—говорила старушка—моего младшаго сына и другихъ родственниковъ. У насъ будетъ праздникъ, съѣдутся знакомые изъ Нерето и окрестностей: посмотрите, какъ мы живемъ,—право, вамъ будетъ у насъ весело; молодежь, которой у насъ будетъ много, устроитъ фейерверки, катанья, игры; будутъ танцы, музыка и пѣсни“.

Какъ ни ласковъ былъ этотъ зовъ, къ которому шумно присоединились и другіе члены семьи, бывшіе на-лицо, и какъ ни любопытно было познакомиться съ домашнимъ бытомъ провинціальныхъ итальянскихъ помѣщиковъ средней руки, но мнѣ необходимо было спѣшить. На этотъ разъ хозяйки уже рѣшительно воспротивились моему намѣренію возвратиться въ Нерето пѣшкомъ. Модный и щегольской кабриолетъ, запряженный отличнымъ рысакомъ, стоялъ у крыльца; роль кучера исправлялъ зять синьоры Спиноцци, который никакъ не хотѣлъ сѣсть рядомъ со мной и, не смотря на всѣ мои просьбы, оставался все время на козлахъ, говоря, что съ этого мѣста и видъ шире на окружающія горы и вдали блестящую полосу Адриатики, и не такъ жарко и душно на возвышеніи...

Мнѣ нужно было поблагодарить г. Гуидобальди за его любезную помощь въ необходимомъ для меня дѣлѣ. Ученый баронъ подарилъ намъ нѣсколько нашедшихся у него брошюръ его сочиненій и обѣщалъ писать обо всемъ, что будетъ относиться къ кругу моей задачи. Черезъ двѣ недѣли онъ сдержалъ свое обѣщаніе.

Почтовый фургонъ скоро спустился къ берегу Адриатиче-

скаго моря. Ближайшій поѣздъ желѣзной дороги захватилъ меня съ собою и чрезъ Анкону, Болонью и Венецію доставилъ на итальянско-австрійскую границу.

Нужно ли прибавлять, что прощанье съ Италіей тяжело для всякаго жителя сѣвера? Тѣмъ болѣе оно было грустно послѣ продолжительнаго и двукратнаго пребыванія въ этой чудной странѣ, послѣ общенія съ людьми, которые такъ безкорыстно, лишь въ силу однихъ научныхъ интересовъ и стремленій, всячески помогали въ нашемъ дѣлѣ... Величавыя картины только-что пройденныхъ мѣстъ и симпатичные образы итальянскихъ ученыхъ не оставляли меня во всемъ дальнѣйшемъ пути.

Сказать благодарное и правдивое слово объ этихъ людяхъ на страницахъ родной литературы и было цѣлью предлагаемыхъ замѣтокъ и воспоминаній.

ПОПРАВКА.

На стр. 64, строка 4 сверху напечатано: Солунто (Solus ntis латинскихъ писателей и Σολους греческихъ); но нужно читать: Solus, nt-is и Soluntum лат. пис. и Σολοῦς греч.
